

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 9 (75). № 1

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2023

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Печатается по решению Научно-технического совета ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»,
протокол №2 от 14.03.2023 г.

Редакционная коллегия журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки»:

Орехов В. В. – д. филол. н., проф. (главный редактор)	Ненарокова М. Р. – д. филол. н.
Яблоновская Н. В. – д. филол. н., проф. (заместитель главного редактора)	Орехова Л. А. – д. филол. н., проф.
Храбскова Д. М. – к. филол. н., доц. (заместитель главного редактора)	Осьминина Е. А. – д. филол. н., проф.
Александрова И. В. – д. филол. н., доц.	Петренко А. Д. – д. филол. н., проф.
Боргоякова Т. Г. – д. филол. н., проф.	Петров А. В. – д. филол. н., проф.
Борисова Л. М. – д. филол. н., проф.	Пономаренко И. Н. – д. филол. н., доц.
Гудзова (Дзыга) Я. О. – д. филол. н., доц.	Потапова С. Ю. – д. филол. н., проф.
Гуменюк О. Н. – д. филол. н., доц.	Савченко Л. В. – д. филол. н., проф.
Джумайло О. А. – д. филол. н., доц.	Селендили Л. С. – д. филол. н., проф.
Жамсаранова Р. Г. – д. филол. н., доц.	Смеюха В. В. – д. филол. н., доц.
Керимов И. А. – д. филол. н., проф.	Супрун В. И. – д. филол. н., проф.
Курьянов С. О. – д. филол. н., проф.	Титаренко Е. Я. – д. филол. н., проф.
Левицкий А. Э. – д. филол. н., проф.	Усеинов Т. Б. – д. филол. н., проф.
Лучинский Ю. В. – д. филол. н., проф.	Федотов О. И. – д. филол. н., проф.
Маркова Е. М. – д. филол. н., проф.	Хазанкович Ю. Г. – д. филол. н., проф.
	Шилина А. Г. – д. филол. н., проф.
	Ященко Т. А. – д. филол. н., проф.
	Егорова Л. Г. – к. филол. н., доц. (ответственный секретарь)

«Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки» включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК РФ с 20.07.2017 по группам специальностей: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки), 10.01.02 – Литература народов Российской Федерации (с указанием конкретной литературы или группы литератур) (филологические науки), 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) (филологические науки), 10.01.10 – Журналистика (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи) (филологические науки), 10.02.04 – Германские языки (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки); с 21.02.2023 – по специальностям: 5.9.1 Русская литература и литература народов Российской Федерации; 5.9.2 Литературы народов мира; 5.9.3 Теория литературы; 5.9.6 Языки народов зарубежных стран; 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика; 5.9.9 Медиакommunikation и журналистика.

Адрес редакции: 295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, д. 4.

Подписано в печать 14.03.2023 г. Формат 70x100 1/16.

Заказ № НП/191. Тираж 50. Усл. печ. л. 16,7. Бесплатно.

Дата выхода в свет

Отпечатано в Издательском доме

Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского

Адрес издательства и типографии: 295051, г. Симферополь,

бул. Ленина, 5/7. <http://sn-philol.cfuv.ru>

© Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2023 г.

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 808.1:821.161.1

ВЕКТОР ТВОРЧЕСКИХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ А. Н. ТОЛСТОГО ПЕРИОДА РЕ-ЭМИГРАЦИИ

Баранская Е. М.

*ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»,
Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
E-mail: eleni313@mail.ru*

Исследуется своеобразие художественной картины мира А. Н. Толстого периода ре-эмиграции. Предпринимается попытка проследить природу литературных экспериментов А. Н. Толстого 1920-х – 1930-х гг., органично вписавшихся в историко-культурную ситуацию создания нового искусства Советской России. Внимание акцентируется на процессе деконструкции системы повествовательных жанров и литературного языка, свойственных дореволюционному периоду классической русской литературы. Поднимается вопрос переосмысления А. Н. Толстым мемуарно-биографических жанров (цикл о русской эмиграции), которые получают горько-сатирическую окраску. В творческих поисках А. Н. Толстого определяющим становится экзистенциальное осмысление современности в условиях пограничного существования в 1920-е гг. между русским зарубежьем и Советской Россией; установка на творческое вживание в советское общество и активное выстраивание новой культуры России.

Ключевые слова: А. Н. Толстой, русское зарубежье, Советская Россия, эмиграция, ре-эмиграция, творческие новации.

ВВЕДЕНИЕ

В XXI в. исследовательский интерес к литературному наследию А. Н. Толстого не ослабевает. В современных условиях, когда России приходится противостоять русофобской политике Западного мира, идеологический вектор «Великороссии», заявленный писателем сто лет назад, определяет **актуальность** исследований, посвященных А. Н. Толстому. С начала XXI в. появляется ряд биографических работ с «установкой на подлинность», как заявил в интервью «Российской газете» 31 октября 2007 г. финалист литературной премии «Большая книга» А. Н. Варламов, автор книги «Алексей Толстой» (2006), вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей». Именно «природная русская сила, напор» Толстого, воспринимаемые как «свидетельство неуничтожимости, физического бессмертия нашего народа» [7], в значительной степени обусловили интерес к его личности А. Н. Варламова.

Оригинальный талант А. Н. Толстого обращал на себя пристальное внимание современников: А. К. Воронского, П. Н. Медведева, К. И. Чуковского и др. В советскую эпоху творческий путь писателя анализировали С. Г. Боровиков, И. И. Векслер, В. А. Западов, Ю. А. Крестинский, А. М. Крюкова, М. Б. Чарный, В. Р. Щербина и др. В современном литературоведении обращают на себя внимание труды Ю. М. Окланского, Б. М. Сарнова. Е. Д. Толстая воссоздает многомерный облик своего деда в монографических работах и статьях. Жизнетворчество

А. Н. Толстого изучают П. А. Бороздина, В. В. Петелин. А. Н. Толстому посвящены многие диссертации недавних лет – работы Н. Н. Иванова (2000), Е. П. Лыновой (2005), В. М. Сахаровой (2008), А. В. Федоровой (2004), Х. И. Халил (2009), В. В. Чекушина (2021) и др.

Уже в начале XX в. критика разделила творчество А. Н. Толстого на «до» и «после»: революция, период эмиграции и ре-эмиграция, литература Советской России. Положение А. Н. Толстого в эмиграции (с апреля 1919 г. по июль 1923 г.) амбивалентно. Безусловно, он был видной фигурой в культурной среде русского зарубежья; представлял старшее поколение русской литературы в эмиграции и воспринимался продолжателем русской классической литературы. Толстой вел активную издательскую деятельность, состоял членом разных обществ (например, Союза русских литераторов и журналистов под председательством П. Н. Милюкова, причастен к работе Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции). При этом некоторые житейски-поведенческие привычки (тяга к комфорту, роскоши, внешнему лоску) порою вызвали настороженное отношение к нему со стороны даже ближайших знакомых: Б. К. Зайцева, И. А. Бунина и др. Но главная причина разногласий Толстого со значительной частью эмигрантов, конечно, не в этом. «Пропасть» начала образовываться, когда Толстой предпринял шаги в сторону сменовеховства: с весны 1922 г. он сотрудничает с редакцией газеты «Накануне». Сменовеховцы призывали к сотрудничеству с советской властью для хозяйственно-экономического возрождения России. По мере укрепления связей с Советской Россией А. Н. Толстой – все более изолированная фигура в русском зарубежье; с 1 августа 1923 г. – он в числе ре-эмигрантов (возвращенцев).

Художественный мир писателя 1920-х гг. несет печать экзистенциального кризиса. Свидетельством тому является необычная жанровая разнородность произведений, их авантюрно-фантастические миры и памфлетно-сатирический характер исполнения. **Цель** настоящей статьи – выявить экзистенциальную природу творческих экспериментов А. Н. Толстого 1920-х – 1930-х гг.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

«Алексей Толстой только одним боком принадлежит зарубежной литературе <...>» [16, с. 82], – характеризовал отношения А. Н. Толстого с русской эмиграцией Г. П. Струве, будучи, однако, весьма невысокого мнения о литературном таланте писателя. «Безвкусию Толстого и его неуважение к исторической правде особенно сказалось в некоторых вещах, написанных им позднее в Советской России» [16, с. 82], – утверждал Струве. Прежде всего, имелся ввиду «авантюрный» роман из жизни эмиграции «Черное золото» (первоначально – «Эмигранты»), где «выведены в весьма непривлекательном виде многие эмигранты, в том числе те капиталисты, от которых Толстой получал деньги» [16, с. 82–83], а также роман «Хлеб», «написанный для прославления Сталина и закрепления сталинской легенды» [16, с. 83]. «Фантастический роман о полете на Марс с прибавлением злободневно-политического элемента» «Аэлита» и «Рукопись, найденную среди мусора под кроватью», принадлежащие эмигрантскому периоду, критик отнес к «советской литературе», поскольку написаны они «после того, как Толстой сменил вехи»

[16, с. 84]. Более благосклонно Г. П. Струве отнесся к вышедшей уже в Советской России повести из эмигрантской жизни «Приключения Невзорова, или Ибикус», поскольку в ней «эмигрантское дно» изображалось «без особенного политического умысла», а стилистически повесть напоминала произведения Ильфа и Петрова [16, с. 84].

Упрекать А. Н. Толстого в приспособленчестве (распространенное среди эмигрантов мнение) вряд ли правомерно. Острая реакция русской эмиграции на шаги писателя навстречу Советской России понятна, она продиктована болью утрат. Но ненависть к большевистской власти пережил и Толстой. Сдерживаемое отчаяние «Открытого письма Н. В. Чайковскому» (Берлин, 1922) отражает мучительный путь А. Н. Толстого к решению жить судьбой Родины на ее географической территории: «Я представляю из себя натуральный тип русского эмигранта, то есть человека, проделавшего весь скорбный путь хождения по мукам. <...> Я ненавидел большевиков физически. Я считал их разорителями русского государства, причиной всех бед» [20, т. 10, с. 46]. Еще в 1917 г. А. Н. Толстой верил, что народ вскоре свергнет власть «трехдюймовых» [21, с. 260–263], власть большевиков (статья «Власть трехдюймовых», газета «Луч правды», 1917). При этом революция для него – «всегда огонь»: «Она всегда видоизменяет качественно нацию во всей сложности ее духа» [21, с. 258] (статья «На костре», газ. «Луч правды», 1917). Отсюда и переосмысление миропорядка перед возвращением в Россию: «То, что в России, – несовершенно. Но именно в русской революции загорелась полоса новой зари» [20, т. 10, с. 75]. О политической жизни в Советской России А. Н. Толстой не высказывается категорично; для него важнее преодоление смерти, мир и «народная мудрость», «чаяния народа»: «<...> Форма государственной власти в России должна теперь, после четырех лет революции, – вырасти из земли, из самого корня, создаться путем эмпирическим, опытным <...>» [20, т. 10, с. 50].

В условиях ухода в небытие старой России, туманной будущности русского на чужой почве эмиграции обретение своего места в новом изменившемся мире требует выстраивания собственной модели поведения на твердой основе – на русской почве: «<...> Эмиграции – пора домой» [20, т. 10, с. 50], – пишет А. Н. Толстой в апреле 1922 г., обращаясь к К. И. Чуковскому [20, т. 10, с. 474]. И еще: «<...> В эмиграции была собачья тоска <...>. Не знаю – чувствуете ли вы с такой пронзительной остротой, что такое родина, свое солнце над крышей? <...> Пускай наша крыша убогая, но под ней мы живы» [20, т. 10, с. 50].

Учитывая очевидное отторжение чужой земли, единственный выход для Толстого – возвращение на Родину и принятие ее нового облика. Но в 1922 г. трагические воспоминания еще слишком живы. Попытка совместить ужас недавнего прошлого с осознанием ведущей роли России в новом послевоенном мире требовала принципиально нового взгляда: «Я чувствую, как Россия уже преодолела смерть. Действительно – смертию смерть поправ. Если есть в истории Разум, а я верю, что он есть, то все происшедшее в России совершено для спасения мира от безумия сознания смерти» [20, т. 10, с. 51].

Смерть ассоциировалась с недавним прошлым России. Отнюдь не случаен «Символ смерти, или говорящий череп Ибикус» [20, т. 3, с. 451], появившийся в

творческой коллекции фантастических образов-символов А. Н. Толстого в повести «Похождения Невзорова, или Ибикус» (1924–1925). А в наброске плана большого произведения о белой эмиграции, составленном еще до работы над «Похождениями Невзорова», есть наброски содержания будущей повести: «Вот вам история небольшой, но чрезвычайно сложной человеческой ячейки, расплывшейся по Европе» [20, т. 3, с. 602]. По свидетельству самого Толстого [19, т. 1, с. 59], повесть составляет ядро цикла произведений о белой эмиграции. В него входят произведения как периода эмиграции («В Париже» (<1921>), «На острове Халки» (1922), «Рукопись, найденная под кроватью» (1923), «Черная пятница» (1924), так и позднейшая повесть «Эмигранты» (1931).

Но и покидая Родину, русские эмигранты несли с собой идею смерти вне родных пенатов. В. Ходасевич подводил итоги: «Судьба русских писателей – гибнуть. Гибель подстерегает их и на той чужбине, где мечтали они укрыться от гибели» [23, с. 224]. Толстой, как, впрочем, и многие из ре-эмигрантов (Андрей Белый, И. Я. Билибин, А. И. Куприн, М. Горький, С. С. Прокофьев, Д. Святополк-Мирский, С. Я. Эфрон, И. Эренбург и др.), пронзительно ощущал вероятностный трагический исход эмиграции, которая для него стала изгнанием. Отсюда – переосмысление своего статуса и будущности в ориентации на Россию. (Не будем забывать и череду личных и социальных неурядиц, преследующих писателя на чужбине [17; 18]). Отсюда и воззвание к эмигрантам «ехать в Россию и хоть гвоздик свой собственный, – но вколотить в истрепанный бурями русский корабль» [20, т. 10, с. 49].

Обновленная Родина, безусловно, велика, за ней большое будущее: «<...> В жизни Европы решающую роль должна сыграть Россия. Оттуда, из России, должно подуть спасительным забвением смерти» [20, т. 10, с. 51]. Но Россия будущего еще не обрела очевидные очертания, потому облекается в фантастические образы. Толстой переживает мучительный период существования на грани двух миров: с одной стороны – русская дворянская культура, лишенная дома, родной «крыши», с другой – «голодное, вшивое» существование 150 миллионов населения Советской России, которое не желает «собственной смерти и гибели» [20, т. 10, с. 47] и упрямо идет к процветанию через грязь. Накануне отъезда он поясняет свой поступок близким ему за рубежом людям: «Я уезжаю с семьей на родину, навсегда. <...> Я еду на радость? О нет: России предстоят не легкие времена» [20, т. 10, с. 73]. Он возвращается, желая вместе с Родиной приблизить грядущие времена процветания русского государства. А. Н. Толстой парадоксальным образом сводит воедино трагизм нынешнего с романтическими мечтами об идеальном обществе. Мечты наполняют искусство, единственно способное спасти человека в мире хаоса, и собственно русскую литературу, которой суждено повести за собой литературу старого мира: «У русского искусства мало соперников. К нему тянутся, как к источнику живой воды <...>. Искусство романское на закате <...>. Жизнь стала обширнее и глубже романского сознания» [20, т. 10, с. 52].

Отсюда – наполняющие творчество А. Н. Толстого миры мечтателей и фантастов («Аэлита» (1923), «Гиперболоид инженера Гарина» (1926)); авантюристов, лавирующих на грани сознания и безумия («Союз пяти» (1924), «Похождения Невзорова, или Ибикус» (1924)); мир исторических фантазмагорий, обволакивающий

смятенных духом людей («Наваждение» (1919), «Мираж» (1924)); мир машин и людей, естественного живого и искусственного механического («Бунт машин» (1924)). Герой «Ибикуса», бухгалтер Семен Иванович – мечтатель; Лось и Гусев в «Аэлите» – фантасты; диктатор Морей в «Бунте машин» (жажда властвовать миром с помощью машин), инженер Игнатий Руф в «Союзе пяти» (та же жажда мирового владычества посредством взрыва луны) – властители и хозяева Земли. Все они одержимы фантазиями и желаниями. Характеризуя «мечтателей и фантастов» А. Н. Толстого, А. К. Воронский подчеркивал их нежизнеспособность при соприкосновении с реальным миром: «Они живут обманным. Одни из них верят в чудесное <...>, у других надежды более житейские, но и те и другие одержимы мечтательностью» [6, с. 133]. В художественном мире Толстого главенствуют «мечты, идеи, фантазии». Действительность же у Толстого пошлая, ничтожная, грубая, похожа на «паучье гнездо» в подземном лабиринте («Аэлита»); является «как жадное, омерзительное чудище», тогда возникает «кавардак, чепуха, дичь, чертовщина <...> – и в этой бессмыслице и пошлостях, как в паутине, запутываются несчастные идеалисты, мечтатели, одержимые грезами» [6, с. 138–139].

Однако фантазийный (и фантастический) мир А. Н. Толстого – прямое следствие реалистического принятия действительности, только репрезентируемой в своеобразной форме [3]. Потому и советский критик П. Н. Медведев писал о неизменности общеполитической установки А. Н. Толстого «в соприкосновении с революционной современностью»: «Он (А. Н. Толстой. – Е. М.) по-прежнему остается реалистом по методу мировосприятия, оптимистом по жизнеощущению» [13, с. 56]. Реалистическое мировосприятие у писателя, склонного к фантазийному и собственно фантастическому, не содержит противоречия. А. Н. Толстой находится в поиске своего лица в новой литературе.

По собственному указанию писателя, в «берлинский период» были созданы: роман «Аэлита», повести «Черная пятница», «Убийство Антуана Риво» и «Рукопись, найденная под кроватью», доработаны «Детство Никиты» и «Хождение по мукам». По возвращении на родину написаны повести «Ибикус» и «Голубые города», с 1924 г. – целый ряд пьес, комедий и театральных переработок [19, т. 1, с. 59]. Столь широкий жанровый спектр демонстрирует поисковый вектор творческих наработок А. Н. Толстого. Г. Карпи, размышляя об путях развития русской литературы XX в., формулировал главный запрос эпохи – «определить алгоритм формирования новой советской культуры из остатков старой в сочетании с новыми факторами» [9, с. 8]. А. Н. Толстой выяснял интересы нового читателя, «массовика», который «с энтузиазмом и с жадностью читает все, что до него доходит» [цит. по: 9, с. 8]. Культурная элита с болезненными для нее вопросами будущности русской литературы, спорами о самой ее сути не актуальна в новой России: либо получает статус «реликта», либо оказывается в эмиграции. Традиции русской классики для массы либо незначимы, либо игнорируемы [10, с. 118]. Ре-эмигрант Толстой не просто вживается в новую среду, но и пытается строить новую культуру новой России. Об этом, в частности, его публицистические работы начала 1930-х гг.: «Луна, которую подменили трактором» (1931), «Советское искусство должно быть великим»

(1933); опосредованно – в интервью Б. Ресту «“Октябрьская революция дала мне все”. 25-летие литературной деятельности А. Н. Толстого» (1933).

«Наше искусство не может не быть великим и должно быть великим» [20, т. 10, с. 186] – утверждал А. Н. Толстой в 1933 г. По его убеждению, социалистический реализм, отталкиваясь от классических традиций и ломая их, стремится написать «историю нового человека в новой среде» [20, т. 10, с. 188]. Путь культурного развития один – искусство должно внедряться в современность [20, т. 10, с. 165–167], приближать будущее, в котором «машина заменит человека, и человек, освобожденный от физического труда, <...> сможет наконец наверстать все счастье жизни» [20, т. 10, с. 165]. Толстой видит развитие общества в неразрывной связи с технологическим прогрессом и сознает важность литературы в этом процессе. Он экспериментирует в сфере объединения науки, техники и искусства. Одним из плодов ранних экспериментов стала «Аэлита», воплотившая толстовскую концепцию научной фантастики. Ее истоки уходят в экзистенциальное осмысление современности [3]. Заметим: обращаясь к авантюрному сюжету (в этом и последующих художественных опытах), который, казалось бы, должен упрощать художественную картину мира, А. Н. Толстой находит возможность решать «ряд задач помимо развлекательной» [14, с. 72]. В целом следует констатировать, что Толстой видел в литературе «орудие борьбы пролетариата за мировую культуру» и заверял: «<...> Поскольку я могу, я даю свои силы этой борьбе» [20, т. 10, с. 185].

Литературные эксперименты А. Н. Толстого 1920-х гг. выглядят закономерными в историко-культурной ситуации деконструкции литературного языка, поскольку соблюдается ориентация на речевую среду нового читателя, и традиционной системы повествовательных жанров [9, с. 9]. Продолжался период масштабной смены художественных парадигм [15, с. 32–34], что неизбежно отражалось на жанровой системе. По замечанию Ю. Н. Тынянова (1924), «исчезло ощущение жанра», когда традиционные рассказ или повесть более не удовлетворяют запросов времени [22, с. 150]. Сам жанр фантастики, избранный А. Толстым, звучит остро-современно, даже остро-социально, но далеко не всегда поддерживается литераторами авторитетами: фантастика писателя неубедительна, не дотягивает до его таланта, в представлении И. А. Бунина, Ю. Н. Тынянова, К. И. Чуковского, В. Б. Шкловского. Ю. Н. Тынянов скептически отозвался об «Аэлите»: «Не стоит писать марсианских романов» [22, с. 156]. Нелицеприятной характеристики Тынянова – «желтая фантастика» – удостоился и роман «Гиперболоид инженера Гарина» [18].

Однако А. Н. Толстой стремился «быть внятными для многих». По словам Е. Д. Толстой, он «строил свою литературную нишу на грани келейной и массовой литературы, популяризируя элитные идеи в произведениях, в высшей степени читабельных <...>» [17]. На этом пути новацией А. Н. Толстого стало создание языка – «общепонятного, но способного рассказывать ярко и просто о сложном» [17]. А. Н. Толстой, по оценке Тынянова, – «прилежный и удачливый подметатель сырых и лунных оттенков русской речи» [22, с. 155]. При этом трансформации подвергается весь мир художественного произведения. В литературе 1920-х гг. доминирует «живописный беспорядок» [24, с. 297]. Меняются стиль и сюжетное оформление (опора на «элементарный фабульный каркас» и фрагментарность развития сюжетных

линий [9, с. 9]), даже опорный хронотоп. Так, действие в ряде произведений А. Н. Толстого переносится на Марс, Луну, в просторы космоса вообще («Аэлита», «Союз пяти», «Гиперболоид инженера Гарина»).

Следует учитывать и важнейший фактор политизации культурной жизни государства, в результате которой литературные жанры вынуждены были приспосабливаться к новой общественно-политической системе, еще весьма нестабильной, находящейся на путях становления, что отмечал и О. Мандельштам в 1922 г., говоря о «смещении планов» [11, с. 275] в современном романе, и Ю. Тынянов в 1924 г. [22, с. 150]. «Бушующая на верхушке партии борьба за власть» [9, с. 11] инициирует резолюцию ЦК от 18 июня 1925 г., утвердившую право на «свободное соревнование различных группировок и течений» в области формы [цит. по: 9, с. 11]. Литературное движение 1926 г. хаотично. Но уже в годы Великого перелома и Первой пятилетки (1928–1932) литераторы централизованно (сверху) вовлечены в «строительство социализма». 1930-е годы будут протекать в русле сталинской культурной политики, ориентированной на устойчивую систему социалистических ценностей. Эмоционально-психологическое восприятие происходящих историко-социальных трансформаций окрашивается в мрачные краски пессимизма, прежде всего, для писателей непролетарского происхождения, которые искали пути сращения с массами, искали доступные народу литературные формы передачи грандиозного процесса создания нового государства, новой мировой расстановки сил. И если Ю. Олеша беспомощно констатировал: «Для пролетариата я не сделал ничего <...>» [цит. по: 9, с. 11], то А. Н. Толстой своими экспериментами последовательно и настойчиво утверждал для себя прочное место в новой советской литературе. Впрочем, путь этот не был гадоком. Тот же О. Мандельштам отмечал в 1922 г. все еще существовавшую неловкость писателя в его отношениях с реалиями эпохи: «А. Н. Толстой пишет свои романы на память и доводит их приблизительно до 1917 года, и дальше не знает, что делать» [11, с. 275]. А Ю. Н. Тынянов, обозревая состояние русской литературы на 1924 г., говорил о трудностях передачи современности в романном творчестве ряда писателей (В. Вересаева, С. Сергеева-Ценского, И. Эренбурга, В. Шишкова, Вс. Иванова), среди которых назван и А. Н. Толстой. Спасаясь от тупиковых направлений, иронизирует Ю. Н. Тынянов, эти авторы «ушли слишком далеко – не только на Запад, но и на Марс» [22, с. 153]. А. К. Воронский считал А. Н. Толстого представителем «реалистической школы классиков», которому трудно дается осмысление современности [6, с. 153]. Трудность перехода для Толстого к осознанию новой действительности отмечал и П. Н. Медведев, полагая, что жанровая мозаика того периода – попытки уловить закономерности современной реальности: «Жизнь, потерявшая закономерность, становится сама авантюрной, клубком противоречивых событий <...>. Отсюда – жанровая сумятица и ее авантюрно-детективный уклон» [13, с. XLIII].

Творчество А. Н. Толстого 1920-х–1930-х гг. отмечено и жанровыми явлениями, которые роднят его с русским зарубежьем – интерес к мемуарно-автобиографической прозе. (Впрочем, обращалась к ней и литература Советской России: О. Мандельштам («Шум времени»), Б. Пастернак («Охранная грамота»), А. Белый (мемуарная трилогия: «На рубеже столетий», «Начало века», «Между двух революций») и др.)

Еще в эмиграции А. Толстой создает беллетризованную автобиографию «Детство Никиты» (1920–1922) и «Необыкновенное приключение Никиты Рощина» (1921).

Цикл произведений о русской эмиграции, упомянутый выше, выполнен в том же русле мемуарной прозы и носит рубежный характер: эмиграция – ре-эмиграция (зарубежье – метрополия). Статус рубежа при этом нередко сатиричен (например, «Ибикус», «Эмигранты»). Повесть «В Париже» впервые опубликована в журнале «Современные записки» (Париж, <1921>) с эпиграфом: «О-хохо-хонюшки! / Скучно жить Афонюшке / На чужой сторонюшке» (Народная песня)» [20, т. 3, с. 591]. Повесть «На острове Халки» (1922) по содержанию близка к 3-й главе повести «Похождения Невзорова, или Ибикус». «Рукопись, найденная под кроватью» (1923 г.) – «наиболее из всех этих вещей значительная по тематике» [19, т. 1, с. 59], повествует об этапах падения белой эмиграции. Рассказ «Черная пятница» (1924) написан по материалам недавних лет жизни за границей. Повесть «Похождения Невзорова, или Ибикус» основана на личных наблюдениях периода 1918–1920 годов – в значительной степени субъективна, чем и объясняется странно-затуманенное сознание и скитальчество героя, авторская самоирония. Впрочем, и удивительная способность выживания героя: «непременно выцарапается из беды» [20, т. 3, с. 572], – отсылка к автохарактеристике. В частности, Н. В. Толстая-Крандиевская в воспоминаниях о А. Н. Толстом писала о «фотографической точности» описания переезда писателя с семьей на Украину из Москвы, перехода через пограничную линию близ Курска (конец главы 1) [19, т. 3, с. 707]. Обстоятельства личной жизни писателя легли в основу воссоздания морского пути из Одессы в Константинополь, периода карантина на острове Халки. Примечательно, что Е. Д. Толстая называет первой публикацию повести «Ибикус» в берлинском журнале «Сполохи» А. Дроздова в 1923 г., что подтверждает высказывание Г. П. Струве о позитивном восприятии произведения эмиграцией; в Советской России писатель издал ее как новую [18]. Отзывы на «Ибикус» разноречивы: Ю. Н. Тынянов окрестил «желтым авантюрным романом» [цит. по: 18]; К. И. Чуковский назвал одной из лучших повестей автора, где «чувствуешь на каждой странице силу его нутряного таланта» [цит. по: 18].

Об «Эмигрантах» («Черное золото» в первой редакции, 1931) А. Н. Толстой категорично высказался: «Факты этой повести исторически подлинны, вплоть до имен участников стокгольмских убийств» [20, т. 4, с. 455]. Но памфлетный характер повести вызвал негодование русского зарубежья. А. М. Зверев, очевидно, с позиции всей эмиграции, писал об «Эмигрантах» как о «пасквиле», состряпанном «красным графом» [8, с. 36]), выполнявшим социальный заказ власти [8, с. 38] и демонстрировавшим «полную преданность советскому режиму, обливая помоями его стойких противников» [8, с. 36].

Говоря о «вживании» А. Н. Толстого новый мир России необходимо учитывать психологический склад личности писателя. Ему был присущ оптимизм, который отмечали современники разных идеологических установок. Этот оптимизм сочетался со способностью перевоплощаться, играть, «надевать маску». Е. Толстая писала о «двойственности, иногда многозначности толстовской стратегии выживания» как о «доминантной черте» [17] характера своего деда: «Гр. Толстой расшифровывается для одних как граф, для других – как гражданин» [17]. «Толстой – человек

современного, прагматичного склада, обдуманно строивший свой публичный имидж и тонко угадывавший “литературный заказ” ближайшего будущего» [17]. Склонность к литературной «игре» точно выражена самим Толстым в словах, обращенных к жене Н. Крандиевской: «<...> Без фантастики скучно все же художнику, благоразумно как-то... Художник по природе – враль» [цит. по: 2]! Артистизм писателя уже в наше время оценил А. Н. Варламов, усмотрев его воплощение в Невзорове, одном «из самых удачных персонажей всей прозы Алексея Толстого»: «Именно эту переменчивость своего творца и отразил <...> герой “Ибикуса” граф Симеон Невзоров <...>» [5]!

Некую «бесшабашность» в характере А. Н. Толстого, неумную любовь к жизни со всеми полагающимися ей привилегиями и излишествами, хоть и несколько завуалированно, отмечал И. М. Машбиц-Веров: «Алексей Толстой всегда был оптимистом <...> Даже когда он с нескрываемой скорбью рисовал разрушавшиеся дворянские гнезда, экономически и морально опустившихся культурных помещиков <...>, даже тогда Ал. Толстой находил жизнь прекрасной и удивительной» [12]. Ю. И. Айхенвальд изумлялся: «<...> Талантливость? А у него она изо всех пор идет; буйный чертополох дарования как бы прет отовсюду, и обступает вас безудержная, бесшабашная, бессмысленная сила таланта» [1]. А. К. Воронский, создавая литературный портрет А. Н. Толстого, отмечал смелость писателя как представителя «прежнего дореволюционного поколения» в обращении к современной советской действительности [6, с. 131]. Здесь стоит вспомнить, что, по словам Ю. И. Айхенвальда, «в нашей беллетристике граф Толстой, это не кто иной, как барон Мюнгаузен»: «Наш русский барон, наш талантливый граф, живой кладезь остроумия и изобретательности, воплощение неограниченных возможностей, самый вздор преподнесет вам так, что вы не обидитесь, а будете только рады» [1].

Литературная действительность А. Н. Толстого теснейшим образом сопряжена с индивидуальным эмоциональным восприятием и переживанием жизненных реалий. «Мы были призраками, бродящими по великому городу, – характеризует А. Толстой русскую эмиграцию в Париже. – От этого постоянного столкновения воспаленной фантазии с реальностью <...> многие не выдерживали» [20, т. 10, с. 46]. Печать безумия лежит на русских («Эмигранты»), «пачками прибывающих в Париж»: «Более чем странно одетые, с одичавшими и рассеянными глазами, они толкались по парижским улицам <...> и все без исключения смахивали на сумасшедших» [20, т. 4, с. 467]. А Россия жила своей новой жизнью: «В Советской России революция продолжала победоносно разворачиваться, опрокидывая все планы версальских мудрецов и надежды эмигрантских комитетов» [20, т. 4, с. 722].

Даже учитывая тенденциозность «Эмигрантов», которую усматривали как русские эмигранты, так и исследователи культуры русского зарубежья [8, с. 36; 16, с. 82–83], очевидна искренность ностальгии писателя. И. М. Машбиц-Веров, хотя и анализировал в 1929 г. роман А. Н. Толстого «1918-й год» с официальной позиции советского литературоведения, отмечал мучительную тоску автора по «Великороссии», страдальческое желание возродить Россию из хаоса (правда, мировой) войны: «“Год назад народ без памяти бежал с фронта <...>, но в нем уже начали появляться внутренние силы сцепления <...>” (А. Н. Толстой)» [12].

И более считая неприемлемым иронизировать над «рабоче-крестьянским графом», критик отмечал: «За эту огромную “силу сцепления”, вновь из хаоса, из страшной опасности – “Россия – колония!” – создавшую мощную державу; за его сохранение “великой России” – Толстой и оправдывает, и благословляет даже Красную армию» [12]. Для критика, впрочем, очевидно, что для Толстого во главе угла все же была идея Великороссии: «Концепция Толстого – концепция отчетливо сменовеховская: Красная армия боролась не за “великую Россию”, а за СССР, и разница здесь вовсе не в одном названии. Разница колоссальная!» [12]

А. Толстому приходилось лавировать, искать свою нишу и в новом житейском мире, и в новой русской литературе. Далеко не всегда «балансирование на грани» было удачным [4, с. 76; 5; 17; 18; 19, т. 1, с. 59]. В переломные 1920-е гг. состояние писателя было смятенным. И лишь в 1930-е гг., как демонстрирует публицистика, к А. Н. Толстому вернулась уверенность.

ВЫВОДЫ

Если «русская литература в изгнании» создавалась по большей части писателями-изгнанниками, открыто отвергавшими Новую Россию в ее революционно-социалистических преобразованиях, жившими идеей возрождения былого величия России вне Отечества (например, посредством обращения к православию, как Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев), то для А. Н. Толстого идея воссоздания России вне России была неприемлема. В условиях, когда привычная Россия ушла в небытие, а будущность русского человека в эмиграции оказывалась более чем туманной, А. Н. Толстой выстраивал собственную модель поведения, литературную и жизненную программу на той основе, которая представлялась ему наиболее прочной – на русской почве. Жанрово-стилистические поиски А. Н. Толстого – прямое следствие, во-первых, пограничного существования между мирами эмиграции и Советской России, а во-вторых, стремления найти для себя литературную нишу в новой культуре России.

В основе деконструкции А. Н. Толстым мира художественного произведения, свойственного классической русской литературе, находится авторская личность, которая фокусирует спектр мировоззренческих установок и широкий психоэмоциональный диапазон субъективного мировосприятия. В итоге ведущее настроение – горькая самоирония, мир репрезентируется в памфлетно-сатирических тонах. Даже мемуарно-биографический жанр получает сатирическую окраску. Попытки писателя прозреть будущее России подталкивали его к модификации фантастического жанра, где реальность причудливым образом сопрягалась с миром научного прогноза и художественной мечты.

Список литературы

1. Айхенвальд Ю. Литературные эскизы // Балтийский Альманах. – 1924. – № 2. – С. 61–63. – Режим доступа: http://az.lib.ru/a/ajhenwalxd_j_i/text_0030.shtml. – (Дата обращения: 24.02.2023).
2. Б. а. А. Н. Толстой // Лаборатория Фантастики. – Режим доступа: <https://fantlab.ru/autor532>. – (Дата обращения: 25.02.2023).

3. *Баранская Е. М.* Фантастика А. Н. Толстого: современность или бегство от нее? // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2021. – Т. 7 (73). – № 4. – С. 3–19.
4. *Бороздина П. А.* А. Н. Толстой в современном прочтении: полемические заметки // Берегиня. 777. Сова. – 2013. – С. 69–97. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/a-n-tolstoy-v-sovremennom-prochthenii-polemicheskie-zametki>. – (Дата обращения: 24.02.2023).
5. *Варламов А. Н.* Алексей Толстой. – 2-е изд. – М.: Молодая гвардия, 2008. – 591. – Режим доступа: <https://coollib.com/b/567513-aleksey-nikolaevich-varlamov-aleksey-tolstoy/read>. – (Дата обращения: 24.02.2023).
6. *Воронский А. К.* Алексей Толстой (Журавли над Гнилопятами) // А. Воронский. Литературные портреты. В 2-х т. – Т. 1. – М.: Федерация, 1928. – С. 128–155.
7. *Зайцев П.* Алексей Варламов: Изначально Алексей Толстой был мне несимпатичен. – Режим доступа: <https://rg.ru/2007/10/31/varlamov.html>. – (Дата обращения: 25.02.2023).
8. *Зверев А. М.* Повседневная жизнь русского литературного Парижа. 1920–1940. – 2-е изд. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 371 с.
9. *Карпи Г.* К истории русской литературы XX века. Межвоенное время // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2019. – Т. 78. – № 1. – С. 5–19.
10. *Леденёв А. В.* Литература первой волны эмиграции: основные тенденции литературного процесса // Русское зарубежье: история и современность: Сб. ст. – М., 2013. – Вып. 2. – С. 116–136.
11. *Мандельштам О. Э.* Конец романа // Собрание сочинений: В 4-х т. – Т. 2: Стихотворения. Проза. 1921–1929 / Сост. и коммент. П. Нерлера и А. Никитаева. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993. – С. 271–275.
12. *Машибиц-Верев И.* Восемнадцатый год. О романе Алексея Толстого // Литературная газета. – 1929. – № 8. – Режим доступа: http://az.lib.ru/t/tolstoj_a_n/text_1929_18_god.shtml. – (Дата обращения: 24.02.2023).
13. *Медведев П.* Алексей Н. Толстой. Критический очерк // Толстой А. Н. Собрание сочинений / Вступ. ст. П. Н. Медведева. – М.-Л.: Гос. издательство, Типография Печатный двор, 1929. – Т. 1: Четыре века. Рассказы, сказки, стихи. – С. V–LVIII.
14. *Орехов В. В., Чжан М.* «Вокруг света на “Коршуне”»: «взрослая» повесть для детей // Ученые записки Крымского федерального университета. Филологические науки. – 2019. – Т. 5 (71). – № 2. – С. 67–93.
15. *Орехова, Л. А.* Образ автора и поэтика жанра: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01; 10.01.08. – Симферополь, 1992. – 328 с.
16. *Струве Г. П.* Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы: Краткий биографический словарь русского Зарубежья. – 3-е изд., испр. и доп. – Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996. – 448 с.
17. *Толстая Е. Д.* «Деготь или мед»: Алексей Толстой как неизвестный писатель. 1917–1923. – М.: РГГУ, 2006. – 684 с. – Режим доступа: https://helenadtolstoy.com/tar_and_honey. – (Дата обращения: 24.02.2023).
18. *Толстая Е. Д.* Ключи счастья: Алексей Толстой и литературный Петербург. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 535 с. – Режим доступа: <https://helenadtolstoy.com/keys>. – (Дата обращения: 24.02.2023).
19. *Толстой А. Н.* Собрание сочинений: В 10-ти т. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958–1961.
20. *Толстой А. Н.* Собрание сочинений: В 10-ти т. – М.: Художественная литература, 1981–1986.
21. *Толстой А.* Хождение по мукам / Изд. подгот. Г. Н. Воронцова. – М.: Наука, 2012. – 478 с.
22. *Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – 576 с.

23. Ходасевич В. Литература в изгнании // Ходасевич В. Избранная проза / Предисловие и примечания Н. Берберовой. – New York: Russica Publishers, Inc., 1982. – С. 210–224.
24. Щеглов Ю. К. Проза. Поэзия. Поэтика: Избранные работы. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 576 с.

References

1. Aikhenval'd Yu. *Literaturnye eskizy* [Literary sketches]. *Baltiiskii Al'manakh*, 1924, no. 2, pp. 61–63. Available from: http://az.lib.ru/a/ajhenwalxd_j_i/text_0030.shtml (accessed 24 February 2023).
2. В. а. А. N. Tolstoi [A. N. Tolstoy]. Available from: <https://fantlab.ru/autor532> (accessed 25 February 2023).
3. Baranskaya E. M. *Fantastika A. N. Tolstogo: sovremennost' ili begstvo ot nee?* [A. N. Tolstoy's fiction: modernity or flight from it?]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2021, Vol. 7 (73), no. 4, pp. 3–19.
4. Borozdina P. A. A. N. Tolstoi v sovremennom prochtenii: polemicheskie zametki [A. N. Tolstoy in modern reading: polemical notes]. *Bereginya. 777. Sova*, 2013, pp. 69–97. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/a-n-tolstoy-v-sovremennom-prochtenii-polemicheskie-zametki> (accessed 24 February 2023).
5. Varlamov A. N. *Aleksei Tolstoi* [Alexey Tolstoy]. 2nd ed. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2008. 591p. Available from: <https://coollib.com/b/567513-aleksey-nikolaevich-varlamov-aleksey-tolstoy/read> (accessed 24 February 2023).
6. Voronskii A. K. *Aleksei Tolstoi (Zhuravli nad Gnilopyatami)* [Alexey Tolstoy (Cranes over the Gnilopyat)]. A. Voronskii. *Literaturnye portrety. V 2-kh t.* Vol. 1. Moscow: Federatsiya Publ., 1928, pp. 128–155.
7. Zaitsev P. *Aleksei Varlamov: Iznachal'no Aleksei Tolstoi byl mne nesimpatichen* [Alexey Varlamov: Initially, Alexei Tolstoy was unsympathetic to me]. Available from: <https://rg.ru/2007/10/31/varlamov.html> (accessed 25 February 2023).
8. Zverev A. M. *Povsednevnyaya zhizn' russkogo literaturnogo Parizha. 1920–1940* [Daily life of Russian literary Paris. 1920–1940]. 2nd ed. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2011. 371 p.
9. Karpi G. *K istorii russkoi literatury KhKh veka. Mezhoennoe vremya* [On the history of Russian literature of the twentieth century. Interwar time]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 2019, vol. 78, no. 1, pp. 5–19.
10. Ledenev A. V. *Literatura pervoi volny emigratsii: osnovnye tendentsii literaturnogo protsessa* [Literature of the first wave of emigration: main trends in the literary process]. *Russkoe zarubezh'e: istoriya i sovremennost': Sb. st.* Moscow, 2013, issue 2, pp. 116–136.
11. Mandel'shtam O. E. *Konets romana* [End of the novel]. *Mandel'shtam O. E. Sobranie Sochinenij: V 4-h t.* [Mandelstam O. E. Collected Works: In 4 vols.]. Vol. 2: *Stikhotvoreniya. Proza. 1921–1929* [Poems. Prose. 1921–1929]. Comp. and comment. P. Nerler and A. Nikitaev. Moscow: Art-Biznes-Tsentr Publ., 1993, pp. 271–275.
12. Mashbits-Verov I. *Vosemnadsyati god. O romane Alekseya Tolstogo* [Eighteenth year. About the novel by Alexei Tolstoy]. *Literaturnaya gazeta*, 1929, no. 8. Available from: http://az.lib.ru/t/tolstoj_a_n/text_1929_18_god.shtml (accessed 24 February 2023).
13. Medvedev P. *Aleksei N. Tolstoi. Kriticheskii ocherk* [Alexey N. Tolstoy. Critical essay]. *Tolstoi A. N. Sobranie sochinenii* [Tolstoy A. N. Complete works]. Entry. Art. P. N. Medvedev. Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, Tipografiya Pечатnyi dvor Publ., 1929. Vol. 1: *Chetyre veka. Rasskazy, skazki, stikhi*, pp. V–LVIII.
14. Orekhov V. V., Chzhan M. «Vokrug Sveta na “Korshune”»: «Vzroselaya» Povest' dlya Detei [«Around the World on the “Kite”»: «Adult» Story for Children]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta. Filologicheskie Nauki*, 2019, vol. 5 (71), no. 2, pp. 67–93.

15. Orekhova L. A. *Obraz Avtora i Poetika Zhanra: Dis. ... D-Ra Filol. Nauk* [The Image of the Author and Poetics of the Genre. Thesis]. Simferopol, 1992. 328 p.
16. Struve G. P. *Russkaya literatura v izgnanii: Opyt istoricheskogo obzora zarubezhnoi literatury: Kratkii biograficheskii slovar' russkogo Zarubezh'ya* [Russian literature in exile: Experience of a historical review of foreign literature: A brief biographical dictionary of Russian Abroad]. 3rd Ed., Rev. and Add. Paris: YMCA-Press Publ.; Moscow: Russkii Put' Publ., 1996. 448 p.
17. Tolstaya E. D. «Degot' ili med»: *Aleksei Tolstoi kak neizvestnyi pisatel'. 1917–1923* [«Tar or honey»: Alexei Tolstoy as an unknown writer. 1917–1923]. Moscow: RGGU Publ., 2006. 684 p. Available from: [https://helenadtolstoy.com/tar_and_honey_\(accessed_24_February_2023\)](https://helenadtolstoy.com/tar_and_honey_(accessed_24_February_2023)).
18. Tolstaya E. D. *Klyuchi schast'ya: Aleksei Tolstoi i literaturnyi Peterburg* [Keys of happiness: Alexei Tolstoy and literary Petersburg]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013. 535 p. Available from: [https://helenadtolstoy.com/keys_\(accessed_24_February_2023\)](https://helenadtolstoy.com/keys_(accessed_24_February_2023)).
19. Tolstoi A. N. *Sobranie sochinenii: V 10-ti t.* [Collected Works: In 10 vols.]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1958–1961.
20. Tolstoi A. N. *Sobranie sochinenii: V 10-ti t.* [Collected Works: In 10 vols.]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1981–1986.
21. Tolstoi A. N. *Hozhdenie po mukam* [Walking through the torment] Ed. prepared by G. N. Vorontsova. Moscow: Nauka Publ., 2012. 478 p.
22. Tynyanov Yu. N. *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of literature. Movie]. Moscow: Nauka Publ., 1977. 576 p.
23. Khodasevich V. *Literatura v izgnanii* [Literature in exile]. *Khodasevich V. Izbrannaya proza* [Khodasevich V. Selected prose]. New York, Russica Publishers Inc., 1982, pp. 210–224.
24. Shcheglov Yu. K. *Proza. Poeziya. Poetika: Izbrannye raboty* [Prose. Poetry. Poetics: Selected Works]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012. 576 p.

SEARCH VECTOR OF A. N. TOLSTOY'S CREATIVE EXPERIMENTS IN THE PERIOD OF RE-EMIGRATION

E. M. Baranskaya

The article examines the originality of the artistic picture of the world of A. N. Tolstoy during the period of re-emigration. An attempt is made to trace the nature of the literary experiments of A. N. Tolstoy in the 1920s-1930s, which organically entered the historical and cultural situation of creating a new art in Soviet Russia. Attention is focused on the process of deconstruction of the system of narrative genres and literary language, characteristic of the pre-revolutionary period of classical Russian literature. The genre and style fluidity inherent in the creative innovations of A. N. Tolstoy is noted: the worlds of dreamers and science fiction writers appear («Aelita», 1923; «Hyperboloid of Engineer Garin», 1926); adventurers («Union of Five», 1924; «Adventures of Nevzorov, or Ibikus», 1924); machines and people («Riot of Machines», 1924); Paradoxically, the real world is connected with the dream. The question of A. N. Tolstoy's rethinking of memoirs and biographical genres (a cycle about Russian emigration) is raised, which acquire a bitter satirical coloring. In the creative searches of A. N. Tolstoy, the existential comprehension of modernity in the conditions of borderline existence in the 1920s becomes decisive. between the Russian diaspora and Soviet Russia; installation on creative getting used to the Soviet society and active building of a new culture of Russia. The research involves the journalistic works of A. N. Tolstoy, contemporary criticism and periodicals.

Keywords: A.N. Tolstoy, Russian diaspora, Soviet Russia, emigration, re-emigration, creative innovations.

УДК 821.161.1

**ИМЕННОЙ СВЕРХТЕКСТ В ТВОРЧЕСТВЕ В. В. НАБОКОВА.
СТАТЬЯ 2: ДОСТОЕВСКИЙ – «АНТИТЕКСТ»**

Беспалова Е. К., Шмигельская Л. Р.

*Институт филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь, Российская Федерация
E-mail: korelkon1975@mail.ru; linashmigelskaya@gmail.com*

В статье изучается формирование мифа о Ф. М. Достоевском в творчестве В. В. Набокова. В первой статье цикла мы раскрывали формально-семантическое, а также функциональное своеобразие Пушкинского текста в интерпретации В. В. Набокова, закрепляющее за поэтом роль ключевого идеального образа. Анализ текста о Достоевском, предпринятый в настоящей статье, позволяет выявить и другую, оборотную сторону набоковского мифотворчества, образующего не только «героя», но и «антигероя», который посредством элементов именного сверхтекста входит в ткань его произведений и выполняет функцию уже не абсолюта или индикатора личностной ценности, а образа «разрушителя», выступающего в качестве основного негативного фактора в той или иной оценочной характеристике. Именно такой последовательный подход к освоению сферы набоковской мифологии, а вместе с ним и сверхтекста как формы репрезентации этого мифа, обуславливает новизну исследования, поскольку даёт возможность обнаружить наиболее значимые для рассматриваемого автора концепты, а также проследить и акцентировать аутентичные, только ему свойственные способы их построения.

Ключевые слова: персонический миф, именной сверхтекст, Достоевский антитекст, профанизация, полемика, мировосприятие Набокова.

ВВЕДЕНИЕ

В предыдущей статье [1], опираясь на ряд литературоведческих работ (В. Н. Топорова, Н. А. Купиной и В. Г. Битенской, Н. Е. Меднис, А. Г. Лошакова [14; 5; 8; 7]), мы пришли к заключению, что сверхтекст обладает сложной разноуровневой структурой, а его осмысление нуждается в расширении и конкретизации ключевых теоретических положений и терминологического аппарата. С опорой на теоретические установки упомянутых авторов мы уже заявляли, что под сверхтекстом понимаем текстовое объединение, обращенное прежде всего к культурному первоисточнику, мифологически преобразованному общественным сознанием. Однако при внимательном изучении данного феномена на конкретном художественном материале неизбежно столкновение с некоторыми формальными трудностями. Дело в том, что отношение В. В. Набокова к своим литературным предшественникам настолько неоднозначно и неоднородно, что если персонификация концепта «А. С. Пушкин» достаточно явная, а наличие именного сверхтекста, построенного на базе этого концепта, не вызывает никаких сомнений, то персонификация образа Достоевского нуждается в более пристальном рассмотрении и обосновании, поскольку не так очевидна. По этой причине в исследовательском сознании может произойти подмена понятий и место именного сверхтекста постепенно займёт интертекст, то есть в фокусе изучения окажется уже не мифологизированный образ писателя, а его текст, что, с нашей точки зрения, в корне неправильно. В теории сверхтекста этот вопрос породил абсолютно различные толкования анализируемого нами понятия. Так, например, В. И. Тюпа и

С. В. Канныкин не разграничивают два термина и именуют сверхтекст «интертекстом» [15; 4]. Однако учитывая, что понятие «интертекст» уже имеет своё филологическое определение и обозначает пересечение и взаимопроникновение различных текстовых плоскостей, соотношение этой дефиниции с феноменом сверхтекста не представляется возможным. Необходимо уделить особое внимание тому, что факт обращения к тексту заведомо исключает наличие сверхтекстового единства, предполагающего обращение к внеположенному субстрату, а также существование и функционирование его над текстовыми границами (схожей позиции придерживаются В. В. Курьянова и Н. А. Сегал [6]). Н. Е. Меднис, комментируя такое терминологическое смешение, отмечает следующее: «Как понятие “гипертекст”, так и понятие “интертекст” не отменяют и не заменяют термина “сверхтекст”» [8, с. 7]. Что же касается интертекста, то он, с точки зрения ученого, для обозначения сверхтекстового явления «оказывается слишком узким» [8, с. 7], однако, на наш взгляд, этот термин не столько «узкий», сколько качественно другой.

Таким образом, для обнаружения сверхтекста в том или ином словесном пространстве обязательным является, в первую очередь, наличие заявленного В. Н. Топоровым «ядра», в нашем же случае для выявления именного сверхтекста необходимо присутствие имени. Причем реализация персонического мифа путем создания конкретного действующего образа может сопровождаться использованием интертекстуальных связей данного произведения с произведениями автора, мифологизированное «имя» которого лежит в основе сверхтекста. Но интертекст в этой ситуации никоим образом не отождествляется с метатекстовым комплексом или с его частью, он лишь вспомогательное средство, способствующее более полному и исчерпывающему раскрытию историко-литературного мифа в творчестве определённого поэта или писателя.

Бесспорным является тот факт, что изучению сложного отношения В. В. Набокова к Ф. М. Достоевскому было посвящено много критических и научных работ. И З. Н. Шаховская, и Л. И. Сараскина в своих исследованиях пристально рассматривают многолетние попытки писателя развенчать и ниспровергнуть всеми высоко почитаемого предшественника, однако даже признавая, что эти попытки носят характер авторской мистификации, ни один из ученых не позиционирует ряд анализируемых текстовых фрагментов как именно сверхтекст [16; 13]. А. А. Долинин в статье «Набоков, Достоевский и достоевщина» и О. Ермакова в статье «Владимир Набоков о Достоевском» [2; 3], говоря о неприятии одним классиком другого, средоточием своих научных интересов делают не столько персональный текст о Достоевском в творчестве Набокова, сколько особенности набоковского пародирования и заимствования мотивов и образов Достоевского, причем объектом анализа становятся не только явные упоминания Достоевского, но и эпизоды набоковских произведений, лишь косвенно отсылающие к полемическому тексту, что также отдаляет их работы от освоения проблемы сверхтекста.

Безусловно, сверхтекст – явление полифункциональное. Среди его функций учёные выделяют сакрализацию и профанизацию. В связи с этим логичным видится и выделение соответствующих типов сверхтекстов с последующим включением их в классификацию – сакрализирующего и профанизирующего. Поскольку в данной

работе в центре внимания оказывается текст о Достоевском, наибольшую актуальность и интерес для нас представляет именно явление профанизации. Нужно заметить, что этот процесс, возникающий при формировании именного сверхтекста о персоне, не обладающей ценностью для авторского сознания, зачастую сопровождается демифологизацией, то есть стремлением к развенчанию уже сложившегося в истории литературы мифа о данном писателе или снижению его значимости. Именно поэтому нами вводится в употребление метафорическое наименование набокковского текста о Ф. М. Достоевском – «антитекст». Необходимо уточнить, что используемый термин отнюдь не отрицает наличие у совокупности репрезентаций персонического мифа текстовой природы, а только отчётливо демонстрирует его десакрализирующую направленность.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Ф. М. Достоевский вошел в историю русской литературы как крупнейший прозаик второй половины XIX в. Разумеется, он не получил столь безоговорочного признания, как Пушкин, однако его биография и творчество неоднократно подвергались ассоциативно-образному осмыслению, поэтому миф о нем в восприятии читателя все-таки был сформирован. Поскольку однозначного мнения о личности и таланте Достоевского никогда не существовало, вполне объяснимо и то, что и персонический миф об этом писателе не создал ни абсолютно положительного, ни абсолютно отрицательного его образа.

Достоевский вошел в реципиентное сознание как мрачный гений русской литературы, являющийся апологетом человеческого страдания, и хотя данная мифологема имеет отчасти стереотипную природу, немалое количество депрессивно окрашенных образов и сюжетов, созданных писателем в своих произведениях и носящих практически декадентский характер, свидетельствует о том, что рассматриваемое нами утверждение совсем небезосновательно. Не менее популярной мифологической формулой является суждение «Достоевский – проповедник». Религиозно-философская основа, превалярующая в его зрелом и позднем творчестве (а наличествующая и в раннем), закрепила за ним роль моралиста и своего рода христианского идеолога, усматривающего корень социальных проблем и противоречий в отступлении человека от веры. Неразрывно с мифологемой о проповеднике функционирует и другая – «Достоевский – пророк». Причем если Пушкин самостоятельно «присвоил» себе эту номинацию посредством знаменитого стихотворения и не столько сам претендовал на роль провидца, сколько стремился идеализировать образ поэта, то Достоевского пророком стали называть читатели, обнаружив осуществление в современной им реальности явлений, предсказанных в произведениях писателя. Биографический облик его также оказал влияние на построение персонической легенды. Особое внимание уделяется болезни Достоевского (эпилепсии), которую унаследовали многие из его героев и которой сам автор придавал мистическое значение, наделяя больных даром откровения. Не случайно, что некоторые исследователи даже гений Достоевского приписывали воздействию приступов заболевания. Еще одна мифологизированная формула, возникшая на основе жизни писателя, – «Достоевский – каторжник». Считается, что

пребывание на каторге поспособствовало кардинальному изменению его мировоззрения, а также формированию особого текста, органически вошедшего в общий художественный дискурс. Пристрастие Достоевского к азартным играм стало поводом для присвоения ему «статуса» заядлого игрока, что, в общем, не было лишено правды. Одноименный роман («Игрок») лишь укрепил и без того сложившееся впечатление об авторе, хотя он не только не одобрял свою зависимость, но и сумел со временем преодолеть ее. Смерть писателя, в отличие от гибели А. С. Пушкина, была вызвана естественными причинами и не стала предметом активной мистификации. Так что главные компоненты биографического и поэтического мифа образовались прижизненно. После смерти же восприятие Достоевского претерпевало изменения, в основном под влиянием социальных событий и сменяющейся идеологии. В целом нельзя отрицать, что Ф. М. Достоевский представляется достаточно двойственной фигурой в галерее русских классиков XIX в. Такую же двойственную характеристику он и его творчество получили в оценке не только современников, но и представителей более поздних периодов.

В. В. Набоков, на первый взгляд, к Ф. М. Достоевскому относится вполне определенно. Все свое творчество (как художественное, так и публицистическое) он выстраивает в рамках довольно жесткой конфронтации со своим знаменитым предшественником. Писатель не только всячески опровергает возможность проведения параллели между его собственным творчеством и творчеством Достоевского, но и прямо отказывает последнему в литературном таланте. Набоков не просто профанирует миф о Достоевском, а фактически демифологизирует его образ, пытаясь разрушить конструкцию уже сформировавшегося концепта. Однако, находясь в такой активной оппозиции по отношению к Достоевскому, он (сознательно или бессознательно) возводит оригинальный, качественно другой миф о нем. И несмотря на то, что явной персонификации Достоевского в прозе Набокова не наблюдается, различные художественные реализации данного мифа позволяют нам выявить сложный текстовый комплекс в творческом мире писателя и обозначить его как «Достоевский – антитекст».

В лекциях по русской литературе, посвященных Достоевскому, Набоков заявляет: «Не скрою, мне страстно хочется Достоевского развенчать» [9, с. 189]. Такую цель можно рассматривать как один из важнейших лейтмотивов его творчества, перманентно проходящий через все этапы его развития. Самой талантливой работой Достоевского, с точки зрения Набокова, является повесть «Двойник». Едва ли другой исследователь отдал бы пальму первенства именно этому произведению, однако, если учитывать приверженность Набокова к форме, а не содержанию, то его симпатия к «Двойнику», наиболее «изобразительному» тексту Достоевского, вполне объяснима. Еще парадоксальнее звучит утверждение Набокова о принадлежности Достоевского к писателям детективного жанра. Такое определение не просто занижает оценку авторских способностей классика, а прямо выводит его из плоскости элитарной литературы и помещает в сферу массовой, где Достоевский даже гипотетически выглядит нелепо и неуместно, тем более что криминальная или детективная проза никак не предполагает наличия в себе идеологической ценности, которую невозможно исключить в прозе Достоевского.

Так, Набоков, несмотря на явную субъективность, а иногда и алогичность своих высказываний, планомерно дискредитирует нелюбимого литератора, причем на самых разных текстовых уровнях: от прямых однозначных формулировок до двусмысленных замечаний и намеков. Интересно, что перечисляя романы из «Великого пятикнижия» Ф. М. Достоевского и позиционируя их как произведения, которые принесли автору популярность, он делает следующее замечание: «Но *еще большую известность* получила его речь на открытии памятника Пушкину в Москве в 1880 г.» [9, с. 194]. Бесспорно, речь эта имеет достаточно большое значение для осознания мировидения писателя, но заключить, что именно она превосходит по важности и узнаваемости ключевые его романы, все-таки невозможно. Что же касается Набокова, то даже в этом малозаметном речевом обороте он отчетливо расставляет приоритеты, сакрализируя Пушкина и профанизируя Достоевского. В его представлении, именно речь о Пушкине принесла автору истинную славу. Итак, для дальнейшего сопоставления обратимся к сугубо художественным произведениям В. В. Набокова, в которых концепт «Достоевский» и окружающий его мифический текст получили необычную репрезентацию.

В 1919 г. Набоковым было написано стихотворение «Достоевский». Факт посвящения Достоевскому уже указывает нам на важность его образа для авторского сознания молодого поэта. В первой строфе он представляет читателю свое видение гения Достоевского: отмечая, что классик «тоскует в мире, как в аду» [10, с. 511], поэт апеллирует к мифологеме о депрессивном мышлении Достоевского и его идеализации страданий, гиперболизируя и саркастируя посредством сравнения жизни с адом, коим она, безусловно, не является. Достоевский, в восприятии Набокова, одновременно и «уродлив», и «судорожно-светел». Особенно интересен последний эпитет, ведь свет, хотя и различаемый сквозь судороги, – во-первых, понятие, позитивно окрашенное, а во-вторых, оно вступает в конфликт с предыдущей строкой, уже охарактеризованной мрачным адом. Набоков признает за Достоевским способность пророка («в своем пророческом бреду / он век наш бедственный наметил» [10, с. 511]), это подтверждают и его лекции, где он говорит, что Достоевский скорее пророк, нежели писатель. Однако уже во второй строфе поэт снова подвергает его личность дискредитации. Лирический субъект дистанцируется, а на первый план стихотворения выводится образ Бога, который слыша «воплъ» Достоевского, допускает сомнение в правильности его отношения к созданному Им миру: «подумал Бог: ужель возможно, / что все дарованное Мной / так страшно было бы и сложно?» [10, с. 511]. Разумеется, Бог не может быть носителем авторитетного мнения для Набокова, зато для Достоевского, вне всяких сомнений, Он – Абсолют, поэтому присвоение Ему негативной оценки мирозерцания Достоевского позволяет усилить эффект иронии, поскольку уже не лирический субъект Набокова, а как бы сам идеал отвергает своего служителя, определяет его несостоятельность.

В 1921 г. Набоков опубликовал стихотворение «Садом шел Христос с учениками», которое посвятил сорокалетию со дня смерти Ф. М. Достоевского. Сам писатель в поэтическом тексте не упоминается, однако посвящение ему дает нам возможность соотносить все произведение не только с личностью Достоевского, но и с его мировоззренческой системой. Нужно отметить, что стихотворение Набоков

выстраивает с помощью антитегического сочетания контрастных образов. В одном контексте уродливое он соединяет с прекрасным: «Меж кустов, на солнечном песке, / Вытканном павлиньими глазками, / Песий труп лежал невдалеке...» [10, с. 447]. Ученики Христа испытывают отвращение к мертвому телу, но финальная реплика Христа заставляет увидеть прекрасное даже в смерти: «Зубы у него – как жемчуга...» [10, с. 448]. Возникает вопрос: чья позиция близка автору? В контексте его полемики с Достоевским становится ясно, что Набоков дискутирует с одной из знаковых его идей. Подробное описание разлагающегося трупа отсылает читателя к картине Ганса Гольбейна «Мертвый Христос в гробу», не раз упоминаемой Достоевским в романе «Идиот» и являющей собой торжество смерти над жизнью, уродства над красотой. То же происходит в стихотворении Набокова: «и зловонным торжеством / Смерти заглушен был ладан сладкий» [10, с. 448]. Герои романа при виде картины утрачивают веру в Христа, а именно Он, по мнению Достоевского, олицетворяет подлинную красоту, ту самую, которая должна спасти мир. Совсем иное представление о прекрасном у Набокова: он идеализирует красоту материальную. Проблему красоты он разрешает именно в физическом плане, и здесь идею Достоевского выражают ученики Христа, а идею Набокова – Христос. Если под миром подразумевать лишь объективную реальность, то Достоевский действительно воспринимал ее как нечто некрасивое и безобразное, его видение земного существования весьма пессимистично. Набоков же в самой безысходной картине готов видеть нечто позитивное, утверждая превосходство прекрасного даже над уродством смерти. И выражение своей идеи он «доверяет» Христу, чей образ закономерно вызывает наибольшую читательскую симпатию. При этом Набоков оставляет «за скобками» мысль Достоевского о необходимости искать прекрасное в области метафизики. Он позволяет разворачиваться дискуссии лишь в той концептированной реальности, которую сам считает единственно возможной.

Еще более широкое и полное отражение полемика Набокова с Достоевским получила в набоковской прозе. Например, в романе «Дар» в ходе диалогов о русской литературе герои высказывают несколько определений творческой личности Достоевского практически дефиниционного типа. Годунов-Чердынцев на вопрос Кончеева о Достоевском отвечает следующее: «Обратное превращение Бедлама в Вифлеем, – вот вам Достоевский» [11, с. 257]. На первый взгляд, лексема «Бедлам» использована автором для явного снижения коннотативной окраски высказывания. Однако при обращении к этимологии слова становится понятно, что «Бедлам» – это тот же Вифлеем, претерпевший изменения в качестве наименования психиатрической больницы, основанной в Лондоне еще в XVI в. Так, с помощью каламбура Набоков не только закрепляет за Достоевским роль проповедника, исключительную, по его мнению, возможность быть литератором, но и подчеркивает бессмысленность деятельности Достоевского, направленной на преобразование сумасшедшего дома в «Дом Божий». Далее герой делает оговорку, вспоминая деталь из романа «Братья Карамазовы», где подробно описывается след от рюмки на садовом столе, и признает наличие некоторых задатков художника в Достоевском: «это сохранить стоит» [11, с. 257]. Очевидно, что нарочитое акцентирование единственного стоящего, с точки зрения Годунова-Чердынцева, описательного

элемента во всем творчестве прозаика лишь подчеркивает в очередной раз его бездарность и концентрирует комическую атмосферу вокруг его образа.

В эпизоде, описывающем «русского литератора-средняка» [11, с. 490] Ширина, повествователь, сравнивая его с Достоевским, характеризует последнего как «комнату, в которой днем горит лампа» [11, с. 490]. Набоков, рассуждая о бесталанных художниках, обделенных чувственным восприятием окружающего мира, отдает им некоторую дань признания, замечая, что, как правило, такие эстетические «инвалиды» обладают необъяснимым внутренним светом. И здесь повествователь делает оговорку касательно Достоевского, будто опасаясь, что читатель может придать слишком большое значение «внутреннему свету». Лампа, горящая в светлой комнате, – еще одна профанация проповедничества Достоевского. Если сам по себе внутренний свет – явление вполне положительное, то свет при свете – явление, определенно, бесцельное и бесполезное. Достоевский, по мнению Набокова, имея некоторые позитивные личностные черты, преподносит их в настолько гипертрофированном виде, что они утрачивают свою ценность.

В романе «Пнин» во время представления на конференции главного героя Джудит Клайд, перечисляя его заслуги, упоминает о том, что отец лектора был домашним доктором Достоевского. Сказать, что Набоков при создании образа отца Пнина обращался к биографическому прототипу, реальному доктору Достоевского – С. Д. Яновскому, лечившему его на протяжении всей жизни, а потом переселившемуся в Швейцарию, нельзя. Павел Пнин не обнаруживает никакого внешнего или внутреннего сходства с Яновским, военным врачом, хирургом, бывшим еще и достаточно близким другом писателя. Для чего же Набоков внедряет эту деталь в ткань романа? Делает он это с той же целью, с которой связывает воспоминания героя с Пушкиным, но если Пушкин служит для повышения авторитета героя в глазах читателя, то связь с Достоевским, наоборот, применяется в качестве унижающего или даже осмеивающего фактора. Автор дает понять, что участникам вечера важен не профессионализм Пнина как филолога, а его опосредованное отношение к одному из знаменитых имен, причем не особенно важно, к какому именно (аналогичное упоминание связывает его и с Толстым).

На стене Фриз Холла в доме президента Пура, заведовавшего университетом, один из преподавателей отделения изящных искусств изобразил его и трех представителей разных мировых культур, вручающих президенту свитки, – это Вагнер, Достоевский и Конфуций. Вагнер знаменует западную культуру, Конфуций – восточную, а Достоевский – находящуюся на грани русскую. Первый является композитором, второй философом, третий писателем. Президент Пур, который должен олицетворять знание в области мирового искусства, на самом деле обыкновенный дилетант (в отличие от Пнина). О Достоевском, разделяющим вместе с ним одну фреску, он практически ничего не знает. В другом фрагменте произведения Пур, перечисляя великих русских классиков, вместо Достоевского называет Раскольникова, чем изобличает собственное невежество. Интересно, что этот персонаж, явно высмеиваемый автором, среди русских писателей особо почитает Достоевского, в то время как Тимофей Пнин, литературу действительно знающий, благоговееет перед Пушкиным и с ним связывает все знаковые события

своей жизни. Так, в пределах сопоставлений героя с тем или иным литератором Набоков создает либо положительный, либо отрицательный контекст для его образа.

Один из героев «Дара», Щеголев, являющийся воплощением пошлости, излагает Годунову-Чердынцеву сюжет своего гипотетического романа, предвосхищая реальный сюжет набоковской «Лолиты». В завершение рассказа о мучениях героя-растлителя он задает ироничный вопрос: «А? Чувствуете трагедию Достоевского?» [11, с. 367], чем обнаруживает литературный первоисточник и высмеивает его. Констатация трагедии у Достоевского как бы намеренно заостряет внимание на ее отсутствии для Щеголева. Однако можно ли соотносить его взгляд с пониманием проблемы Набоковым? Вероятнее всего, нет. Сам писатель, отвечая на обвинения в аморализме «Лолиты», утверждал, что непристойное в произведении искупается трагическим. В данном контексте уже достаточно сложно заключить, что между Набоковым и Достоевским по-прежнему существует непреодолимое разногласие. Бесспорно, Набоков существенно трансформирует заимствованный у Достоевского сюжет, наполняя его множеством пародийных элементов, однако это вовсе не значит, что его роман лишается трагизма. «Лолита» не трагедия Достоевского, разрывающая посредством отвратительного греха Бога и человека, но трагедия Набокова, представляющая собой разрушительное слияние двух поврежденных культур (европейской и американской). Именно поэтому «усмешечка из Достоевского... как далекая и ужасная заря» [12, с. 90], подмечаемая в себе Гумбертом, выглядит не столько ироническим намеком, сколько вполне осмысленной отсылкой. Кривая «усмешечка», как правило, присваивалась Достоевским героям с внутренним душевным расколом, служа для изобличения их низости и пошлости. Эта деталь характерна не только для Гумберта, но и для Лолиты, на лице у которой также возникает «пренебрежительная усмешка». Трудно отрицать, что метафорическая усмешка выполняет в романе Набокова принципиально иную функцию, учитывая, что его герои обладают не менее искаженным сознанием. В данном случае Достоевский впервые не только становится объектом сатирического изображения, но и почти без профанации, интертекстуально вливается в пространство Набокова, приобретая новое смысловое наполнение и звучание.

Наиболее очеловеченная интеграция Достоевского в набоковский текст представлена в романе «Дар», в главе о Чернышевском. Формат видения, избранный автором, как нельзя лучше подходит для реалистичного оживления поэтов и писателей прошлого. Набоков воспроизводит пожар 1862 г., на фоне которого вырисовывается комическая фигура великого литератора: «Бегом, держась за шляпу, несется Достоевский: куда? <...> Бежит Достоевский, мчатся пожарные, “и на окнах аптек в разноцветных шарах вверх ногами на миг отразились” <...>. Между тем Достоевский прибежал. Прибежал к сердцу черноты, к Чернышевскому, и стал истерически его умолять приостановить все это» [11, с. 444]. В воспоминаниях Чернышевского «Мои свидания с Ф. М. Достоевским» описано знакомство двух писателей, в действительности состоявшееся по инициативе Достоевского, пришедшего к нему с просьбой воздействовать на подпольное революционное движение нигилистов и поспособствовать прекращению поджогов. Чернышевский и правда воспринял его как человека, страдающего нервным расстройством, и не стал

разубеждать в абсурдном, на его взгляд, суждении. Но Набоков до такой степени обрамляет эту историю комическими деталями, что первоначально вполне нейтральный сюжет превращается в фарсовый. Глаголы «бежит», «несется» используются автором намеренно: они сближают персонаж с комедийными героями шутовского типа. И хотя образ Чернышевского с его гротескной демонической силой и властью тоже подвергается осмеянию, Достоевский в сравнении с ним рекомендуется полным безумцем, бессильным против «черноты» и униженно просящим ее (в лице злого гения Чернышевского) о пощаде. Набоков не поддерживает биографический миф о «священной» болезни Достоевского, а по аналогии с образом «перевернутых пожарных в аптечных окнах», позаимствованным у Некрасова, опрокидывает миф с ног на голову, изображает писателя в образе сумасшедшего, не способного вызывать у читателя ни уважения, ни сочувствия.

ВЫВОДЫ

Миф о Ф. М. Достоевском, пересозданный В. В. Набоковым, находит разнообразное воплощение. Каждый текстовый комплекс в творчестве Набокова, несмотря на разность в степени персонификации, основывается на классической биопоэтической легенде, трансформируясь в зависимости от авторской позиции в отношении к тому или иному литератору, и выстраивается исключительно вокруг центрального именного концепта, что дает нам право называть его персоническим сверхтекстом. Однако миф о Достоевском, в отличие от мифа о Пушкине, заметно деформируется, «перерисовывается» в карикатурном свете, а иногда и вообще уничтожается. Образ Достоевского не просто лишён сакрализирующего фактора, беспрестанно проходя через деканонизацию, а утрачивает и черты реальной личности: у Набокова он – полупризрак-полубезумец. Даже косвенное отношение набоковских персонажей к Достоевскому используется автором как способ вынести негативную оценку. Достоевский для Набокова оказывается своеобразным антиподом Пушкина, но даже в этой роли оказывает заметное влияние на его миропредставление.

Список литературы

1. Беспалова Е. К., Шмигельская Л. Р. Именной сверхтекст в творчестве В. В. Набокова. Статья 1: Пушкинский текст // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2022. – № 4. – С. 15–26.
2. Долинин А. А. Набоков, Достоевский и достоевщина. // Старое литературное обозрение. – 2001. – № 1. – С. 39–46.
3. Ермакова О. Владимир Набоков о Достоевском // Toronto Slavic Quarterly. – 2011. – № 36. – С. 243–259.
4. Канныкин С. В. Текст как явление культуры (пролегомены к философии текста). – Воронеж: РИЦ ЕФ ВГУ, 2003. – 143 с.
5. Купина Н. А., Битенская Г. В. Сверхтекст и его разновидности // Человек – текст – культура. – Екатеринбург, 2004. – С. 215–222.
6. Курьянова В. В., Сегал Н. А. Толстовский текст в творчестве Р. Акутагавы // Научный диалог. – 2021. – № 3. – С. 218–230.
7. Лошаков А. Г. Об авторской парадигме сверхтекстов // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2008. – № 203. – С. 50–57.

8. Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе : учеб. пособие. – Новосибирск: НГПУ, 2003. – 170 с.
9. Набоков В. В. Лекции по русской литературе: Чехов, Достоевский, Гоголь, Горький, Толстой, Тургенев; пер. с французского языка И. Толстого. – М.: Независимая газета, 1996. – 438 с.
10. Набоков В. В. Собр. соч. русского периода : в 5 т. – СПб. : Симпозиум, 2004. – Т. 1: Русский период 1918–1925. – 1999. – 832 с.
11. Набоков В. В. Собр. соч. русского периода : в 5 т. – СПб. : Симпозиум, 2002. – Т. 4: Русский период 1935–1937. – 1999. – 784 с.
12. Набоков В. В. Собрание сочинений американского периода : в 5 т. Т. 2. – СПб. : Симпозиум, 2008. – 672 с.
13. Сараскина Л. Набоков, который бранится... // В. В. Набоков: pro et contra. – СПб.: РХГА, 1999. – Т.1. – С.542–570.
14. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы // Избранные труды. – Санкт-Петербург: «Искусство – СПб», 2003. – 616 с.
15. Тюна В. И. Фрагменты Петербургского интертекста. Анализ художественного текста. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – С. 264-272.
16. Шаховская, З. А. В поисках Набокова. Отражения. – М.: Книга, 1991. – 319 с.

References

1. Беспалова Ye. K., Shmigelskaya L. R. *Imennoj sverhtekst v tvorcestve V. V. Nabokova. Stat'ya I: Pushkinskij tekst* [Pushkin's text in the works of V. V. Nabokov] *Ucheny'e zapiski Kry'mskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2022, no. 4, pp. 15–26.
2. Dolinin A. A. *Nabokov, Dostoevskij i dostoevshhina* [Nabokov, Dostoevsky and Dostoevshchina]. *Staroe literaturnoe obozrenie*, 2001, no. 1., pp. 39–46.
3. Ermakova O. *Vladimir Nabokov o Dostoevskom* [Vladimir Nabokov about Dostoevsky] *Toronto Slavic Quarterly*, 2011, no. 36., pp. 243–259.
4. Kannykin S. V. *Tekst kak javlenie kul'tury (prolegomeny k filosofii teksta)* [Text as a cultural phenomenon (prolegomena to the philosophy of the text)]. Voronezh: RIC EF VGU Publ., 2003. 143 p.
5. Kupina N. A., Bitenskaja G. V. *Sverhtekst i ego raznovidnosti* [Supertext and Its Varieties]. *Chelovek – tekst – kul'tura*. Yekaterinburg, 2004, pp. 215–222.
6. Kur'janova V. V., Segal N. A. *Tolstovskij tekst v tvorcestve R. Akutagavy* [Tolstoy's Text in Works of R. Akutagawa.]. *Nauchnyj dialog*, 2021, no. 3, pp. 218–230.
7. Loshakov A. G. *Ob avtorskoj paradigme sverhtekstov* [About the Author's Paradigm of Supertexts], *Izvestija RGPU im. A. I. Gercena*, 2008, no. 203, pp. 50–57.
8. Mednis N. E. *Sverhteksty v russkoj literature* [The Supertexts in Russian Literature]. Novosibirsk, NGPU Publ., 2003. 170 p.
9. Nabokov V. V. *Lekcii po russkoj literature: Chehov, Dostoevskij, Gogol', Gor'kij, Tolstoj, Turgenev* [Lectures on Russian Literature: Chekhov, Dostoevsky, Gogol, Gorky, Tolstoy, Turgenev]. Moscow, Nezavisimaja gazeta Publ., 1996. 438 p.
10. Nabokov V. V. *Sobranie sochinenij russkogo perioda* [Collected Works of the Russian Period] : in 5 v. Saint-Petersburg, Simpozium Publ., 2004. Vol. 1 : *Russkij period 1918–1925*. 1999. 832 p.
11. Nabokov V. V. *Sobranie sochinenij russkogo perioda* [Collected Works of the Russian Period]: in 5 v. Saint-Petersburg, Simpozium Publ., 2002. Vol. 4 : *Russkij period 1935–1937*. 1999. 784 p.
12. Nabokov V. V. *Sobranie sochinenij amerikanskogo perioda* [Collected works of the American period] : in 5 v. Vol. 2. Saint-Petersburg, Simpozium Publ., 2008. 672 p.
13. Saraskina L. *Nabokov, kotoryj branitsja...* [Nabokov, who swears...] V. V. Nabokov: pro et contra. Saint-Petersburg, RHGA Publ., 1999, vol. 1, pp. 542–570.

14. Toporov V. N. *Peterburgskij tekst russoj literatury. Izbrannye trudy*. [The Petersburg Text of Russian Literature. Collected works]. Saint-Petersburg, «Iskusstvo – SPB» Publ., 2003. 616 p.
15. Tjupa V. I. *Fragmentsy Peterburgskogo interteksta. Analiz hudozhestvennogo teksta* [Fragments of the St. Petersburg Intertext. Analysis of a literary text]. Moscow, Izdatel'skij centr «Akademija» Publ., 2006, pp. 264-272.
16. Shahovskaja, Z. A. *V poiskah Nabokova. Otrazhenija* [In search of Nabokov. Reflections]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 319 p.

**NOMINAL SUPERTEXT
IN THE WORKS OF V. V. NABOKOV
ARTICLE 2: “DOSTOEVSKY – ANTITEXT”**

Bespalova E. K., Shmigelskaya L. R.

The second article of the cycle continues the interpretation of the individual author's nominal supertext in the artistic discourse of Russian and American writer – V. V. Nabokov, which is relevant for modern literary science. The purpose of the presented work is to study the process of formation and further application of the author's myth about F. M. Dostoevsky in the creation of a fundamentally new literary text. The material for this study was a set of textual realizations of the periodic myth about this writer in Nabokov's work. Due to the fact that the first article reveals the formal-semantic, as well as functional originality of the Pushkin text in the interpretation of V. V. Nabokov, fixing the poet's role as a key ideal image. The analysis of the text about Dostoevsky makes it possible to identify another, the reverse side of Nabokov's myth-making, which forms not only a "hero", but also an "antihero", which, through the elements of the nominal supertext, enters the fabric of his works and performs the function of not an absolute or an indicator of personal value, but the image of the "destroyer", acting as the main negative factor in a particular evaluation characteristic. It is precisely this consistent approach to mastering the sphere of Nabokov's mythology, and with it the supertext as a form of representation of this myth, that determines the novelty of the study, since it gives us the opportunity to discover the concepts most significant for the author in question, as well as to trace and emphasize authentic, only his characteristic ways of constructing them.

Keywords: personic myth, nominal supertext, Dostoevsky antitext, profanization, polemics, Nabokov's worldview.

УДК:821.512.19 (076)

КОНЦЕПЦИЯ ЭТНОМЕНТАЛЬНОСТИ В ПРОЗЕ ТАИРА ХАЛИЛОВА

Джемилева А. А.

*Институт филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь, Российская Федерация
E-mail: ayshe66-2008@mail.ru*

Крымскотатарские писатели в XX в. создают галерею произведений, в которых художественно отобразились представления об особенностях национального характера крымских татар, реалии крымскотатарского быта, картины крымской природы и др. Особое внимание уделялось и истории народа. Таким образом, была создана уникальная образная система, раскрывающая особенности национальной ментальности, которая формировала складывающуюся в литературе каждого народа национальную картину мира. Одним из ярких и самобытных писателей 1980-х гг., поднимающим в своих произведениях духовные и этические проблемы народа, вопросы его исторического прошлого является Таир Халилов. Работа посвящена изучению этноментального в прозе Т. Халилова, выявлению признаков этноментальности в повести «Тутып алынгъан Ватан» («Отнятая Родина»). Сделан вывод о формировании целостной концепции этноментальности в прозе писателя.

Ключевые слова: этноментальность, крымскотатарская литература, Таир Халилов, национальный характер, национальное самосознание, герой, повесть.

ВВЕДЕНИЕ

Крымскотатарские писатели в XX в. создали галерею произведений, в которых художественно отобразились представления народа об особенностях национального характера крымских татар, реалии крымскотатарского быта, великолепные картины крымской природы и др. Большое внимание уделялось истории народа. Таким образом, была создана уникальная образная система, отразившая особенности национальной ментальности, национальную картину мира. Одним из самобытных писателей 1980-х гг., поднимающим в своих произведениях духовные и этические проблемы народа, вопросы его исторического прошлого является Таир Халилов.

Цель нашей статьи – проследить, как представлены принципы репрезентации этноментального в прозе Т. Халилова, выявить признаки этноментальности в повести «Тутып алынгъан Ватан» («Отнятая Родина»).

Актуальность исследования связана с определением вектора дальнейшего развития историко-культурологического знания, в котором значительное внимание уделяется изучению менталитета вообще и этнического менталитета в частности. В этой связи обращение к социокультурным, религиозно-мировоззренческим, ценностным основаниям бытия крымскотатарского этноса представляется весьма актуальным, поскольку позволит лучше понять сущность культуры крымских татар.

Новизна исследования характеризуется отсутствием в крымскотатарском литературоведении монографического исследования проблем этноментальности в прозе писателя. В качестве источниковедческой базы можем назвать работы А. Джемилевой [2-5], Ф. Сеферовой [7], в которых сделана попытка изучения отдельных аспектов творчества писателя.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

По мнению ученых, «этнический менталитет устойчив, но естественные, порой насильственные формы существования народа меняют его, искажают соотношение элементов в строе мысли. И тогда следует обращаться к объективным свидетельствам об исконной специфике менталитета» [12, с. 20]. Несмотря на то, что культурно-этнические смыслы сосредоточены на фольклорных произведениях, современная художественная литература даёт богатые возможности для наблюдения процессов, связанных с этнической ментальностью. В произведениях известных крымскотатарских писателей XX в. А. Ильмия, У. Ипчи, Ш. Алядина, Ю. Болата, Э. Шемьи-заде, Э. Амита, Э. Умерова, Черкез-Али, А. Османа, Р. Али, У. Эдемовой, Т. Халилова и др. раскрыты этнопсихологические черты народа, отображены закономерности формирования и развития национальных черт характера.

Н. С. Надъярных отмечает, что «с середины XX века гуманитарные науки переживают радикальные парадигмальные изменения. И даже если видеть в них только тенденцию, то и тогда она показательна. Если долгое время до этого преобладал интерес ученых к культуре чужой или чужих, замечательной своей инаковостью и воспринимавшихся подчас «экзотическими», то теперь наряду с ним немалое место занимает научная рефлексия о своей культуре, ее структурах, слове, духовности, самобытности художественного сознания» [6, с. 103].

Основной художественный стержень значительной части произведений крымскотатарской литературы периода Высылки (Сюрдюнлик деври) (1944 – 1987 гг.), бесспорно, составляет тема тоски по исторической родине. Несмотря на отдаленность от очага предков, писателям удалось сохранить образ родины во всем его духовном, этическом, культурно-историческом колорите. Несомненно, что для крымскотатарских писателей природа исторической родины – духовное послание, язык которого должен быть расшифрован читательским сознанием.

Т. Халилов – один из писателей, чье творчество отображает национальное своеобразие мышления в высокой степени и талантливо репрезентирует этноментальное в произведениях. Как свидетельствуют биографические источники, детство его пришлось на тяжелые годы депортации. Писатель родился 6 сентября 1940 г. в селе Карабай (Возрождение) Старо-Крымского района Крымской АССР. На момент депортации ему было 4 года. Пунктом назначения стала Костромская область, леспромхоз Шайтан, где в глухом лесу были только деревянные бараки. В тех невыносимых условиях быстро распространялись болезни, от страданий люди умирали семьями. Потеряв родителей, Таир Халилов и его малолетние братья и сестры были помещены в один из детских домов Узбекистана. Дальше будущего писателя ожидала русскоязычная средняя школа и обязательная служба в армии. Первые произведения были написаны на русском языке. Впоследствии, в зрелом возрасте, он начал писать на родном языке. В мае 1990 г. Т. Халилов вернулся в Крым, где проживает и сейчас [11].

Произведения Т. Халилова публикуются в сборнике «Фесильген кьокъусы» («Запах базилика»; 1985), в журнале «Йылдыз». Особый интерес представляет сборник «Биринджи кьар» («Первый снег»; 1987). Отметим рассказы «Без турнарар» («Белые журавли»), «Бульбуль ве гуль» («Соловей и роза»), «Чал атым» («Мой чалый

конь»), «Биринджи кьар» («Первый снег»), «Фесильген кьокьусы» («Запах базилика») и др. Писатель освещает разнообразные явления действительности, используя для воплощения своих замыслов широкие возможности народной символики [4, с. 73].

Прозаическое творчество писателя отличается жанровым многообразием. Острой нравственной направленностью отмечены повести «Лейлеклер учып келирлер» («Журавли еще прилетят»), «Кьабаат экимизде» («Виноваты двое»), «Эски кемане» («Старая скрипка»). В журнале «Йылдыз» напечатаны рассказы «Деньгиз анасы» («Русалка»; 1981, № 3), «Чимган кьырлары» («В горах Чимгана»; 1985, № 5), «Анамны арзылап» («Вспоминая маму»; 1988, №4); повести «Бинь баш кьорай» («Перекасти-поле»; 1990, № 1), «Соньки нефеске кьадар» («До последнего вздоха»; 1992, № 3); пьеса «Тань йылдызлары» («Утренние звёзды»; 1985, № 2); поэма «XX асыр – меним такьдирим» («XX век – моя судьба»; 1985, № 6).

Во многих произведениях Т. Халилова в содержание вплетается ностальгическая особенность образов и смыслов. Так, например, в рассказе «Анамны арзылап» («Вспоминая маму») героя волнуют не только зрительные образы матери и отца, но и обонятельные – запахи. Особенно счастливым чувствовал он себя осенью, когда было много запахов фруктов. Эти запахи имели большое значение в его жизни: «Дома наполнялись запахами арбузов, дынь, фруктов <...> Какими радостными, плодородными были эти осенние дни! Все были веселые, довольные, счастливые! Эти груши бера, яблоки кандиль-синап, рябина! Пучки фруктов висели на потолке до весны! Их запахами пропитаны даже стены. Родные запахи! Незабываемые никогда, они впитались в кровь и в душу мою» (Здесь и далее перевод наш – А.Д.) [8, с. 67]. Рассказ пронизан чувством любви к родной земле. Через воспоминания, образы отца и матери, запахи Т. Халилов говорит о своей преданности Родине и любви к ней, родному Крыму. Ключевые образы – образ матери, образ Родины. Тоска героя по матери – ностальгия по Крыму. Есть в рассказе и предметные, зрительные образы, это образы поющей свирели, колодца. В произведении свирель оживает, приобретает современное звучание. За образом рассказчика мы можем легко угадать образ автора, человека, преданного родной земле, своим корням, своему делу [4, с. 129–130].

В рассказе «Биринджи кьар» («Первый снег») переплетаются драматическое и эпическое начала. Во взаимопроникновении этих двух начал раскрывается внутренний мир героини рассказа – Хатидже апте. Писатель создает образ женщины, жизненные испытания которой символизируют силу нации, нестигаемую волю народа. Перед нами яркий самобытный характер женщины, которая прошла через все тяготы и лишения, вызванные депортацией крымскотатарского народа [4, с. 134].

В своем творчестве Таир Халилов воплотил событие несправедливого изгнания целого народа с родных земель, тему страдания народа на чужбине. В произведениях писателя, в созданных его талантом образах и символах, бесспорно, ярко выражаются национальные черты, чувствуются внутренние переживания героев, сила которых в характере. Повесть Т. Халилова «Тутып алынган Ватан» («Отнятая Родина») (Акьмесджит, 2013) – особый художественный текст в серии произведений, посвященных трагической теме – высылка народа.

В основе повести, имеющей автобиографический характер, лежит национальное духовно-нравственное начало. Автор пишет в предисловии: «Бири-бири артындан енеген эшелонлар къарт-къурт, сабий-субьян ве къадын-къызларнен рыкъма-рыкъ толу эди. Эпимизни чыр-чыплакъ этип, сасыкъ мал ташыгъан къара вагонларгъа юклеп, уджсыз буджакъсыз эвель Русие, сонъра Совет империясынынъ кийик орманлары ве челлерине алып барып текстилер. "Бу яптыгъынъыз недир?" – демеге кимсе агъыз ахмады ве кимсе тапылмады». (Потянулись черные эшелоны, битком набитые беззащитными стариками, детьми и женщинами. Нас раздели, обобрали и погрузив в вонючие вагоны, в которых возили скот, повезли по великим просторам бывшей российской, а затем Советской империи. И никто не выступил в защиту за нас) [10, с. 8]. Через всю повесть красной нитью проходит мысль, связанная с мечтой каждого крымского татарина когда-нибудь вернуться на свою историческую родину.

Писатель от лица мальчика повествует о том, как происходило выселение из Крыма, о драматических ситуациях в пути, о несправедливости во время пребывания в детском доме. «Поезд суръатыны алгъан сонъ, ич бир маниасыз, тегиз демирел узеринден тыгъырып кетмекте. Вагонлар ичиндеки къурбанлар неге огърагъанларыны бильмей тындылар, башларыны салындырып, козьяшларыны юреклерине акъызып, тюшонджеге далдылар. Атта балалар сусып къалдылар. Апансыздан халкъ башына энген шефкъатсыз дарбе эр кесни шашырды-шашмалатты». (Набрав скорость, поезд беспрепятственно мчался по ровной железной дороге. Люди в вагоне, не зная, что их ждет, повесили головы, смолкли и задумались, их сердца плакали. Даже дети притихли. Народ был в смятении и в растерянности от внезапно обрушившегося на их головы жестокого удара) [10, с. 37].

Нарративный дискурс повести организует речь героя-рассказчика и автора-повествователя. Как только люди были изгнаны из домов и их погрузили в вагоны, у них появляется чувство ностальгии по родному крову и начинается отсчет времени вне Родины. «Открылась первая страница Дневника ностальгии», – пишет автор. Оказавшись в черных грузовых вагонах, народ переживает о своей судьбе и молит о помощи Аллаха.

Думается, в этом эпизоде отражена художественная концепция произведения. «Балалар! – Решат эмдже бизге мураджаат этти. Давушы къарыкъ ве эеджанлы. Бугунь 18 майыс 1944 сене. Бу кунни акъылынъызда эбедий тутынъыз. Оны ич бир заман унутманъыз. Унутмагъа акъкъынъыз ёкъ! Бугунь сизнинъ келеджегинъизни, истикъбалинъизни тутып алдылар. Бахтынъызны хырсызладылар. Ялварам, бу къара кунни ич бир вакъыт унутманъыз!» (Дети! – обратился к нам дядя Решат. Голос его был хриплым и взволнованным. Сегодня 18 мая 1944 года! Запомните этот день навсегда. Никогда не забывайте. Не имеее права забыть! У вас отнимают ваше будущее, ваше счастье. Заклинаю, никогда не забывайте этот черный день!) [10, с. 47]. 18 мая 1944 г. – своего рода сакральная дата для крымских татар. В этот день народ постигло величайшее горе. Горький и жалобный плач заполнил вагоны и пронесся над опустевшей землей. Люди не могли сдержать слез, это был всеобщий прощальный плач. Мотив плача повторяется и углубляется, что позволяет трактовать его в качестве лейтмотива: «Кене адджы-адджы кескин агълав вагон ичини титретти. (И опять горькие стенания сотрясали вагон)» [10, с. 47].

Во время пути герой находит отверстие в вагоне и смотрит в «окошечко», пытаясь увидеть границу, о которой говорят взрослые. «Къайда экен о сынъыр? Тек йыллар кечкен сонъра, буюген сонъ, Ватан сынъыры эр кеснинъ юрегинден отип кечкенини анъладым». (Где же эта граница? Только спустя годы, повзрослев, я понял, что граница Родины невидимая, она проходит в сердце каждого из нас) [10, с. 47].

Одним из ярких проявлений этноментальности в произведении, бесспорно, является включение в текст крымскотатарских народных песен. На протяжении всего жизненного пути народ, и в горе, и в радости, всегда сопровождала песня. Автор хорошо знаком с психологией народа и умело отражает это в повести. Народная мелодия, образ «Дертли къавал» – «Тоскующей свирели» издавна сохранилась как культурное наследие крымскотатарского народа. «– "Мавиле, къызым, тарсыкъкъанымдан ичим багърым янып-куе, ялварам «Дертли кавал»ны йырласа", – деп риджа этти къартий ян-янаша отургъан йырджыгъа. Ченгесини тизлерине тиреп, тизлерини къучакълагъан алда отургъан Мавиле озюни беклетмеди: зиль туткъан демир копчеклери тасырдысы алтында акъырын йырлап башлады. Дакъкъа сайын сеси артты, кучъ ве аэнкнен толды». («Мавиле, дочка, спой, "Дертли кавал", уж очень тревожно и тяжело на сердце», – попросила ее старушка. Мавиле не заставила себя ждать. Обхватив руками прижатые к подбородку колени и положив на них голову, тихо запела под аккомпанемент стука колес вагона. С каждым аккордом ее голос набирал силу и звучание) [10, с. 49]. Символические образы подчеркивают стремление автора осознать национальные истоки в развитии художественного самосознания народа и способствуют проявлению ментальности. Важно то, что, будучи существенным способом воздействия, проникновенная и скорбная песня объединяла народ, давала силы, волю и терпение пережить трагедию. Это была песня-молитва, обращенная к Всевышнему с мольбой облегчить душевные муки.

Отметим в качестве основных повествовательных принципов – ретроспекцию, размышления автора, диалоги, монологи героев о прошлом и будущем народа. Повесть насыщена драматизмом, трагическими событиями: герои Ваит-ага, Муса, Назифе-апте, Мавиле, Земине-апте, Зарема умирают. Герой теряет в пути маму и сестренку, плохо закрепленные доски падают и травмируют их насмерть. Конечно же, Эдем очень переживает, он не представляет себе жизни без материнской любви, тепла и ласки. «Анам ольген сонъ, къайгъымны Анифе тизем чекти. Ашатты-ичирди, козь-къулакъ олды. Лякин догъмуш ананы ким денъиштире биле? Анасыз ярыкъ дюнья бошлукъкъа чевирильди. Оксюз къалгъан къозучыкъ киби кимге сыйыкъмагъа бильмедим. Аятымнынъ манасы, бахтымнынъ менбасы анам олгъаныны анамны джойгъан сонъ там анъладым. Мегер, дюньянынъ зевкъы ве нешеси анамда эди». (После смерти мамы меня опекала и заботилась обо мне тетя Анифе. Она меня кормила-поила, предостерегала от необдуманных поступков. Но никто не заменит родную мать. Мир без мамы опустел. Как сиротливый козленок я не знал, к кому приникнуть. Только после смерти матери я понял, что смысл моей жизни, источник моего счастья была мама. Оказывается, все радости и удовольствия жизни только с мамой) [10, с. 78].

Люди были крайне истощены, у них не было ни слез, ни сил оплакивать умерших. Как говорится в повести, на восемнадцатый день пути состав прибывает в

Среднюю Азию. К сожалению, не все доехали до места назначения, семь человек погибли. Людей из вагона героя определили в колхоз Камышкышлак. Здесь их ожидали брюшной тиф и дизентерия, малярия, голод, холод, жара, непосильный труд, невыносимые бытовые условия, тоска по Родине и лишения.

Продолжим наблюдения над повестью. Эдема и его тетю приводит в свой дом старик узбек Махкам-ата. Героев ждет новая, другая, чужая непривычная жизнь. Мальчик, действительно, сразу почувствовал чужой незнакомый запах: «Босагъадан атлар-атламаз насылдыр, манъа белли олмагъан, озгюн, тек Орта Асияда яшап кельген мааллий сакинлерге аит эв къокъусы бурнума урды». (Не успел я войти, как с порога в ноздри ударил неизвестный мне, своеобразный азиатский запах его обитателей) [10, с. 116]. Как известно, каждому народу присущ свой неповторимый, лишь ему принадлежащий и укоренившийся укладом жизни особый, специфический запах. Это были не те родные и знакомые запахи, к которым с детства привык герой. Таким образом, в повести изображаются два мира: мир пришельцев, чужих (крымских татар) и мир жителей, узбекский уклад жизни, которые приобрели в повести, несмотря на общность веры, статус различных антагонистичных – «миров». В Узбекистане для героев все было чужим и пугающим: жители, образ жизни, предметы быта, насекомые, шакалы, хлопковые поля, жаркий климат и др.

Герой вспоминает родные запахи: «в доме у нас пахло кофе и ароматом яблок. До самой весны в комнатах висели подвешенные к потолку пучки кандиль-синапа, этих продолговатых, красивых и сочных яблок и ювеза, разновидности крымской горной рябины, а кофе, как вино у кавказцев, неотъемлемый атрибут нашего быта» [10, с. 116]. Это были запахи Родины, родной земли, которые не стирались из памяти. Таким образом, перед нами яркое воплощение признаков национального характера героя, проявление этноментальных особенностей произведения.

Несмотря на то, что узбекская семья Махкам-ота и Мехри-хола относились к Эдему и его тете с сочувствием, проявляли доброту и милосердие, жизнь у переселенцев была очень трудной. Голод, болезни, тоска по родной земле, невозможность адаптации в других климатических условиях привели к тому, что люди часто умирали. Выращиваемая в республике культура – хлопок, была дороже человеческих жизней, – пишет автор. Тетя героя заболевает и умирает от побоев, от тяжелого труда на хлопковом поле. Эдем остается один. Он тоскует, скучает от одиночества, с нетерпением ожидая возвращения отца с войны. Наступает долгожданный день Победы, но мальчик в это время заболел.

После его выздоровления, приютившие их Махкам-ота и Мехри-хола хотят дать мальчику имя своего сына, одеть в узбекскую национальную одежду и сделать своим сыном. «Махкам-ота, бросив на меня многозначительный взгляд, не спеша, торжественно положил сверток на колени и, будто совершая таинственный ритуал, медленно развязал и развернул его. – “Подойди ко мне, сынок”, – подозвал он меня. Я поднялся, обошел незнакомого гостя, встал перед Махкам-ота. Он разложил содержимое узелка мне под ноги. Это был детский полосатый стеганный халат – чапан, и к нему шелковый бельбаг – поясной платок, еще лежала новая, черная, с белой нашивкой, узбекская тубетейка – доппу. Махкам-ота сначала одел на меня чапан, опоясал бельбагом, затем нахлобучил на голову тубетейку» [10, с. 188]. Старик,

любуясь, отмечает, что, действительно, Эдему очень идет эта одежда и просит у жены зеркало, чтобы парнишка посмотрел на себя.

Этот эпизод, безусловно, играет важную роль в толковании национального характера и проявлении этноментальных черт героя. «Истер-истемез аксима бакътым ве титредим. Этим-теним чимирдеди. Озюмни таньмадым. “Бу кыяфетте бабам коръсе биле таньмаз”, – деген фикир йылдырым тезлигинен мийимде йылдызланды». (Я поневоле взглянул на себя и задрожал. Все во мне перевернулось. Сам себя не узнал. “В этом облике меня родной отец не признает”, – первое, что пришло мне в голову») [10, с. 188]. Махкам-ата говорит о том, что хотел бы усыновить Эдема (Адема). «Будешь нашим сыном. Заменишь нам погибшего сына Эргашали. Назовем тебя Эргашали. Имя Адем нам как-то непривычно. У тебя хорошее имя, но Эргашали для нас звучит тепло) [10, с. 189]. Сидящие в комнате гости констатировали, что мальчик, конечно же, очень похож на настоящего узбека. Герой стоял и не знал, что делать. Внутри шла упорная борьба: «Напряженное чувство на протяжении веков вливающееся в мою кровь и каждую клеточку тела, а затем и в сознание, закипело во мне, стремясь вырваться наружу». Я не повернулся, не склонил голову, а недоверчиво смотрел на Махкам-ата», – пишет от лица героя автор. «Хотел сказать, что надо бы спросить у отца, но не успел, что-то бурно вскипело внутри меня, прорвалось, вырвалось наружу, как пар из чайника. Оно, это нечто, засело в глубине моего сознания, составляло мою сущность, основу моей личности и национальности, и было сильнее меня. – “Я не узбек!” – сорвался с языка крик. – Я сын своих родителей! Дальше происходило все, как в полусне. Я развязал поясной платок и сбросив с себя тюбетейку и чапан, выбежал за калитку» [10, с. 189]. Мальчик бежал из дома, неизвестно куда, навстречу опасностям, но думал только об одном: «Я не узбек! И не татарин! Я крымец! Слышите, я крымец! Моя Родина – Крым! Я единственный сын своих родителей!» [10, с. 190]. Здесь перед читателем субъективированная форма проявления этничности – этническое самосознание – «чувство принадлежности к тому или иному этносу, выражающееся в этническом самоопределении, то есть в отнесении индивидом себя к данной этнической группе» [1, с. 56]. Бесспорно, герой Т. Халилова в полной мере ощущает принадлежность к крымскотатарскому этносу и никогда, ни при каких обстоятельствах не поменяет свое мышление, национальность, что характеризует его как яркого носителя этноментальности в современной прозе.

ВЫВОДЫ

Таким образом, представленные примеры художественных репрезентаций этноментального (национального) в творчестве современного прозаика Таира Халилова (в рассказах «Анамны арзылап», «Биринджи къар» и повести «Тутып алынган Ватан») позволяют сделать вывод о формировании целостной концепции этноментальности в прозе писателя.

Список литературы

1. Абуков К.И. Разноязычное единство: обретения и потери. – Махачкала, 1992. – С. 56.
2. Джемилева А.А. Вакъыт-феза (хронотоп) мунасебетлеринде вакъыт концепциясы (Таир Халиловнынъ «Биринджи къар» икяеси мисалинде) // Йылдыз. – 2006. – № 5. – С. 126–134.

3. Джемилева А. А. Повествовательная модель в рассказах Таира Халилова // Культура народов Причерноморья. – 2009. – № 158. – С. 51–53.
4. Джемилева А. А. Поэтика повествования в крымскотатарском рассказе 70–80 годов XX века. Монография. – Саратов: Амирит, 2022. – 168 с.
5. Джемилева А. А. Специфика жанра и функция художественной детали в рассказе (на материале рассказов Т. Халилова «Фесильген кюкюсы» – «Запах базилика» и «Без турналар» – «Белые журавли») // Культура народов Причерноморья. – 2004. – Т. 2. – № 50. – С. 99–105.
6. Надъярных Н. С. Дмитрий Чижевский. Единство смысла. – М., 2005. – 366 с.
7. Сеферова Ф. А. Парадигма морали в творчестве Таира Халилова // Крымскотатарская филология: проблемы изучения и преподавания. – 2018. – № 1 (2). – С. 151–155.
8. Халилов Т. Анамны арзлап (Вспоминая маму) // Ылдыз. – 1988. – № 4. – С. 65–71.
9. Халилов Т. Биринджи кьар (Первый снег): [Повестлер ве икяелер (Повести и рассказы)]. – Т., Гъафур Гъулам адына эдебият ве санъат нешрият, 1987. – 160 с.
10. Халилов Т. Тутып алынгъан Ватан. Повесть. – Симферополь: ИД "Тезис", 2013. – 256 с.
11. Халилов Таир Бекирович. – Режим доступа: [https:// u.wikipedia.org/wiki/ Халилов_Таир_Бекирович](https://u.wikipedia.org/wiki/Халилов_Таир_Бекирович). – (Дата обращения: 25.12.22).
12. Хроленко А. Т. Лингвокультуроведение: Учебное пособие. – Курск: Изд-во РОСИ, 2001. – 180 с.

References

1. Abukov K. I. *Raznoyazychnoe edinstvo: obreteniya i poteri* [Multilingual unity: gains and losses]. Mahachkala, 1992. 56 p.
2. Dzhemileva A. A. *Vak"yt-feza (hronotop) munasebetlerinde vak"yt koncepciyasy (Tair Halilovnyñ «Birindzhi k"ar» ikyaesı misalinde)* [The concept of time in the relationship of the chronotope in T. Khalilov's story "The first snow"]. *Jyldyz*, 2006, no. 5, pp. 126–134.
3. Dzhemileva A. A. *Povestvovatel'naya model' v rasskazah Taira Halilova* [Narrative model in Tahir Khalilov's stories]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*, 2009, no. 158, pp. 51–53.
4. Dzhemileva A. A. *Poetika povestvovaniya v krymskotatarskom rasskaze 70–80 godov XX veka* [Narratives in the Crimean Tatar story of the 70-80s of the XX century]. Saratov, Amirit Publ, 2022. 168 p.
5. Dzhemileva A. A. *Specifika zhanra i funkciya hudozhestvennoj detali v rasskaze (na materiale rasskazov T. Halilova «Fesil'gen k"ok"usy» – «Zapah bazilika» i «Beyaz turnalar» – «Belye zhuravli»)* [Specificity of the genre and the function of the artistic detail in the story (based on the stories of T. Khalilov "Fesilgen kokusy" – "The smell of basil" and "Beyaz turnalar" – "White cranes")]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*, 2004, vol. 2, no. 50, pp. 99–105.
6. Nad'yarnyh N. S. *Dmitrij Chizhevskij. Edinstvo smysla* [Dmitry Chizhevsky. unity of meaning]. Moscow, 2005. 366 p.
7. Seferova F. A. *Paradigma morali v tvorchestve Taira Halilova* [The paradigm of morality in the work of Tahir Khalilov]. *Krymskotatarskaya filologiya: problemy izucheniya i prepodavaniya*, 2018, no. 1 (2), pp. 151–155.
8. Halilov T. *Anamny arzlap (Vspominaya mamı)* [Remembering Mom]. *Jyldyz*, 1988, no. 4, pp. 65–71.
9. Halilov T. *Birindzhi k"ar (Pervyj sneg): [Povest'ler ve ikyaeler (Povesti i rasskazy)]* [Remembering Mom: Novels and stories]. Tashkent, G"afur G"ulam adyna edebiyat ve san'at neshriyatı, 1987. 160 p.
10. Halilov T. *Tutyp alyng"an Vatan. Povest'* [Taken homeland]. Simferopol: Tezis Publ., 2013. 256 p.

11. *Halilov Tair Bekirovich*. Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/Halilov,_Tair_Bekirovich (accessed: 25 December 2022).
12. Hrolenko A. T. *Lingvokul'turovedenie: Uchebnoe posobie* [Linguistic and Cultural Studies: Textbook]. Kursk, ROSI Publ., 2001. 180 p.

THE CONCEPT OF ETHNOMENTALITY IN THE PROSE OF TAIR KHALILOV

Dzhemileva A. A.

The article discusses the ethno-mental foundations of the work of the modern Crimean Tatar writer T. Khalilov, ways to identify the national character, the specific symbolism of the Motherland in the writer's artistic self-consciousness. The national character is closely connected with the problem of national identity. It is emphasized that one of the ways of the artistic embodiment of national self-consciousness is the functioning of the tragic theme in the works - the expulsion of the people. The heroes of the writer reflect the national spirit and national character of the Crimean Tatar people, their fate and history. During the 20th century, Crimean Tatar writers created a number of works that artistically embodied ideas about the features of the national character of the Crimean Tatars, the realities of the Crimean Tatar life, memorable pictures of the Crimean nature, etc. Much attention was paid to the history of the people. Thus, a unique figurative system was created, revealing the features of the national mentality, which formed the national picture of the world emerging in the literature of each people.

Key words: ethno-mentality, Crimean Tatar literature, Tahir Khalilov, national character, national identity, hero, story.

УДК 821.111

**«ПУТЬ ПАЛОМНИКА» В АДАПТАЦИИ ДЛЯ ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ:
ВЕРСИЯ ХЕЛЕН Л. ТЕЙЛОР¹**

Ненарокова М. Р.

*Институт мировой литературы (ИМЛИ) им. А. М. Горького РАН,
Москва, Российская Федерация
E-mail: maria.nenarokova@yandex.ru*

Статья посвящена проблеме адаптации книг, входящих в сокровищницу мировой культуры, для детского чтения. В отечественной науке проблема адаптации текстов рассматривается с разных ракурсов: изучаются причины адаптации, ее различные виды и их сосуществование в тексте, приемы, при помощи которых трансформируется текст, компоненты текста, подвергающиеся трансформации, а также сам процесс, «маршрут», адаптации. Эти теоретические наработки используются для анализа книги Хелен Л. Тейлор «Паломничество маленького Христиана», представляющей собой адаптацию повести-аллегии Джона Баньяна «Путь паломника». Исследование показало, что английская писательница переработала книгу Баньяна и создала новое, весьма востребованное маленькими читателями произведение. Изменение текста шло как с точки зрения содержания, так и формы. Первоначальный сюжет был упрощен. Система персонажей изменилась: вместо взрослых героями книги стали дети, были введены новые персонажи, отсутствовавшие у Баньяна. Беседы, в которых излагались богословские воззрения Баньяна, были опущены. Текст-источник был в разной степени осовременен.

Ключевые слова: адаптация, детская литература, Джон Баньян, «Путь паломника», Хелен Л. Тейлор, «Паломничество маленького Христиана».

ВВЕДЕНИЕ

Когда книга, написанная для взрослых, в нашем случае «Путь паломника», созданный Джоном Баньяном в 1667–1672 гг., оказывается востребованной в детской и юношеской аудитории, возникает несколько проблем, в первую очередь затрудненность понимания словесной оболочки текста и избыточность информации, либо изначально не предназначенной для детей, либо слишком сложной для детского восприятия. Текст приходится изменять и приспособлять к возможностям и способностям нового круга читателей, иными словами, адаптировать его.

При том, что проблемами адаптации занимаются, в основном, лингвисты, переориентация текста книги на иную, детскую, аудиторию является филологической проблемой, подразумевающей как изменение формы, так и содержания. Если обобщить определения, которые дают этому процессу современные отечественные лингвисты, это «приспособление» [1, с. 12], то есть «облегчение или упрощение исходного текста» [11, с. 222], который «не был первоначально рассчитан» [1, с. 13] на некую аудиторию. Изменение текста необходимо потому, что исходный текст «является малопонятным или непонятным с точки зрения языка и/или внеязыковых реалий» [2, с. 109]. Новый текст «зависит от черт адресата, нацелен на его потребности и его особенности» [9, с. 61], приспособливается «к новым, отличным от

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 23-28-00989 «Английская классическая литература в мировой культуре: рецепции, трансформации, интерпретации» (2023–2024 гг.).

изначальных, условиях функционирования» [7, с. 107]. Целью адаптации является восполнение «определенных лакун в фоновых знаниях читателя» [9, с. 56], что, конечно, выводит этот процесс из чисто лингвистических рамок.

По наблюдениям С. В. Первухиной, адаптация текста может проходить в нескольких ракурсах, но, как кажется, при пересоздании взрослого текста для детской аудитории важны три: лингвистическая адаптация, то есть «упрощение текста через лексические замены или грамматические трансформации» [10, с. 130]; нелингвистическая адаптация, которую в противоположность первой можно назвать литературоведческой, – она «связана с изменением объема текста, сокращением тематических линий, упрощением содержания» [10, с. 130]; наконец, культурная адаптация, направленная на раскрытие «лингвокультурологической информации, которая может быть незнакома потенциальному читателю» [10, с. 130]. Подвергаясь названным видам адаптации, изменениям «формы выражения (терминологии, мало употребительных слов, грамматических форм, длины и т. д.) или информации, которая в нем заложена» [8, с. 195], текст становится легким для понимания новой читательской аудитории.

Анализируя адаптацию текста, созданного несколько веков назад, для детского чтения (в нашем случае баньяновский «Путь Паломника»), нужно помнить, что в его состав входят сюжетобразующие и несюжетобразующие текстовые компоненты. Если первые «вливают на ход развития действия, формируют сюжет, фабулу» [2, с. 110], то вторые гораздо менее активны, «имеют второстепенное, периферийное значение для содержательно-смысловой основы текста» [2, с. 110]. Исключение или изменение первых компонентов ведет к искажению «содержательно-смысловой основы текста» [2, с. 110], тогда как потеря компонентов второй группы не ведет к таким последствиям.

Интересно, что адаптация текста для нужд нового читательского круга (в нашем случае – детского) соотносится с такой областью лингвистики, как перевод, в частности, «внутриязыковой» [13], когда текст, «отстоящий от современности минимум на полтора-два века» [16, с. 82], все еще сохраняет свою нравственную и культурную ценность для читателей. При адаптации, затрагивающей лексику текста, необходимо ориентироваться на «уровень языковой компетенции» читателей [9, с. 80]. Как писал великий филолог XIX в. А. А. Потебня, «Невозможно стать действительно писателем для детей..., не проверив и не проверяя постоянно понятности и силы своих слов на тех, кому они предназначены» [11]. В случае «Пути паломника», текста XVII в., сложность восприятия не только лексики, но и грамматики сродни проблемам, возникающим у современных англоязычных читателей при чтении Шекспира: «Список слов, которые сохранились в современном языке, но, по-видимому, ... <являются> ... неизвестными большинству современных англоязычных читателей, впечатляет» [4, с. 89].

Результатом адаптации становится новый художественный текст, однако он «как текст вторичный стилистически несамостоятелен, ... несамостоятелен и по содержанию» [3, с. 181]. Его главным достоинством для читателей становится максимальная простота и понятность [8, с. 197]. Этот текст относят к «особому жанру пересказа-перевода» [4, с. 89]. Как кажется, это удачный термин, учитывающий как

изменение содержания адаптируемого текста (пересказ), так и переработку его формальной стороны (перевод).

Проблема адаптации книг, принадлежащих к золотому фонду культуры, для детской аудитории не нова. В статье будет рассмотрена версия баньяновского «Пути паломника», созданная в середине XIX в. английской писательницей Хелен Луизой Тейлор. В задачи статьи входит анализ текста «Паломничества маленького Христиана», исследование направлений, по которым менялись содержание и словесная оболочка текста, обнаружение основных приемов адаптации, которые использовала писательница.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Книга баптистского проповедника Джона Баньяна «Путь паломника» занимает особое место в англоязычной культуре. По мнению Нила Кибла, известного исследователя английской литературы и культуры 1500–1725 гг., «Ни один текст XVII века, за исключением Библии короля Иакова ... не пользовался вниманием такого широкого круга читателей» [16, р. IX].

«Путь паломника» Баньяна был так популярен в качестве чтения для детей, что, казалось, в Викторианскую эпоху эта книга окончательно перейдет в разряд детских [15, р. 100]. На самом деле баньянова книга сопровождала людей, принадлежащих к англоязычной культуре, в течение всей жизни и всегда находила отклик в их сердцах. Так, англиканский священник Джеймс Блэк, написавший предисловие к изданию «Пути паломника» 1873 г., утверждал, что эта книга обращена «к прихожанину, поэту, философу, а также к ребенку» [15, р. 102]. Известно мнение, высказанное настоятелем собора в городе Честер в те же годы. По его мнению, «Путь паломника» является связующим звеном между молодым поколением и взрослыми людьми: «Если дети развлекаются, читая эту книгу, с живым удовольствием и любопытством, то взрослые люди никогда не теряют ощущения ее торжественной красоты» [15, р. 102]. При этом уже в начале XIX в. у издателей было ощущение, что язык книги не вполне понятен детям или даже «грубоват» [15, р. 101] для них. Так, в предисловии к изданию 1811 г. Джошуа Гилпин, издатель, говорит о необходимости изменения правописания Баньяна по нормам XIX в. и исправления «неотделанностей стиля» [15, р. 101].

Хелен Луиза Тейлор (1818–1885) была, видимо, одной из тех писательниц, которых помнят только при жизни [18]. Она писала для детей книги на религиозные темы, была своего рода катехизатором. Пик ее творчества приходится на середину XIX в., когда она создала, например, сборник «Субботник колокола: серия простых историй для христианских детей» (1844), «Книга проповедей для детей» (1844), «Миссионерские гимны для детей» (1846). [18] Эту серию продолжает «Паломничество маленького Христиана». Каталог Британской библиотеки указывает издание 1889 г. как самое раннее, но в него уже включено предисловие писательницы, в котором она объясняет, почему она предприняла этот труд. С другой стороны, на титульном листе книги указано: *H. L. Taylor, author of "Out of The Way"* [17]. Книга Хелен Тейлор *"Out of The Way"* вышла в свет в 1883 г. Видимо, первое издание в виде

книги, для которого она написала уже упомянутое предисловие, появилось между 1883 и 1885 гг.

Из краткого предисловия писательницы к своему пересказу можно узнать две вещи. Книга выходила сначала в издании *Sunday* [17, р. I] в виде серии коротких рассказов, которые «доставили удовольствие» [17, р. I] читателям этого издания, после чего писательница решила издать короткие истории под одной обложкой. Причина, по которой Хелен Тейлор предприняла свой труд, также указывается в предисловии: «Хотя сотни детей с удовольствием читают «Путь паломника», возможно, лишь некоторые способны получить от чтения больше, чем смутное представление о значении этой книги» [17, р. I]. По мнению писательницы, «тёмные и неясные слова, которые «содержат/ Истину, как шкафы содержат золото», находятся за пределами их понимания, и для юного ума повествование о путешествии Христиана привлекательно просто как история приключений, и её внимательные чтение доставляет бесконечное удовольствие, но малую пользу» [17, р. I]. Таким образом, Хелен Тейлор сразу указывает на «потенциальную группу читателей» [8, с. 197], которым предназначается книга. В самом тексте «Паломничества маленького Христиана» нет прямых обращений к читателям, но герои книги ведут себя как дети семи-восьми лет, и читатели могут с легкостью ассоциировать себя с ними.

Желание открыть маленьким читателям не только внешнюю увлекательность «Пути паломника», но и ее духовный смысл побудило Хелен Тейлор фактически переписать баньянову книгу.

Сюжет у самого Баньяна выстроен довольно просто: рамой повествования является упоминание о том, что автор увидел удивительный сон; эпизоды нанизываются на маршрут, по которому Христиан идёт от города Разрушения к Небесному Граду; они отделяются друг от друга словами автора, свидетельствующими о том, что все действие происходит во сне [14, pp. 8, 9, 12, etc.]. Однако при кажущейся простоте сюжета каждый эпизод содержит не только фактическую информацию, обеспечивающую движение повествования («сюжетообразующие текстовые элементы» [2, с. 110]), но и обширный богословский материал, изложенный в виде бесед действующих лиц («несюжетообразующие текстовые элементы» [2, с. 110]). Баньян не делил свой текст на главы, но для изданий XIX в. как для взрослых, так и для детей разбивка на главы уже обычна.

Работа Хелен Тейлор над содержательной стороной текста Баньяна отвечает современным представлениям об адаптации текста: адаптатор «исключает или модифицирует те фрагменты, которые... избыточны или представляют трудность» [7, с. 107]. Изменяя текст с «опорой на ключевые образы произведения» [7, с. 113], она в первую очередь избавилась от рамочного сюжета сна и сделала главного героя и большинство других персонажей детьми. При этом, конечно, произошло «изменение композиции по сравнению с текстом-источником» [8, с. 197]. Главным героем книги стал ребенок, мальчик семи-восьми лет, и его поведение изменилось в соответствии с возрастом: он, как и другие дети города Разрушения, летом принимал участие в играх, зимой слушал истории путешественников о Небесном Граде. В

отличие от других детей, Христиан еще и читал старую Книгу, которую он где-то нашёл.

Передельвая повествование Баньяна, Хелен Тейлор старается выстроить логику повествования, поскольку при перестройке повествования неминуемо «по-новому <должны> расставляться логические акценты» [8, с. 197]. Если Баньян говорит, что во сне он видит человека с книгой, он не объясняет, откуда она взялась. Сон может быть нелогичным. А вот история, рассказанная ребенку, должна отвечать и на подобные вопросы. То же можно сказать и о встрече Христиана и Евангелиста. У Баньяна написано без всяких объяснений [17, р. 9], что Христиан не знал, куда идти, и тогда автор во сне увидел человека, это и был Евангелист. Хелен Тейлор создаёт картину, вызывающую слуховые, зрительные и, возможно, осязательные ассоциации: Христиан бродит в полях летним днем, усталый сидит на пригорке, поросшем травой, слышит шаги [17, р. 5]. Если у Баньяна Евангелист появляется, как актёр, выходящий в первый раз на сцену в спектакле, то Хелен Тейлор выстраивает предысторию отношений Христиана и Евангелиста [17, р. 5]. В этом и подобных случаях можно говорить о «расширенных трактовках сюжетной линии» [1, с. 13].

Подобные изменения в сюжете требуют пересмотра количества эпизодов и, соответственно, изменения состава действующих лиц. По Баньяну, у Христиана, взрослого мужчины, была семья – жена и дети, а также друзья и соседи, которые были свидетелями его душевного состояния, его усиливающегося беспокойства [14, р. 8–9]. Все эпизоды, в которых участвуют эти люди, опускаются или перерабатываются. Хелен Тейлор создаёт не мир взрослых, к которому принадлежит Баньянов Христиан, а мир детей, поэтому тема семьи реализуется путем использования такой «операции адаптирования» [2, с. 110], как замена, то есть «исключение и дополнение» [2, с. 110] информации. Мы узнаем, что главным человеком в жизни маленького Христиана оказывается няня [17, р. 3], она задает ему вопросы о его душевном состоянии. Мы также узнаем, что у Христиана есть отец [17, р. 17], который так занят, что мало интересуется сыном. Мать мальчика, персонаж, созданный Хелен Тейлор, рано умерла («...ушла, когда я был крошечный младенцем, - говорит Христиан» [17, р. 12], «пребывает с Царем» [17, р. 12-13], и маленький Христиан видит только ее портрет [17, р. 17]. Однако образ матери походит через всю книгу: по словам героя по имени Помощь, она видит Христиана, постоянно сопровождает его в пути [17, р. 17]. Позже герой повествования, зовущийся Добрая Воля, подтверждает слова Помощи [17, р. 26]. В главе «Первая битва» мать является Христиану во сне и лечит раны, которые мальчик получил в битве с чудовищем [17, р. 69–70]. Лицом к лицу Христиан встречается с ней в Небесном Граде [17, pp. 162, 164], когда его путешествие окончено.

Интересно, что в повествование вводится еще один женский персонаж, которого у Баньяна не было: это жена начальника тюрьмы в городе Тщеславие, где мальчики Христиан и Верный попадают в беду и Верный гибнет. Она не похожа на мать Христиана, но она добрая женщина [17, р. 97–98]. Она тоже лечит Христиана, но в отличие от матери, для которой важно духовное преуспевание ребенка, его верность обету, предлагает ему блага материальные. Хелен Тейлор создаёт два образа добрых

женщин – духовный и светский – и позволяет маленьким читателям увидеть разницу. Такое умение пригодится им и во взрослой жизни.

Бывает так, что эпизод в повествовании Баньяна настолько ценен для просветительской христианской работы, что его приходится сохранять, меняя его наполнение, но передавая общий смысл. Иными словами, происходит необходимая для целей автора модификация избранного фрагмента текста [7, с. 107]. Например, в доме Толкователя перед глазами Христиана разыгрывается сцена, которую можно назвать «живой эмблемой», и у Баньяна, и у Тейлор ее участниками являются «дети» [14, р. 25; 16, р. 31], носящие имена *Patience* – «Терпение» и *Passion* – «Страсть». Оба автора сохраняют главное: детям обещано подарки от Правителя, но Терпение готово терпеливо ожидать, когда их принесут, а Страсть громко выражает свое недовольство [14, р. 25; 17, р. 31]. Однако, изображая жизнь детей, а не взрослых, Хелен Тейлор вынуждена уточнять, как именно себя ведёт Страсть: ребёнок, носящий это имя, «плачет, очень сердит и недоволен» [17, р. 31], «раздражен» [17, р. 31], а, получив до времени подарки, «смеётся над Терпением» [17, р. 32]. Вместо «мешка с сокровищами» [14, р. 25], который Страсть неожиданно получает у Баньяна, Тейлор перечисляет то, что дорого детскому сердцу: «книжки, игрушки и хорошенькие вещицы» [17, р. 31], а также то, что равно используют и взрослые, и дети: «несколько мешочков с блестящими золотыми монетами» [17, р. 32]. Оба автора заканчивают эпизод поучением, но у Тейлор оно соответствует возрасту ее маленьких читателей: «Если мы ведём себя, как Страсть, и стараемся быть счастливыми так, как мы этого хотим, нас, конечно, постигнет разочарование» [17, р. 32].

Среди «живых эмблем», которые Толкователь показывает Христиану, есть аллегорическое изображение пути в Небесный Иерусалим. Христиан увидел прекрасный дворец и толпу людей, стоящих перед ним, но не решающихся войти, поскольку вход во дворец охраняли вооруженные воины. И все же один из толпы, надев доспехи и взяв в руки меч, вступил в бой с вооруженными стражами, победил их и был принят как равный хозяевами дворца [14, р. 27–28]. Эта аллегория, изображающая путь христианского воина, позже у Баньяна отразится в сцене снаряжения Христиана на битву с Аполлионом в Прекрасном Дворце [14, р. 46]. Хелен Тейлор также использует эту «живую эмблему», но гораздо более последовательно и тонко. Маленький Христиан получает рыцарские доспехи и меч [17, р. 61–62], но одно обладание вооружением никого не делает героем. Далее время от времени мы видим Христиана то плачущим, то испуганным, то даже лишаящимся чувств, но каждый раз он преодолевает себя и идёт вперёд, поскольку по-настоящему отважный человек не тот, кто ничего не боится, а тот, кто находит в себя силы победить свой страх.

Работа над системой персонажей связана и с их переименованием. Так, например, Баньян называет чудовище, с которым сражается Христиан, Аполлионом. И у Баньяна как священника, и у его паствы и единомышленников, погруженных в мир Свящ. Писания, имя «Аполлион» вызывает ясные ассоциации: это имя встречается в библейских текстах, говорящих об ангелах бездны, о духовной гибели. Ребёнок, для которого написано «Паломничество маленького Христиана», не настолько начитан в Свящ. Писании, поэтому имя «Аполлион» может не нести для

него дополнительной смысловой нагрузки, может быть перепутано с именем античного бога Аполлона или же обозначать абстрактные понятия, которые ребёнок не может понять до конца. Поэтому чудовище получает новое имя *Self* – «Самость» [17, р. 68], то есть сосредоточение лишь на себе, своих интересах и желаниях, иными словами, эгоизм, который естественным образом присущ маленькому ребёнку, поскольку тот ещё не умеет принимать чужую точку зрения. Однако подросший ребёнок, младший школьник, уже должен уметь думать и о других, поэтому битва с Самостью, пусть и описанная аллегорически, содержит для него гораздо больше смысла, чем битва с «ангелом бездны».

Иногда Хелен Тейлор выбирает, кого из персонажей, необходимых для движения сюжета, оставить в своём повествовании как основное действующее лицо. Здесь можно говорить о применении такого приема адаптации, как редукция, то есть исключение несюжетообразующих, по мнению адаптатора, элементов текста и сохранение сюжетообразующих, которые «переходят в адаптированный вариант с языковыми изменениями или без них» [2, с. 110]. В сцене суда над Христианом и Верным Баньян выводит трех свидетелей, которых зовут *Envy* – «Зависть», *Superstition* – «Предрассудок» и *Pickthank* – «Подхалим» [14, р. 76]. Каждый из них высказывает свое мнение о виновности Верного. Если взрослому понятны все три персонажа и их действия, то ребёнок семи-восьми лет на собственном опыте может, пожалуй, узнать только, что такое зависть. Видимо, по этой причине у Хелен Тейлор свидетель оказывается только один – Зависть, а «два других мальчика ... согласно подтвердили, что он сказал правду» [17, р. 94]. Более того, Хелен Тейлор писала свою книгу с просветительскими, катехизаторскими, целями. До маленьких христиан необходимо было, как кажется, довести мысль о губительности зависти: ведь зависть явилась причиной отпадения третьей части ангелов и, таким образом, появления злых духов, вредящих людям.

Сложнее всего оценивать работу Хелен Тейлор над лексикой Баньяна, поскольку она обычно излагает выбранные ею отрывки текста своими словами. При этом сама канва рассказа остаётся практически неизменной, важные детали упоминаются, но нельзя сказать, что последовательно происходит замена устаревшей лексики на более современную, поскольку структура первоначального текста не сохраняется. Чтобы сохранить связь с текстом Баньяна, Хелен Тейлор вписывает в свой созданный текст части реплик персонажей, а также отдельные словосочетания, и вот эти-то фрагменты заменяются более современной лексикой [14, pp. 12–13; 17, pp. 13–14].

Показателен в этом смысле эпизод, рассказывающий о Топи Уньяния. В оригинале он невелик. Фактически Хелен Тейлор рассказывает его заново, используя опорные точки сюжета. Как и в тексте Баньяна, герои по невнимательности попадают в болотце, их одежда пачкается, затем один из героев выбирается из болотца и возвращается домой, а другой, напротив, устремляется к противоположному от дома берегу топи. В каждом фрагменте эпизода можно найти связь с оригиналом, и это обновлённые словосочетания или отредактированные реплики героев. Так, например, Баньян употребляет глагол *bedaub* – «замазать, запачкать чем-то липким» (*bedaubed with the dirt* [14, р. 12] – «вымазанные липкой грязью»). Хелен Тейлор заменяет этот глагол на нейтральный *cover* – «покрывать, находиться на поверхности

чего-либо». [17, p. 13]. Реплики, которыми обмениваются герои у Баньяна, попав в болотце, воспроизведены почти в точности.

Pliable. Ah, neighbour Christian, where are you now? Christian. Truly, said Christian, I do not know [14, p. 13].	Oh, cried he, where are we now? I don't know, said poor little Christian... [17, p. 13]
Уступчивый. Ах, сосед Христиан, где ты сейчас? Христиан. Поистине, сказал Христиан, я не знаю.	Ох, – воскликнул он [Уступчивый], – где мы сейчас? Я не знаю, – сказал несчастный маленький Христиан...

Еще одним способом работы с текстом является использование лексики, включенной в рамки фрагмента эпизода, в одном предложении. Так им образом, реализуется способность текста «к свертыванию и развертыванию содержания» [13, с. 223]. Например, фрагмент эпизода, рассказывающий о том, как Евангелист расстается с Христианом и тот направляется к Калитке, в оригинале выглядит следующим образом:

... *Evangelist, after he had kist him, gave him one smile, and bid him God speed...* [14, p. 20] – «Поцеловав его, Евангелист улыбнулся и пожелал ему “Бог в помощь”».

Хелен Тейлор в своём тексте сохраняет основные элементы прощания – улыбку, поцелуй и пожелание доброго пути, однако разводит их по разным предложениям. Сначала Евангелист высказывает пожелание поторопиться:

If you make haste... you will reach the gate before it is dark... [17, p. 23] – «Если ты поторопишься... ты достигнешь калитки до темноты...»

Несколькими строками ниже описывается сама сцена прощания, включающая остальные элементы:

Then, with a kiss and a smile he bade the child good bye [17, p. 23] – «Затем, улыбнувшись мальчику и поцеловав его, Евангелист попрощался с ним»

Важные в смысловом отношении фрагменты эпизодов сохраняются у Хелен Тейлор в таком виде, чтобы их можно было узнать, читая текст оригинала. Так, абзац, описывающий то, что с Христианом происходило у Креста изменён: какие-то слова опущены или заменены более современными, часть информации, не обязательная для маленьких читателей, исключена, но в целом структура фрагмента сохранена. Так, например, у Баньяна этот эпизод тоже относится к разряду «живых эмблем»: *...he came at a place somewhat ascending; and upon that place stood a Cross, and a little below in the bottom, a Sepulcher* [14, p. 31] – «...он подошел к несколько возвышенному месту, и на этом месте стоял Крест, а немного ниже у подножия <возвышенного места> была Гробница». Взрослым читателям Баньяна сразу вспоминалась Голгофа, у подножия которой находилась, по преданию, могила Первого Человека Адама, по своеволию которого в мир вошли грех и смерть. Христос же Своей смертью на Кресте искупил Адамов грех. Им была понятна последовательность событий: когда Христиан подходит к Кресту, его тяжкая ноша не только падает с его плеч, но и пропадает в гробнице Адама, то есть герой избавляется от всех своих грехов подобно человечеству, спасенному Крестной Смертью Христа.

Хелен Тейлор разрушает «живую эмблему», опуская информацию о гробнице Адама и, таким образом, исключая возможные богословские ассоциации, которые в любом случае не под силу ребенку, но в пересказе сохраняет самое важное – избавление от ноши, так тяготившей маленького Христиана.

<p>...his burden loosed from off his Shoulders, and fell off from his back; and began to tumble; and so continued to do, till it came to the mouth of the Sepulcher, where it fell in ... [14, p. 31]</p>	<p>...he felt that the bands which fastened his burden were breaking. Then it fell from his Shoulders, and rolled to the bottom of the hill, and when he turned to see what had become of it he found that it was quite gone. [17, p. 34–35]</p>
<p>...его ноша отделилась от его плеч и спала с его спины, и начала, кувыряясь, падать, и продолжала так падать, пока не достигла входа в Гробницу, куда она и упала...</p>	<p>...он почувствовал, что узы, которые скрепляли его ношу, стали разрываться. Затем ноша упала с его плеч и покатила к подножию холма, и когда он обернулся, чтобы посмотреть, что с ней случилось, он обнаружил, что она исчезла.</p>

Однако есть такие фрагменты текста, которые Хелен Тейлор оставляет неизменными. Таковы, например, цитаты из Свящ. Писания. На калитке, к которой Христиана направляет Евангелист, написано: *Knock and it shall be opened unto you - «стучите, и отворят вам»* (Мф 7, 7) [14, p. 21]. В точно таком же написании эта цитата появляется и у Хелен Тейлор [17, p. 24]. Не подвергаются изменениям и немногочисленные стихотворные вставки [14, p. 28; 17, p. 34].

ВЫВОДЫ

Книга, которую создала Хелен Тейлор, оказалась весьма востребованной. В англоязычных странах она переиздается до сих пор. «Паломничество маленького Христиана» сохранило структуру и сюжет книги-источника, хотя баньянова книга была основательно переработана. Первоначальный сюжет был упрощен, стал линейным. Основные эпизоды книги для взрослых, лишившись большей части богословской информации, непонятной детям, объединены темой путешествия. Поскольку в качестве главного героя выведен мальчик лет семи-восьми, то меняется вся система персонажей: в большинстве случаев вместо взрослых в эпизодах книги появляются дети, и это – при сохранении наиболее важных вех развития сюжета - ведет к изменениям на уровне портретов героев, детального описания их поведения, их интересов и пристрастий. Вводятся и новые персонажи, но они остаются на периферии системы персонажей. Как правило, это взрослые, в разной степени влияющие на судьбу маленького главного героя. Словесная оболочка новой книги гораздо более проста и понятна ребенку, устаревшие лексика и грамматические формы заменены на более современные. Лишь цитаты из Свящ. Писания и небольшие стихотворные вставки остаются в книге Тейлор в том же виде, в котором она прочла их в оригинале. Можно сказать, что Хелен Тейлор, инстинктивно используя различные приемы и виды адаптации, создала текст, который по сути своей вторичен, но функционирует как самостоятельное и очень удачное произведение.

Список литературы

1. Баранцева О. А., Александрова Н. Н. Языковые способы адаптации художественного текста // Проблемы Романо-германской филологии и методики преподавания иностранных языков. Пермь: 2008. – № 6. – С. 12–18.2.
2. Брыгина А. В. О некоторых особенностях редукции как лингвистического приема адаптации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2011. – № 4. – С. 108–115.
3. Брыгина А.В. О проблеме адаптации художественных текстов для учебных целей // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – № 3. – С.179–186.
4. Жельвис В. И. Адаптация сакрального текста как вариант пропедевтического подхода // Верхневолжский филологический вестник. – 2015. – №1. – С. 81–90.
5. Коротышев А. В. «Матрица адаптации» как комплекс приемов для отбора и адаптации художественного текста в аспекте РКИ // Мир русского слова. – 2014. – № 1. – С. 79–85.
6. Коротышев А. В. В поисках «маршрута адаптации»: подготовка художественного текста к уроку иностранного языка // Мир русского слова. – 2014. – №4. – С.106-113.
7. Первухина С. В. Категория адресата в адаптированном тексте // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2014. – № 3. – С. 195–198.
8. Первухина С. В. Адаптация как вид интерпретации текста // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2014. – № 1 (15). – С. 54–61.
9. Первухина С. В. Адаптированный художественный текст: способы повышения понятности // Вестник Челябинского Государственного Университета. – 2011. – № 25 (240). – С. 130–134.
10. Попова О. В. Адаптация текста к новым параметрам коммуникативной ситуации // Вестник Омского университета. – 2011. – № 4. – С. 222–226.
11. Потебня А. А. Теоретическая поэтика. Из записок по теории словесности. Слово и его свойства. Речь и понимание. – Режим доступа: <https://studfile.net/preview/460750/> – (Дата обращения: 21.01.2023).
12. Шамова Н. В. Диахронический перевод как адаптация текста, дистанцированного во времени // Вестник Вятского Государственного Гуманитарного Университета. – 2008. – №1-2. – С. 82–85.
13. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 16–24. – Режим доступа: <http://philology.ru/linguistics1/jakobson-78.htm> – (Дата обращения: 22.01.2023).
14. Bunian J. The Pilgrim's Progress. – Oxford-New York: Oxford University Press, 1984. – 302 p.
15. Hammond M. The Pilgrim's Progress and Its Nineteenth Century Publishers // Owens W. R., Sim, Stuart (eds.), Reception, Appropriation, Recollection: Bunyan's 'Pilgrim's Progress'. – Bern: Peter Lang, 2007. – P. 99–118.
16. Keeble N. H. Introduction. In: Bunian John. The Pilgrim's Progress. – Oxford-New York: Oxford University Press, 1984. – P. IX–XXIV.
17. Taylor Helen L. Little Christian's Pilgrimage. – London: Wells Gardner, Darton. & Co., Ltd, 1910. – 292 p.
18. Taylor Helen.L. – Режим доступа: [https://en.wikipedia.org/wiki/Helen_Taylor_\(writer\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Helen_Taylor_(writer)). (Дата обращения: 19.03.2023).

References

1. Barantseva O. A., Aleksandrova H. H. *Yazykovyye sposoby adaptatsii khudozhestvennogo teksta* [Linguistic ways of adapting a literary text]. *Problemy Romano-germanskoy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov*, 2008, no 6, pp. 12–18.
2. Brygina A. V. *O nekotorykh osobennostyakh reduktzii kak lingvisticheskogo priyema adaptirovaniya* [On some features of reduction as a linguistic method of adaptation]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2011, no 4, pp.108–115.
3. Brygina A. V. *O probleme adaptatsii khudozhestvennykh tekstov dlya uchebnykh tseley* [On the problem of adapting literary texts for educational purposes]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2020, no 3, pp.179–186.
4. Zhel'vis V. I. *Adaptatsiya sakral'nogo teksta kak variant propaedeuticheskogo podkhoda* [Adaptation of the sacred text as a variant of the propaedeutic approach]. *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik*, 2015, no 1, pp. 81–90.
5. Korotyshev A. V. *«Matritsa adaptatsii» kak kompleks priyemov dlya otbora i adaptatsii khudozhestvennogo teksta v aspekte RKI* ["Adaptation Matrix" as a set of techniques for the selection and adaptation of a literary text in the aspect of teaching Russian as a foreign language]. *Mir russkogo slova*, 2014, no 1, pp. 79–85.
6. Korotyshev A. V. *V poiskakh «marshruta adaptatsii»: podgotovka khudozhestvennogo teksta k uroku inostrannogo yazyka* [In search of an “adaptation route”: preparing a literary text for a foreign language lesson]. *Mir russkogo slova*, 2014, no 4, pp. 106–113.
7. Pervukhina S. V. *Kategoriya adresata v adaptirovannom tekste* [The Category of the addressee in the adapted text]. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova*, 2014, no 3, pp.195–198.
8. Pervukhina S. V. *Adaptatsiya kak vid interpretatsii teksta* [Adaptation as a type of text interpretation]. *Vestnik Volzhskogo universiteta*, 2014, no 1 (15), pp. 54–61.
9. Pervukhina S. V. *Adaptirovannyi khudozhestvennyi tekst: sposoby povysheniya ponyatnosti* [Adapted literary text: ways to improve comprehensibility]. *Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2011, no № 25 (240), pp. 130–134.
10. Popova O. V. *Adaptatsiya teksta k novym parametram kommunikativnoy situatsii* [Adaptation of a text to the new parameters of the communicative situation]. *Vestnik Omskogo universita*, 2011, no 4, pp. 222–226.
11. Potebnya A. A. *Teoreticheskaya poetika. Iz zapisok po teorii slovesnosti. Slovo i yego svoystva. Rech' i ponimaniye* [Theoretical poetics. From notes on the theory of literature. The word and its properties. Speech and understanding]. Available from: <https://studfile.net/preview/460750/> (accessed: 21.01.2023).
12. Shamova N. V. *Diakhronicheskiy perevod kak adaptatsiya teksta, distantsirovannogo vo vremeni* [Diachronic translation as an adaptation of a time-distanced text]. *Vestnik Vyatskogo Gosudarstvennogo Gumanitarnogo Universiteta*, 2008, no 1–2, pp. 82–85.
13. Jakobson R. *O lingvisticheskikh aspektakh perevoda* [On linguistic aspects of translation]. *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoy lingvistike*, 1978, pp. 16–24. Available from: <http://philology.ru/linguistics1/jakobson-78.htm> (accessed: 22.01.2023).
14. Bunian J. *The Pilgrim's Progress*. Oxford-New York: Oxford University Press, 1984. 302 p.
15. *Hammond M. The Pilgrim's Progress and Its Nineteenth Century Publishers* // Owens W. R., Sim, Stuart (eds.), *Reception, Appropriation, Recollection: Bunyan's 'Pilgrim's Progress'*. Bern: Peter Lang, 2007, pp. 99–118.
16. Keeble N. H. *Introduction. In: Bunian John. The Pilgrim's Progress*. Oxford-New York: Oxford University Press, 1984, pp. IX–XXIV.
17. Taylor Helen L. *Little Christian's Pilgrimage*. London: Wells Gardner, Darton. & Co., Ltd, 1910. 292 p.
18. Taylor Helen. L. Available from: [https://en.wikipedia.org/wiki/Helen_Taylor_\(writer\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Helen_Taylor_(writer)) (accessed: 19.03.2023).

**PILGRIM'S PROGRESS ADAPTERED FOR CHILDREN'S READING:
HELEN L. TAYLOR'S VERSION ¹**

Maria R. Nenarokova

The article focuses on the problem of adapting books belonging to the world culture treasury for children's reading. In domestic science, the problem of text adaptation is considered from different angles: the causes of adaptation, its various types and their coexistence in the text, the methods by which the text is transformed, the text components undergoing transformation, as well as the adaptation process are studied. This theoretical basis is used to analyze "Little Christian's Pilgrimage" by Helen L. Taylor, who adapted John Bunyan's allegory "The Pilgrim's Progress". The study showed that the English writer reworked Bunyan's book and created a new work, highly popular with young readers. The text was changed both in terms of content and form. The original plot has been simplified. The character system changed: instead of adults, the heroes of the book are children, new characters are introduced. The discourses that expounded Bunyan's theological views were omitted. The source text has been modernized to varying degrees.

Keywords: adaptation, children's literature, John Bunyan, Pilgrim's Progress, Helen L. Taylor, Little Christian's Pilgrimage

¹ The study was carried out as part of the RSF project No. 23-28-00989 "English Classical Literature in World Culture: Receptions, Transformations, Interpretations" (2023–2024).

УДК 82-94

**БАРОН ДЕ БАЗАНКУР:
ЛИТЕРАТОР, ИСТОРИК, ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ.
ЧАСТЬ I. ЮНОСТЬ И ПЕРВЫЙ РОМАН**

Орехов В. В.

*Институт филологии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
E-mail: v-orehov@mail.ru*

Фредерик Жозеф де Базанкур в основном известен как «официальный французский историограф» Крымской войны. Однако круг его исторических интересов был значительно шире: от средневековья до других военных экспедиций эпохи Наполеона III. Базанкур также проявил себя как военный корреспондент, поскольку находился в 1855 г. несколько месяцев в лагере под Севастополем, регулярно освещал боевые события в письмах к министру внутренних дел Франции и опубликовал эти донесения отдельной книгой. Кроме того, Базанкуру принадлежит целый ряд романов и повестей. Хотя барон де Базанкур занимал видное место в литературной жизни Франции XIX в., а его исторические труды и сегодня сохраняют свое значение, не существует ни одной специальной работы, посвященной судьбе и творчеству Базанкура. Цель настоящей статьи – отчасти восполнить этот пробел, восстановив по обрывочным сведениям биографию барона де Базанкура и проследив логику его творческого развития как литератора, историка и военного корреспондента.

Ключевые слова: барон де Базанкур, оборона Севастополя, Крымская война, исторический роман, Летучий эскадрон королевы, эпоха романтизма, историзм, Екатерина Медичи.

ВВЕДЕНИЕ

Редко какое исследование о Первой героической обороне Севастополя 1854–1855 гг. обходится без отсылок к работам барона де Базанкура. Обычно он рекомендуется как «очевидец событий» и «официальный французский историограф Крымской войны». Это справедливо: он отправился в январе 1855 г. на театр военных действий в Крым, наблюдал и фиксировал многие события, выполняя таким образом поручение французского министра просвещения – собрать сведения, необходимые для описания экспедиции [35, р. V]. Чаще всего цитируется созданный Базанкуром в итоге исторический труд «Крымская экспедиция до взятия Севастополя. Хроники Восточной войны» (1856) [35]. Значительно реже вспоминается его книга, изданная годом ранее – в 1855 г. – «Пять месяцев в лагере под Севастополем» [36]. Это собрание корреспонденций, которые Базанкур регулярно отправлял от стен Севастополя министру внутренних дел Франции. По словам Базанкура, эти письма не подвергались серьезной обработке для публикации, сохранили живые авторские впечатления [36, р. X], и их издание воспринималось автором как своеобразный пролог для собственно историографического отображения событий [36, р. XII]. Безусловно, такое субъективированное описание войны тоже важно для военных историков, но, думается, в еще большей степени оно должно заинтересовать историков журналистики.

События в период Крымской кампании отражались в прессе значительно более интенсивно и оперативно, нежели это было в прежние эпохи. С известной долей преувеличения Крымскую войну даже называют первой «медийной войной» [27, с. 126–127] или первой «информационной войной» [14]. В этом контексте прежде всего вспоминают имя Уильяма Говарда Рассела, направленного газетой «Таймс» в 1854 г. в зону боевых действий в Крым. Рассел стал первым военным журналистом в истории британской прессы [13, с. 42], и о нем накоплена немалая научная библиография [3, с. 12]. Помимо несомненного репортерского таланта [28, с. 84], в его распоряжении были два неоспоримых преимущества. Во-первых, английская пресса не подвергалась цензуре, что позволяло печатать весьма острые и откровенные репортажи [12, с. 198]. Во-вторых, англичане довольно быстро перебросили по дну Черного моря в свой крымский лагерь телеграфный кабель. В результате информация из-под Севастополя оказывалась в Лондоне в течение считанных часов, так что даже Николай I узнавал некоторые военные новости из репортажей Рассела в «Таймс» [22, с. 76].

В России между тем цензурные ограничения провоцировали сильный информационный голод, и в этих условиях журналистика проходила трудную школу преодоления запретов, поиска и подачи материалов с фронта, консолидации национального сознания. Наиболее известные периодические издания, как журнал «Современник», оказывались на острие этого процесса [17, с. 311–363]. В среде участников боевых действий рождались проекты специальных военных изданий [18].

По оперативности и общему валу информации российская печать уступала английской, но, кажется, само отсутствие «печатной гонки» поощряло к поиску разнообразных форм отражения и осмысления военных событий. В основе публикаций были личные наблюдения авторов, и жанровый поиск основывался на очерковом «фундаменте» и рождал обновленные, продиктованные войной жанровые сплавы. Так, в повествованиях об актуальных военных событиях проявлялись документально-субъективированный историзм сочинений Е. П. Ковалевского [1; 2], поэтика «сиюминутного действия» «Ночной вылазки...» А. Д. Столыпина [19, с. 199], жанровая мозаичность корреспонденций Н. И. Берга [20], стенограммная точность «бесед» с простыми солдатами Н. П. Сокальского [19] и художественные обобщения в «Севастопольских рассказах» Л. Н. Толстого.

Освоение военного материала французской прессой также было специфичным. С одной стороны, здесь гораздо более свободно, чем в российской печати, появлялись корреспонденции участников военных действий. С другой – журналистская свобода во Франции все же была значительно сужена Наполеоном III [22, с. 42]. Невозможно представить, чтобы при французской штаб-квартире в Крыму действовал независимый корреспондент вроде У. Г. Рассела. Но поскольку информация, отличная от военных рапортов и сухих сводок, была чрезвычайно востребованной, в Крым был направлен «официальный» корреспондент – барон де Базанкур. Дело, однако, в том, что ему так же, как всем другим военным корреспондентам той поры, пришлось искать собственные стиль и форму подачи материалов. И потому его крымские письма представляют собой чрезвычайно важный предмет для изучения как образец оригинального жанрового поиска в сфере военного репортажа.

Сопоставление этих корреспонденций с репортажным жанром может показаться натянутым, поскольку письма Базанкура предназначались не для размещения в периодической печати и увидели свет в формате книги. Но заметим, что, во-первых, книга эта появилась еще до завершения войны и содержала информацию вполне актуальную. А во-вторых, создавались эти письма именно по принципу репортажных материалов – на месте событий и по горячим следам событий.

Однако было бы заблуждением сводить проблему лишь к вопросам журналистики. Во всяком случае, той журналистики, какой мы привыкли видеть и изучать ее сегодня. В эпоху Крымской войны границы между беллетристикой, журналистикой, историографией еще не определились. Эти сферы были настолько тесно связаны, что новаторство в одной из них всегда базировалось на итогах и находках, достигнутых двумя другими.

Барон де Базанкур начинал свое творчество как беллетрист. Ему принадлежит целый ряд романов и повестей, многие из которых создавались синхронно с его деятельностью на поприще истории и журналистики. Очевидно, что он не отдавал абсолютного предпочтения ни одной из этих сфер, а потому его творческое наследие невозможно оценить объективно, если ограничить угол зрения узкими дисциплинарными интересами.

Хотя барон де Базанкур занимал заметное место в литературной жизни Франции XIX в., а его исторические труды и сегодня сохраняют свое значение, о личности автора нам известно очень мало. Ни у нас, ни во Франции нет ни одной специальной работы, посвященной судьбе Базанкура или его творчеству. Цель настоящей статьи – хотя бы отчасти восполнить этот пробел, восстановив по обрывочным сведениям биографию барона де Базанкура и проследив логику его творческого развития как литератора, историка и военного корреспондента.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Потомок аристократов

Барон де Базанкур прожил яркую жизнь, но сегодня дата его рождения и даже его имя указываются со значительными разночтениями. Такие авторитетные источники, как «Большой универсальный словарь XIX в.» Ларусса [52, р. 417], «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона [30, с. 683], «Военная энциклопедия» И. Д. Сытина [6, с. 339] говорят нам, что писатель родился в 1810 г. Однако архивные документы, размещенные на сайте Министерства культуры Франции, заставляют признать такую датировку ошибочной. Здесь представлен пакет документов, которые готовились в 1860 г., когда писатель был удостоен звания офицера ордена Почетного легиона. Представленная «Выписка из актов рождения» совершенно четко указывает, что барон де Базанкур родился 16 декабря 1811 г. [47].

Можно догадываться о происхождении ошибки: в 1810 г. (29 октября) родилась сестра писателя – Софи де Базанкур [32, р. IV]. Достаточно было в одном из источников спутать даты рождения сестры и брата, чтобы в дальнейшем библиографы тиражировали ошибку. Однако живучесть этой ошибки характеризует самого барона де Базанкура. Дело в том, что неверная дата рождения – 1810 г. – неоднократно указывалась известными справочниками еще при жизни

писателя [67, р. 138; 49, р. 80; 50, р. 442; 43, р. 439]. Активный участник парижской литературной жизни, барон де Базанкур, конечно, мог обратить внимание составителей на погрешность, но, кажется, он относился к ней вполне равнодушно. После смерти барона неверная датировка лишь утвердилась: некоторые газеты в некрологах указали в качестве даты рождения литератора 1810 г. [56, р. 3; 57, р. 3], и даже близкий друг усопшего знаменитый журналист и издатель Ипполит де Вильмессан в проникновенном некрологическом очерке допустил ту же невольную ошибку [68, р. 3].

Верная дата рождения писателя указана лишь в одном справочнике XIX в. – «Биографическом и библиографическом словаре» (1875) Альфреда Данте [42, р. 76]. Что характерно, это тот редкий источник, который корректно указывает и имя писателя.

Если верить иным (уже перечисленным) указателям, то барона де Базанкура звали César, или Сезар [30, с. 683], или Цезарь [6, с. 339]. Между тем в соответствии с упомянутой метрической «Выпиской...» настоящее имя писателя – Фредерик Жозеф Ле Ка (Лека) де Базанкур [Frédéric Joseph Le Cat (Lecat) de Bazancourt]. César – это элемент псевдонима, который писатель взял, очевидно, в честь деда по материнской линии – Сезара Луи д'Удето (César Louis d'Houdetot), много воевавшего и ставшего бригадным генералом [37, р. 16–17].

Итак, Фредерик Жозеф Лека де Базанкур родился 16 декабря 1811 г. У него был брат-близнец – Максимильен Матье. Один из немногих биографов барона де Базанкура А. де Сент-Альбан утверждает, что Максимильен умер в младенчестве [65]. Но, думается, большего доверия заслуживают сведения Леона Сеше, который, скрупулезно изучая эпистолярное наследие Софи де Базанкур, выяснил, что Максимильен умер в 1833 г. от воспаления гортани [66, р. 109]. Сестра писателя – Софи де Базанкур – была годом старше братьев; со временем она стала играть заметную роль в светской и литературной жизни Парижа, что, несомненно, должно было оказывать какое-то влияние на судьбу барона. Но это будет позднее. Пока же скажем о семейной истории и фамильных традициях, которые формировали интересы, убеждения и вкусы Фредерика де Базанкура.

По отцовской линии он принадлежал к старинному дворянскому дому в провинции Бовези, что на севере Франции в департаменте Оаз. Предки барона владели землями небольшого селения Базанкур по соседству с Жерберуа. Несколько сеньоров этого дома в прошлом исполняли роли вассалов и суверенов в Пикардии. На гербе Базанкуров – золотой крест на червленом щите [63, р. 260].

Отец писателя – Жан Батист Максимильен Жозеф Антуан Лека де Базанкур (1767–1830) – посвятил жизнь воинской службе. В офицерском звании участвовал в Итальянской кампании (1796–1797). В ходе Египетской экспедиции командовал батальоном, участвовал в осаде Акры (1799), получив при этом ранение в голову [51, р. 389]. В 1801 г. стал полковником 4-го пехотного полка, размещавшегося в Париже [39, р. 71]. Именно в этом звании он оказался причастен к «делу герцога Энгиенского». Как известно, в 1804 г., опасаясь заговоров и покушений, Наполеон решил предпринять карательные меры против руководителей роялистского движения. Принц королевской крови герцог Энгиенский был, по существу,

произвольно избран на роль показательной жертвы. Хотя он и находился в эмиграции, но был похищен, заключен в Венсенский замок и предан трибуналу. Трибунал состоял из семи человек, среди которых был и полковник де Базанкур, попавший сюда в результате случайного стечения обстоятельств: он заменял изначально назначенного на выполнение этой миссии полковника Кольбера, которого попросту не застали дома [55, р. 75]. Процесс был скоротечен и сводился к утверждению обвинительного заключения. В ту же ночь герцог Энгийенский был расстрелян. Этот эпизод стал одной из самых мрачных страниц наполеоновской истории и ложился черным пятном на биографию всех причастных к делу, в том числе и Ж. Б. де Базанкура. Впрочем, как гласят источники, позднее он «крайне энергично протестовал против этого гнусного покушения, убеждая друзей, что его голос был отдан не в пользу смертной казни» [51, р. 389].

В дальнейшем Лека де Базанкур отличился при Аустерлице, за что получил титул командора ордена Почетного легиона. В 1806 г. был назначен военным комендантом Гамбурга. В 1807 г. сражался при Фридланде. В 1808 г. стал бригадным генералом. Воевал в Испании, где при осаде Сарагосы был ранен пулей в голову [7, с. 16]. В 1809 г. получил титул барона Империи [62, р. 72]. В 1812 г. откомандирован в Данциг, где стал комендантом города. В этой должности в самом начале 1814 г. он был пленен русскими войсками [21, с. 309]. После возвращения в Париж находился в отставке, но в период Ста дней снова оказался на службе, был комендантом города Шартра [51, р. 389], управлял департаментом Эр и Луар [39, р. 71]. С возвращением Бурбонов окончательно ушел на покой.

Если говорить о предках по материнской линии, то ключевой фигурой здесь следует признать прабабушку писателя – графиню Софи д'Удето, урожденную Лалив де Бельгард (1730–1813). Ее отец принадлежал к дворянству, но был откупщиком, что, однако, не помешало Софи иметь хорошее образование и аристократические манеры. В 1748 г. она была выдана замуж за военного – графа Клода Константа Сезара графа д'Удето [38, р. 5]. Она получила социальный статус, который позволил Софи занять видное место и в светской, и в литературной жизни той поры. Вокруг нее сформировался круг аристократического общения, где исповедовали характерные для XVIII в. ценности: интеллектуальную свободу в сочетании с изысканной галантностью, литературные интересы в сочетании с салонным общением и т.д. Пожалуй, наиболее известный эпизод ее биографии – отношения с Ж.-Ж. Руссо. В 1857 г., как раз в период работы над «Новой Элоизой», он пережил глубокое чувство к Софи д'Удето и регулярно посещал ее. Историю этих отношений философ позднее драматично опишет в «Исповеди» [25, с. 376–424].

События Революции семейство д'Удето перенесло тяжело [41, р. 399], но затем восстановилось в новых условиях, сохраняя аристократические традиции и вкусы XVIII в. Пять внучек по сыновней линии сделали удачные партии [37, р. 18], одна из них – Элиза Констанция – 11 января 1810 г. вышла замуж за бригадного генерала барона Ж. Б. де Базанкура [64, р. 276].

У нас крайне мало сведений о детстве и юношестве будущего писателя Фредерика Жозефа де Базанкура. Однако по косвенным данным некоторые выводы сделать можно. Во-первых, его родителям удалось сохранить крепость семейных

связей. Скажем, акт о рождении Фредерика подписал в качестве свидетеля родственник по материнской линии граф Луи-Мотье Моле, который тогда начинал стремительную государственную карьеру, а в скором будущем оказался на ведущих государственных постах. Барон Проспер де Барант, также видный государственный деятель умеренно либеральных взглядов [26, с. 119], женившийся в 1809 г. на родной тетушке Фредерика, будет в дальнейшем постоянным гостем светского салона сестры Фредерика – Софи. После ее смерти П. де Барант напишет о ней трогательный биографический очерк, который отчасти может дать представление и о юных годах Фредерика де Базанкура.

Судя по рассказу П. де Баранта, мать Фредерика и Софи де Базанкур воспитывалась в доме графини Софи д'Удето и в собственной жизни сохраняла традиции ее салона, где «главным удовольствием были беседы, а самым большим интересом, несмотря на шум событий, была литература»: «Там царил культ разума вместе с привычками и тоном знатного общества» [32, р. IV]. Сестра Фредерика Софи даже имя получила в честь своей знаменитой прабабушки и «воспитывалась на воспоминаниях и традициях салона мадам д'Удето» [32, р. V]. Кроме того, Софи росла в постоянном общении с кругом высокой аристократии, была, как пишет П. де Барант, «своим ребенком в доме мадам де Ла Бриш и мадам Моле»: «Она жила там среди общества, сохранившего вкусы и нравы высшего света прошлых времен, и в то же время объединявшего выдающихся людей нового поколения, чьи умы и идеи были сформированы зрелищем и испытаниями Революции, разрушившей старый общественный строй» [32, р. V]. К этому следует прибавить еще то свидетельство, что Софи была воспитана матерью «в очень христианском духе» [66, р. 17].

Учитывая, что Фредерик был всего годом младше Софи, можно с уверенностью сказать, что он воспитывался в схожей атмосфере, с такою лишь разницей, какая определяется чисто мужскими интересами. Известно, например, что «в возрасте двенадцати лет он начал фехтовать, к чему почувствовал неодолимую склонность» [65].

Приведенных сведений, кажется, достаточно, чтобы в общих чертах восстановить психологический портрет юного Фредерика де Базанкура. Он должен был ощущать себя наследником аристократического духа, которым была пропитана интеллектуальная жизнь дореволюционной Франции. Ему были близки и вняты нравы XVIII в., сочетавшего в себе свободу мысли и дворянскую щепетильность, философические поиски и рыцарские принципы, веру в силу разума и религиозность. Но в то же время Фредерик должен был ощущать себя наследником великой эпохи перелома, давшей возможность генералам Наполеона перекраивать карту Франции и всей Европы. Он ощущал себя наследником предков, которые стали историей Франции не только по праву рождения, но и в силу заслуг. Все свои значительные сочинения, начиная с первого романа, Фредерик будет подписывать кратко и без упоминания имени: «Барон де Базанкур». Эта подпись концентрировала в себе то главное, чем дорожил автор и что желал сообщить о себе читателям: он принадлежит к старинной дворянской фамилии и носит титул, завоеванный его отцом в сражениях.

В 1830 г. Фредерик де Базанкур потерял отца, через два года умерла мать, еще через год умер брат. Сестра Софи в 1832 г. вышла замуж за майора [59, р. 241]

Франсуа Луаре д'Арбувиля и «следовала за своим мужем по гарнизонам, куда его вел воинский долг» [32, р. X].

Об этом периоде жизни Фредерика де Базанкура нам известно лишь то, что в какой-то момент он стал помощником библиотекаря в Компьене [61, р. 214] и занимал эту должность несколько лет. Подобное назначение выглядело престижным. К слову вспомним, что Сент-Бёв позднее будет настойчиво добиваться для себя места в библиотеке Мазарини и добьется в 1840 г. – лишь благодаря протекции г-жи Рекамье пред министром народного просвещения [11, с. 451]. Причем Сент-Бёв признавался, что при этом назначении «получил материальную обеспеченность» [11, с. 433]. Правда, должность Сент-Бева была выше – «хранитель библиотеки», библиотека Мазарини по богатствам и статусу превосходила библиотеку в Компьене, да и город Компьень на 80 км удален от Парижа. Но все же и место, полученное бароном де Базанкуром, было привлекательным. И надо полагать, что получил он его не без помощи родственных и светских связей. Поддержку мог оказать, например, его дядя – граф Моле, который в 1830 г. некоторое время возглавлял министерство иностранных дел, продолжал оставаться на острие политической жизни: в 1836 г. он не только вернет себе этот пост, но и возглавит правительство.

Библиотека, в которой служил барон де Базанкур, – это не муниципальная библиотека (такая тоже была [45, р. 9]), а библиотека Компьенского замка [49, р. 80]. Сам замок являлся резиденцией французских королей и начинал строиться еще при Карле V в XIV в. Дворцовый комплекс реконструировался в XVIII в. и в наполеоновскую эпоху, но в его основе все же был старинный замок, который помнил многие исторические события и, в частности, торжественный приезд Екатерины Медичи после коронации в Сен-Дени в 1549 г. [60, р. 130] Библиотека замка хранила 20 тысяч томов [60, р. 354] и манускрипты, среди которых можно было отыскать, скажем, двухвековой давности письма монарших особ, еще не прочитанные историками [60, р. 165].

«Летучий эскадрон королевы»

В 1836 г., в возрасте 25 лет, барон де Базанкур выпустил в свет свой первый роман «Летучий эскадрон королевы (1560)» [33]. Дата в заглавии отсылала читателя к эпохе Екатерины Медичи, а само заглавие – к известной легенде, в соответствии с которой королева эксплуатировала своих фрейлин в качестве куртизанок для политического влияния и шпионажа. Современные исследователи допускают, что Медичи действительно использовала фрейлин в политических целях [40, р. 145], однако сомневаются в существовании организованной системы, называемой «летучим эскадром», и полагают, что это миф, созданный «клеветническими памфлетами и стихотворными пасквилями XVI в.» [58, р. 182]. Сам де Базанкур, говоря о «летучем эскадроне», как раз и ссылается на антиутопический памфлет 1605 г. «L'Isle des Hermaphrodites» («Остров гермафродитов») [33, т. 1, р. 105]. Но поскольку эпоха Екатерины Медичи воспринималась как череда вопиющих и трагических беззаконий, то, надо полагать, и Базанкур, и его читатели были склонны доверять рассказам о «летучем эскадроне» фрейлин, а роман воспринимался как

исторический. Этот жанр находился уже не на пике популярности, но все же был весьма востребован аудиторией.

Французский исторический роман отталкивался от традиции Вальтер Скотта, но быстро обретал свои национальные черты. Этот процесс исчерпывающе исследован в неустаревающей работе Б. Г. Реизова «Французский исторический роман в эпоху романтизма» [23]. Скажем лишь, что к моменту, когда Базанкур опубликовал «Летучий эскадрон королевы», уже появился целый ряд романов – разных по историософским и художественным решениям и вошедших в копилку лучших произведений эпохи и жанра. В 1826 г. вышел роман А. де Виньи «Сен-Мар, или Заговор времен Людовика XIII». В 1829 г. увидела свет (в 1832 г. напечатана с авторскими исправлениями) «Хроника времен Карла IX» П. Мериме, где, как и у Базанкура, речь идет об эпохе Екатерины Медичи. Наконец, в 1831 г. появился наиболее известный исторический роман французского романтизма «Собор Парижской Богоматери» В. Гюго.

Но в распоряжении Базанкура были не только лучшие образцы жанра, а еще и немалый массив критических работ с попытками осмыслить роль беллетристики в освоении исторического материала, допустимую степень вмешательства авторской фантазии при описании исторических событий, художественное соотношение реальных исторических и вымышленных персонажей и множество смежных вопросов. Именно в таком историко-литературном контексте мы и должны рассматривать первый роман Базанкура.

Поскольку принципы художественного преломления исторических событий продолжали оставаться предметом поисков и экспериментов, объяснимо, что Базанкур в объемном предисловии обозначал собственный подход к использованию в повествовании реальных и вымышленных персонажей:

«История – стержень, вокруг которого вращаются события. Рядом с некоторыми великими историческими лицами, изображенными автором с возможно большей достоверностью, смиренно проскальзывают свежие и бледные, робкие и пылкие образы, которые пригрезились автору и которые он бросил в этот кровавый вихрь с их сокровенными радостями, страданиями, разочарованиями и иллюзиями; он следует за ними по пятам, наблюдает за ними, он расчищает им узкий и извилистый путь сквозь религиозную революцию, пролившую столько крови на мостовые и вырывшей столько могил» [33, т. 1, р. XXIV].

Показательно, что слова о вымышленных персонажах далее выводят автора к проблеме исторической роли тех лиц, которые не запечатлены историческими хрониками, но причастны к историческим событиям. Для литературы французского романтизма это вопрос чрезвычайно важный – вопрос о движущих силах истории. Тогда становилось все более очевидным влияние на исторические события неперсонифицированного фактора, который можно было называть по-разному: нацией, народом, общественным мнением, но реальность которого было трудно игнорировать. Именно вымышленные персонажи помогали авторам представить эту силу в живых лицах и понять принципы ее действия. Очевидно, что Базанкур

чувствовал актуальность вопроса и потому счел необходимым пояснить собственное отношение к нему:

«<...> Не имеет большого значения, называть этот роман историческим или нет: он исторический, если подразумевать, что он не искажает историю и не принуждает архивы библиотек лгать; он исторический, поскольку отразил несколько чтимых или проклятых персон, поскольку отразил и эту великую деспотичную и кровожадную государыню Екатерину Медичи, и этого великого мятежника, этого бледного старого воина, покрытого железом и ранами, на каждом шагу сталкивавшегося с троном – герцога Гиза, первого гражданина Франции.

Говоря откровенно, эти две персоны настолько громадны, настолько широки, настолько могущественны, что уже их описания достаточно, чтобы наполнить страницы этой книги; говоря откровенно, тень, отбрасываемая ими, огромна и мрачна, но рядом с дубами, вздымающими свои горделивые и вековые лики к облакам, под страшным размахом их гигантских ветвей робко в тени живут немногие смиренные и потаенные растения, и многие ноги топчут их мимоходом, убивают, не сознавая, что жизнь для них столь же дорога, сколь и для этих тщеславных царей творения!» [33, т. 1, р. XXV]

Эти разъяснения настраивают читателя на то, что главными героями романа будут не достопамятные исторические личности, а те, кто находится «в тени» великих событий – персонажи, вымышленные автором. Однако почти сразу Базанкур противоречит этому посылу и отмечает, что «Екатерина Медичи – главная героиня драмы» [33, т. 1, р. XXVI]. Таким образом, для читателя остается неясным, что находится в приоритетном внимании автора: реальная история или романная интрига.

Если говорить о вымышленных персонажах, то главные среди них – Эдуард и Мария. Эдуард – граф де Ласкар, юный дворянин из окружения герцога Конде. Мария – 15-летняя дочь простолюдинки.

Завязка действия относится к 1560 г. Екатерина Медичи, желая отвлечь короля Наваррского от вмешательства в государственные дела, ищет кандидатуру на роль фрейлины-куртизанки, способной завладеть его симпатиями и вниманием. Выбор падает на случайно замеченную невинную и наивную Марию, которую Медичи берет в число своих фрейлин.

Поскольку с первых же строк романа читатель узнает, что Эдуард некогда потерял новорожденную сестру, а Мария была в младенчестве удочерена простолюдинкой, то интрига с тайной рождения героини становится совершенно предсказуемой. Читательское внимание удерживается тем, что сами герои действуют, не зная этой тайны.

В начале романа автор стремится воссоздать историческую атмосферу. Описывая биографию Екатерины Медичи и политическую обстановку, он постоянно ссылается на исторические источники и поясняет, что «взял за правило воспроизводить только те политические факты, которые непосредственно связаны с его драмой и которые нельзя исключить из нее без ущерба для исторической правды, которая всегда должна оставаться основой основ» [33, т. 1, р. 84]. Большое внимание

автор уделяет придворным нравам, превращая эту информацию в объемный исторический экскурс.

Базанкур использует детали исторического колорита: элементы костюма, интерьера, особенности вооружения. Заметно, что порою он с искренним увлечением «вживается» в исторический контекст. Так, на нескольких страницах он иронично и в малейших подробностях описывает, как слуги наряжают королевского фаворита [33, т. 1, с. 113–117]. В живых красках воссоздает эпизоды битвы герцога Конде за Орлеан [33, т. 1, с. 173–176]. Отдельно следует сказать об эпизодах с дуэлями. Без них невозможно представить роман о средневековой Франции, и автор, хоть не слишком часто, включает их в текст, подчас без очевидной необходимости для развития сюжета. С точки зрения исторической точности, он допускает ту же ошибку, что и Мериме в «Хронике времен Карла IX»: противники используют, кроме шпага, кинжалы, хотя эта традиция вошла в обиход позднее – в XVII в. [23, с. 871]. Зато тактика боя передается Базанкуром с явным знанием дела и в мельчайших подробностях.

В целом заметно, что автор легко владеет романным слогом, текст наполнен лирическими отступлениями, метафорами и афоризмами. Однако по истечении двухсот страниц повествовательная стратегия довольно неожиданно меняется радикальным образом: романное повествование обрывается с завершением одной из глав, и следующая глава предстает перед читателем уже в драматургическом исполнении.

В 1830-гг. драматическая форма романов была в ходу. Формально это чаще всего выражалось в широком использовании диалогов. И у В. Гюго, и у П. Мериме зачастую целые страницы заполнены диалогами, выполняющими разные функции. У некоторых авторов иногда целые главы писались в виде диалогов без всякого повествовательного элемента [23, с. 142]. Однако Базанкур использовал этот прием, кажется, наиболее решительным образом. В его романе речь идет не просто об усилении изобразительных функций диалога, а о полном переключении в «регистр» драматургии. Так, глава «Лувр» [33, т. 1, с. 243] начинается экспозицией с описанием персонажей и места действия, и далее на протяжении целого ряда глав (за исключением единичных эпизодов) перед читателем – классический драматический текст: в диалогах и монологах заключена и характеристика персонажей, и информация о любых событиях или предметах. Авторское участие проявляется лишь в кратких ремарках и редких пояснениях.

Естественно, что все это приводит к «театрализации художественного мира и хронотопа» [29, с. 256]. Если до этого действие легко переносилось автором из дворца в дворянский особняк, на улицы Парижа, в Орлеан и т. д., то теперь оно локализовано почти исключительно помещениями Лувра. Время начинает подчиняться чисто сценическим условностям. Скажем, слуга герцога Гиза, получивший вовсе не простое задание разыскать в Париже женщину, приютившую Марию, отчитывается о выполнении поручения почти моментально – без учета реально возможной хронологии [33, т. 2, с. 92].

Впрочем, смена повествовательной стратегии не нарушает сюжетную линию. Поскольку ситуация при дворе изменилась, Екатерина Медичи решается

использовать 15-летнюю фрейлину Марию в политическом торге с герцогом Конде. Королева замечает страсть, вспыхнувшую между Марией и Эдуардом, прибывшим в Лувр в качестве посланника Конде. Она знает о кровном родстве влюбленных, и все же способствует их сближению в надежде добиться уступок в переговорах. Однако тайна родства влюбленных и их невольный грех становятся известны врагу Екатерины Медичи герцогу де Гизу. Пытаясь скрыть преступление, королева приказывает отравить и Марию, и Эдуарда. В результате Мария умирает от яда, успев узнать перед этим роковую тайну, а Эдуард, подавленный отчаянием, но избежавший смерти, исчезает в неизвестном направлении.

С этого момента [33, т. 2, с. 175] автор снова возвращается к романной форме повествования, но надолго забывает о своих вымышленных персонажах. Теперь на длительном протяжении романа связь событий определяется не романной интригой, а хронологией реальной истории, причем художественный «зум» действует довольно прихотливо: какие-то моменты – сцены царствования Карла IX, Варфоломеевской ночи, царствования Генриха III – предстают в детальной разработке, а некоторые «хронологические пространства» протяженностью в несколько лет «ужимаются» до одной-двух страниц текста, попросту перечисляющего исторические имена и факты. Роман превращается в набор «исторических сцен», связанных между собой образом Екатерины Медичи.

Так или иначе, но автор доводит повествование до эпохи 1589 г., где исторический и вымышленный сюжеты снова пересекаются. Чувствуя приближение смерти, Екатерина Медичи желает исповедоваться. Однако вместо священника к ней является одетый в сутану Эдуард, который предает королеву вечному проклятию в последние секунды ее жизни. Такова развязка.

В эпоху романтизма для автора уже недостаточно было ограничиться очевидной нравственной моралью: за многие грехи – вечное проклятье. От романиста ждали ответов на вопросы о сущности исторического процесса [23, с. 98], роман должен был подталкивать к историософским выводам. Базанкур, несомненно, сознавал это, и потому в романе нередко встречаются авторские рассуждения на этот счет. Наиболее показательны – об исторической роли третьего сословия.

Базанкур описывает, как соперничающие силы французской аристократии начинали вовлекать в борьбу простонародье, доводя ситуацию до трудно управляемого гражданского и религиозного противостояния. Авторское заключение таково: «Верно, что народ есть страшное и кровавое оружие, которое нельзя легкомысленно извлекать из ножен, ведь мало какая рука сможет удержать эфес!» [33, т. 1, с. 181] И далее: «Из лона этого народа восстают короли в рубахах, палачи с закатанными рукавами, тупые, трусливо кровожадные деспоты» [33, т. 1, с. 184]. Третье сословие видится автором иррациональной разрушительной стихией.

Впрочем, к историософским выводам подталкивают даже не эти авторские сентенции, а сам сюжет романа. Все исторические события здесь свершаются лишь по воле Екатерины Медичи и в следствие ее интриг. Все беды Франции, а вместе с тем и беды Марии с Эдуардом, обусловлены лишь присутствием у власти этой «лукавой» и «преступной» итальянки.

На фоне этого вывода следует воспринимать и размышления Базанкура о роли предначертаний. Заметно, что роман создавался под влиянием «Собора Парижской Богоматери» Гюго. Неслучайно многие события у Базанкура разворачиваются в виду собора Нотр-Дам. Не обошел Базанкур и тему судьбы, заявленную Виктором Гюго в предисловии к роману. Текст Гюго заставляет воспринимать судьбу, как власть логики обстоятельств над человеком. У Базанкура читаем следующее:

«Я верю в фатальность, как верю в Бога, то есть что каждый рождается таким, каким он должен быть. Каждый рождается с бьющимся сердцем и мыслящей головой; но у всякого свое сердце и своя голова, у всех они разные <...>; великие гении, рожденные слишком низко, стряхивают с себя пыль и обретают крылья для полета, для них нет непроходимого пространства, нет непреодолимого препятствия: пространства они пожирают; препятствия они попирают ногами.

Потому что Бог развил разум одних за счет разума других; потому что одному он сказал: “Быть тебе королем”, а другому: “Быть тебе подданным”; и если свет, этот бессильный призрак, людские законы, религия без веры сделали короля подданным, а подданного – королем, то подданный, возвышаясь, становится королем, а король снова становится подданным, как всё возвращается к своему началу: душа – к Богу, человек – ко праху» [33, т. 1, с. 79–80].

Эти рассуждения помогали Базанкуру объяснить, почему его герои не меняются психологически, даже когда по воле сюжета меняется их социальный статус. Но эти рассуждения не могли восприниматься аудиторией как новое слово в понимании истории. П. Мериме своей «Хроникой времен Карла IX» уже успел подвести публику к мысли, что причины Варфоломеевской ночи не столько в аморальных решениях власти, сколько в религиозном фанатизме толпы [23, с. 365], в подогретых предрассудках [9, с. 210]. В. Гюго уже изобразил тщету индивидуальной воли перед лицом исторических механизмов. На этом фоне концепция Базанкура выглядела наивной архаикой, которая могла тронуть какую-то часть публики, но не являлась актуальной для серьезного критического разбора.

Между тем Базанкур включил в повествование широкий арсенал «быстродействующих средств». Читатель в изобилии находил здесь мотивы готического романа, традиции которого отчасти возрождались романтиками: таинственные коридоры дворцов, секретные ходы и комнаты, темницы, коварные отравители, «тайна рождения, узнавания, преследования девушки» [5, с. 466] и проч. Здесь присутствовали шокирующие сцены, присущие «френетической литературе», известной в отечественной традиции под названием «неистовой словесности» [8, с. 5, 12]. Наконец, здесь появлялся мотив невольной кровосмесительной связи, который с разными целями использовался и в античности [24, с. 28], и в литературе романтизма [4], но в романе Базанкура, кажется, призван лишь усилить эмоциональное напряжение. Даже заглавие романа – «Летучий эскадрон королевы» – было рассчитано на то, чтобы привлечь внимание читателя, а не отразить содержание: пресловутый «эскадрон» лишь мельком упоминается в книге.

Если обобщать, то роман Базанкура, конечно, имел ряд художественных недостатков. Автору так и не удалось органично соединить в повествовательном потоке исторический и вымышленный сюжеты. Резкие перепады нарративной стратегии лишали роман повествовательного единства: это заставляет предположить, что роман «сшивался» из разнородных этюдов. Историческая концепция автора оказывалась неактуальной. Но многое в романе говорило и в пользу автора. Стиль повествования был не лишен остроумия и изящества. Ряд сцен увлекал динамикой и драматизмом. Наконец, автор продемонстрировал если не умение, то стремление следовать исторической достоверности. Словом, первый роман барона де Базанкура имел ту же судьбу, что первые романы множества других авторов, включая писателей первой величины: О. де Бальзака с его готическими романами, А. Дюма с его «Изабеллой Баварской» (вышла в 1835 г., годом ранее романа Базанкура) и т. д. Это была проба пера, по которой можно судить о задатках автора, но еще нельзя предсказать его будущее.

Впрочем, первый роман Базанкура даже имел некоторый успех. Достаточно сказать, что в том же 1836 г. он вышел вторым изданием [34]. Следов критической полемики по поводу романа нам обнаружить не удалось, но краткие отклики на него все же были. Небольшой отзыв о нем был включен в 1839 г. в «Обзрение романов», составленное Жиро де Сен-Фаржо:

«Характер Екатерины Медичи, женищины-королевы, которая правила Францией, как Кристина правила Швецией, точно прослеживается в этом длинном историческом исследовании. Французский двор 1560 года искусно отражен на этом двухтомном полотне, исполнение которого делает честь 2-му де Базанкуру» [48, р. 54–55].

Значительно позднее, в 1854 г., этот отзыв подвергся упреку за «рекламный стиль» [31, р. 667], и, кажется, не без основания. Заметно, что де Сен-Фаржо не слишком тщательно ознакомился с текстом, иначе он вряд ли назвал бы беллетристическое произведение исследованием и заметил бы, что, вопреки заглавию романа, действие в нем выходит за пределы 1560 г. почти на три десятилетия.

Когда в 1839 г. в свет вышел очередной роман Базанкура, то барон уже воспринимался как автор «Летучего эскадрона», а потому, анонсируя его новый роман, «*Courtier français*», например, напоминал читателю и о первом опыте автора – «Летучем эскадроне королевы», – который «прекрасно иллюстрирует ту кровавую эпоху, передавая драму, исполненную правды, страстей и слез» [53].

Имя барона де Базанкура оказалось настолько прочно связано с историей о «Летучем эскадроне», что дальнейшие обращения к теме ассоциировались именно с первым его романом.

В мае 1845 г. в Театре Пале-Рояля состоялась премьера комедии-водевиля «Летучий эскадрон королевы» [44]. Авторами выступили драматурги Филипп Франсуа Пинель (известный под псевдонимом Дюмануар) и Эдуард Эдмон Лафарг. Очень скоро в журнале «*La Sylphide*» появился отзыв довольно известного журналиста Жюльена Лемера:

«Этот водевиль, чье заглавие и, быть может, отдельные детали позаимствованы из романа нашего сотрудника барона де Базанкура, не подлежит анализу. <...> В этом небольшом действе есть и остроумие, и меткие слова, но выражено все столь легковесно и грубовато, что мы, хоть и не славимся чопорностью, не беремся что-либо рекомендовать нашим читателям» [54, р. 280].

То есть барон де Базанкур воспринимался как «первопроходец темы», и эта репутация была прочной. В 1888 г. появилась комическая опера «Летучий эскадрон королевы» [46]. Сценический текст принадлежал Адольфу д'Эннерии и Жюлю-Анри Брезиллю, музыка – Анри Литольфу. Реагируя на постановку, рецензент «Figaro» напоминал читателям, что историю «прелестного отряда красавиц» впервые описал барон де Базанкур [69]. Критик, впрочем, не настаивал, что опера является переработкой именно базанкуровского романа, но примечательно, что причастность барона к теме была памятна даже через два десятка лет после его смерти.

Есть и еще один любопытный показатель популярности романа. В 1836 г. о его выходе сообщила «Библиотека для чтения» [16]. Но еще интереснее, что роман Базанкура мы обнаруживаем в старинном каталоге Тифлисской публичной библиотеки, которая была создана в 1846 г. и пополнялась во многом за счет частных дарений, в том числе – и от лица М. С. Воронцова. Здесь представлены оба издания романа [10, р. 833, 873], то есть передали их в библиотеку два разных обладателя. Так что, невзирая на художественные погрешности, первый опыт барона де Базанкура в сфере исторической беллетристики не был провальным – роман знали и читали.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Убеждения барона Фредерика де Базанкура и его путь в литературу во многом программировались средой, которая его воспитала. Это был круг французской аристократии, чьи традиции формировались XVIII веком, но, претерпев трансформации века XIX, продолжали играть очень заметную роль и в политической, и в литературной жизни Франции. Литературные интересы и опыты в этом кругу были неотъемлемой частью светского и семейного быта, и закономерно предположить, что первые литературные навыки Базанкур приобретал до работы над своим первым романом.

Его юношеские представления об истории, надо полагать, формировались тем же кругом людей. Это представления так называемой либеральной аристократии, которая, памятуя о Великой революции, пережив и «чисто эмоциональное неприятие жестокости» [15, с. 17], и немалые потери, зачастую видела в третьем сословии пугающую силу, но в то же время не готова была подчиняться идеалам абсолютизма, искала общественный идеал между «своеволием черни» и «произволом деспотов».

Интерес барона де Базанкура к истории вполне объясним. Для него история Франции была и историей его собственных предков. Историческим интересам способствовала, безусловно, его служба в библиотеке Компьенского замка. Наверняка, влияли на Базанкура и достижения в области историографии его дяди П. де Баранта, который в 1820-е г. издал фундаментальную и получившую широкую известность «Историю герцогов Бургундских» (о чем еще будем говорить).

Почему исторические интересы Базанкура впервые реализовались именно в сфере беллетристики? Думается, здесь сложилось сразу несколько факторов. Очевидно, он видел в этом возможность соединить свои исторические увлечения с литературными. Успех на этой ниве, учитывая громкую славу, например, «Собора Парижской Богоматери», должен был казаться более всеобъемлющим, нежели успех в области собственно исторической. Да и справедливости ради отметим, что к 25 годам Базанкур, кажется, еще не обладал знаниями, достаточными для заметного шага в историографии. Будущее покажет, что автор был склонен и к расширению знаний, и к жанровым экспериментам. Этому вопросу будет посвящена следующая часть настоящей статьи.

Список литературы

1. *Александрова Е. В.* Жанровая природа «Трех глав из политической и военной истории 1853, 1854 и 1855 годов» Е. П. Ковалевского // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2021. – № 4 (216). – С. 121–130. – DOI 10.23951/1609-624X-2021-4-121-130.
2. *Александрова Е. В.* Крымская война в рецепции Е. П. Ковалевского и Л. Н. Толстого // Имагология и компаративистика. – 2021. – № 15. – С. 156–172. – DOI 10.17223/24099554/15/9.
3. *Банникова Н. В.* Журналисты британской газеты «Таймс» в России (середина XIX – начало XX вв.): историко-документальное наследие: Дис... к. и. н.: 5.6.8. – документалистика, документоведение, архивоведение. – М., 2022. – 223 с.
4. *Берковский Н. Я.* Статьи и лекции по зарубежной литературе. – СПб.: Азбука-классика, 2002. Режим доступа: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/berkovskij-lekcii/lekciya-21.htm>. – (Дата обращения: 23.01.2023).
5. *Вацуро В. Э.* Готический роман в России / Сост. и подг. текста Т. Ф. Селезневой. М.: НЛЮ, 2002. – 544 с.
6. Военная энциклопедия / Под ред. Ген. штаба полк. В.Ф. Новицкого, воен. инж. подполк. А.В. фон Шварца [и др.]. Том IV. – СПб: Т-во И.Д. Сытина, 1911. – 399 с.
7. Генералы Наполеона (биографический словарь) / Авт.-сост. Шиканов В. Н. – М.: Рейттарь, 2004. – 233 с.
8. *Дроздов Н. А.* Французская «неистовая словесность» в русской рецепции 1830-х годов: Дисс ... к. филол. н.: 10.01.01. – Санкт-Петербург, 2013. – 230 с.
9. История всемирной литературы. В 9 т. Т. 6. – М.: Наука, 1989. – 1043 с.
10. Каталог Тифлисской публичной библиотеки (1846–1861). – Тифлис: Тип-я Главного управления наместника кавказского, 1861. – 1119 с.
11. *Маркович А.* Жозеф де Местр и Сент-Бев в письмах к Р. Стурдзе-Эдлинг // Литературное наследство. Т. 33–34 (Русская культура и Франция. III). – М.: Ин-т мировой лит., 1939. – С. 379–456.
12. *Мартиросян А. Э.* И перья скрипели, когда пушки гремели... (Очерк истории «военной журналистики»: от типографского станка до телеграфа) // Проблемы национальной стратегии. – 2012. – № 6. – С. 183–205.
13. *Мащенко А. П.* «Американский Крым»: обман зрения. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2021. – 140 с.
14. *Мельников В. А., Шарипова Д. Н.* Крымская кампания 1853–1856 гг. – первая информационная война в истории противостояния мировых держав // Журналист. Социальные коммуникации. – 2017. – № 3 (27). – С. 125–134.

15. Мильчина В. А. Вступительная статья // Эстетика раннего французского романтизма. – М.: Искусство, 1982. – С. 7–32.
16. Новые книги // Библиотека для чтения. – 1836. – Т. XVII. – Отд. VII. – С. 26.
17. Орехова Л. А., Орехов В. В., Первых Д. К., Орехов Д. В. Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов глазами современников: литература, архивы, пресса. – Симферополь: ОАО «СГТ», 2010. – 480 с.
18. Орехова Л. А., Первых Д. К. От «Солдатского вестника» – к «Военному листку»: эволюция идеи издания в условиях Крымской войны (1854 г.) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2021. – Т. 7. – № 4. – С. 189–206.
19. Первых Д. К. Очерки Н. П. Сокальского как этап становления отечественной военной журналистики // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2018. – Т. 4 (70). – № 4. – С. 197–215.
20. Первых Д. К., Первых В. В. Военные корреспонденции Н. В. Берга в журнале «Москвитянин» (1855 г.) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2015. – Т. 1 (67). – № 1. – С. 95–103.
21. Подмазо А. А. Большая Европейская война 1812–1815 годов: Хроника событий. – М.: РОССПЭН, 2003. – 368 с.
22. Прутков Г. В. История зарубежной журналистики. 1800–1929. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 416 с.
23. Реизов Б. Г. Французский исторический роман в эпоху романтизма. – Л.: Худож. лит., 1958. – 568 с.
24. Романчук Л. А., Щитов Д. Н. Демонизм. Зверь Апокалипсиса (Литературные мифы, версии, реалии). – М.: Мэйлер, 2012. – 288 с.
25. Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения: В 3-х тт. Т. 3. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. – 728 с.
26. Таньшина Н. П. Самодержавие и либерализм: эпоха Николая I и Луи-Филиппа Орлеанского. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – 333 с.
27. Франк С. Видимая и невидимая война в Крыму (Начало медийной эпохи и «Севастопольские рассказы» Льва Толстого) // Крымский текст в русской культуре: Матлы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 4–6 сентября 2006 г.). – СПб., 2008. – С. 126–145.
28. Ченнык С. В. Крымская война на книжных страницах... // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2016. – Т. 21. – № 6. – С. 83–88.
29. Шарифова С. Ш. Теоретические проблемы жанрового смешения и литературного влияния в западной и восточной литературе. – М.: У Никитских ворот, 2021. – 530 с.
30. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Т. ПА. – СПб.: Семеновская Типолиитография (И.А. Ефрона), 1891. – 489 с.
31. Babou H. La Littérature française contemporaine, par mm. C. Louandre, Alfred Maury et Félix Bourquelot. Paris, 1842, 1854. Daguin. T. 1 à V, in-8 // L'Athenaeum Français. – 1854. – № 29. – 22 Juillet. – P. 665–667.
32. Barant de. <Préface> «Les poésies et les récits...» // Arbouville, S. d' Poésies et nouvelles. [En 3 vols]. Vol. 1. – Paris: Amyot, 1855. – P. I–XV.
33. Bazancourt, baron de. L'escadron volant de la reine (1560). – Bruxelles: J. P. Meline, 1836. – Vol. 1–2.
34. Bazancourt, baron de. L'escadron volant de la reine (1560) / Deuxième édition. – Paris: Ladvoat, 1836. – Vol. 1–2.

35. *Bazancourt, baron de*. L'expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sébastopol: chroniques de la guerre d'Orient. – Paris: Amyot, 1856. – Vol. 1–2.
36. *Bazancourt, baron de*. Cinq mois au camp devant Sébastopol. – Paris: Amyot, 1855. – 288 p.
37. *Buffenoir H.* La Comtesse d'Houdetot, sa famille, ses amis. – Paris: Librairie Henri Leclerc, 1905. – 314 p.
38. *Buffenoir H.* La Comtesse d'Houdetot, une amie de J.-J. Rousseau. – Paris: Calmann-Lévy, 1901. – 356 p.
39. *Brainne, C.* Les hommes illustres du département de l'Oise. T. 1. – Beauvais: A Desjardins, 1858. – 454 p.
40. *Christiaens D., Chichkine V. V.* Une figure de l'escadron volant: Renée de Rieux, la baronne de Castellane // *Proslogion*. 2019. – vol. 5. – № 1. – P. 144–156. DOI: 10.24411 / 2500-0926-2019-00009.
41. Correspondance complète de la marquise du Deffand. Vol. I. – Paris, 1865. – 591 p.
42. *Dantès, A.* Dictionnaire biographique et bibliographique, alphabétique et méthodique, des hommes les plus remarquables dans les lettres, les sciences et les arts, chez tous les peuples, à toutes les époques. – Paris, 1875. – 1570 p.
43. Dictionnaire de la conversation et de la lecture. T. 1. – Paris: Firmin-Didot frères, 1864. – 800 p.
44. *Dumanoir, Lafargue Éd.* L'Escadron volant de la Reine. Comédie-vaudeville en un acte. – Bruxelles: J.-A. Lelong, 1845. – 64 p.
45. *Dupuich, L.* Histoire d'une collection: la Réserve précieuse des Bibliothèques de la Ville de Compiègne. Mémoire d'étude / janvier 2006. – 98 p. Available from: <https://www.enssib.fr/bibliotheque-numerique/documents/552-histoire-d-une-collection.pdf>. (Accessed 23.03.2023).
46. *Ennery A. d', Brésil J.* L'Escadron volant de la Reine. Opéra-comique en 3 actes. – Paris: L. Bathlot & V. Héraud, 1889. – 317 p.
47. Extrait du Registre des Actes de Naissance de l'Année 1811 // Archives nationales de France. – http://www2.culture.gouv.fr/LH/LH126/PG/FRDAFAN83_OL1526033v002.htm (Accessed 23.03.2023)
48. *Girault de Saint-Fargeau E.* Revue des romans: recueil d'analyses raisonnées des productions remarquables des plus célèbres romanciers français et étrangers. Tome 1. – Paris: Slatkine, 1839. – 396 p.
49. *Guyot de Fère, F.-F.* Biographie et dictionnaire des littérateurs et des savants français contemporains. Partie 1. Série 1. – Paris: Bureau du Journal des Arts, 1859. – 239 p.
50. *Guyot de Fère < F.-F. >*. Notices biographiques // *Journal des arts, des sciences et des lettres*. – 1860. – 12 février. – A 31. – Ser 3, № 19. – P. 431–442.
51. *Lamathière, T. de*. Panthéon de la Légion d'honneur. T. 14. – Paris: E. Dentu, 1892. – 506 p.
52. *Larousse, P.* Grand dictionnaire universel du XIXe siècle... T. 2. – Paris: Larousse, 1867. – 1463 p.
53. Le nouveau roman de M. de Bazancour... // *Le Courrier français*. – 1839. – 16 Avril – № 106. – P. 4.
54. *Lemer J.* Bulletin dramatique et musical // *La Sylphide: journal de modes, de littérature, de théâtres et de musique*. – 1845. – T. 1. – P. 278–280.
55. *Liévyns, A., Verdot, J.-M., Bégat, P.* Fastes de la légion-d'honneur: biographie de tous les décorés accompagnée de l'histoire législative et réglementaire de l'ordre. Vol. 3. – Paris: Bureau de l'Administration, 1845. – 581 p.
56. *Marsay L. de*. Correspondance Parisienne // *Journal de Montpellier*. 1865. – 4 Février. – № 5. – P. 2–3.
57. *Marsay L. de*. Lettre Parisienne // *Journal de la Corse*. – 1865. – 7 Février. – № 6. – P. 2–3.

58. *McIlvenna, Una*. "A Stable of Whores"? The "Flying Squadron" of Catherine de Medici // The Politics of Female Households Ladies-in-waiting across Early Modern Europe / Eds. N. Akkerman, B. Houben. – Leiden, 2014. – Vol. 4. – P. 179–208. (doi:10.1163/9789004258396_009).
59. *Mullié Ch*. Biographie des célébrités militaires des armées de terre et de mer de 1789 à 1850. T. II. – Paris: Poignavant, 1851. – 559 p.
60. *Pellassy de L'Ousle, J.-J.-F*. Histoire du palais de Compiègne: chronique du séjour des souverains dans ce palais. – Paris: Impr. impériale, 1862. – 370 p.
61. *Quérard, J.-M*. La littérature française contemporaine. XIXe siècle. T. I: ABB-BLE. – Paris: Daguin frères, 1842. – 631 p.
62. *Révérénd A*. Armorial du Premier Empire. Vol. III. – Paris: Bureau de L'Annuaire de la Noblesse, 1896. – 351 p.
63. *Roger, P*. Noblesse et chevalerie du comté de Flandre, d'Artois et de Picardie. – Amiens: Impr. de Duval et Herment, 1843. – 400 p.
64. *Rousseau J.-J*. Correspondance complète de Jean-Jacques Rousseau. Vol. 5 / Ed. R. A. Leigh. – Genève: Institut et Musée Voltaire, 1967. – 312 p.
65. *Saint-Alban A. de*. Le baron de Bazancourt // Le Sport: journal des gens du monde. – 1874. – 30 Mai. – № 43. – P. 2.
66. *Séché, L*. Muses romantiques: Madame d'Arbouville d'après ses lettres à Sainte-Beuve: 1846–1850: documents inédits, portraits, vues et autographe. – Paris: Mercure de France, 1909. – 302 p.
67. *Vapereau, G*. Dictionnaire universel des contemporains: contenant toutes les personnes notables de la France et des pays étrangers. T. 1. – Paris, 1858. – 920 p.
68. *Villemessant H. de*. Le baron de Bazancourt // Figaro. – 1865. – 29 Janvier. – P. 3–4.
69. *Vitu, A*. Opera-Comique // Figaro. – 1888. – 15 Décembre. – № 350. – P. 3.

References

1. Aleksandrova E. V. *Zhanrovaja priroda «Treh glav iz politicheskoy i voennoj istorii 1853, 1854 i 1855 godov» E. P. Kovalevskogo* [Genre nature of "Three chapters from the political and military history of 1853, 1854 and 1855" by E. P. Kovalevsky]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2021, no. 4 (216), pp. 121–130. DOI 10.23951/1609-624X-2021-4-121-130.
2. Aleksandrova E. V. *Krymskaja vojna v recepcii E. P. Kovalevskogo i L. N. Tolstogo* [The Crimean War in the reception of E. P. Kovalevsky and L. N. Tolstoy]. *Imagologija i komparativistika*, 2021, no. 15, pp. 156–172. – DOI 10.17223/24099554/15/9.
3. Bannikova N. V. *Zhurnalisty britanskoj gazety «Tajms» v Rossii (seredina XIX – nachalo XX vv.): istoriko-dokumental'noe nasledie: Diss... k. i. n.* [Journalists of the British newspaper "The Times" in Russia (mid-19th – early 20th centuries): historical and documentary heritage. Thesis]. Moscow, 2022. 223 p.
4. Berkovskij N. Ja. *Stat'i i lekcii po zarubezhnoj literature* [Articles and lectures on foreign literature]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2002. Available from: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/berkovskij-lekcii/lekcija-21.htm> (accessed 23.01.2023).
5. Vacuro V. Je. *Goticheskij roman v Rossii* [Gothic novel in Russia]. Moscow, NLO Publ., 2002. 544 p.
6. *Voennaja jenciklopedija. T. IV.* [Military Encyclopedia. Vol. IV.]. St. Petersburg, Tovarishhestvo I. D. Sytina Publ., 1911. 399 p.
7. *Generaly Napoleona (biograficheskij slovar')* [Generals of Napoleon (biographical dictionary)]. Moscow, Rejttar Publ., 2004. 233 p.

8. Drozdov N. A. *Francuzskaja «neistovaja slovesnost'» v ruskoj recepcii 1830-h godov: Diss ... k. filol. n.* [French "frantic literature" in the Russian reception of the 1830s. Thesis]. St. Petersburg, 2013. 230 p.
9. *Istorija vseмирnoj literatury. V 9 t. T. 6.* [History of world literature. In 9 vols. T. 6]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 1043 p.
10. *Katalog Tiflisskoj publichnoj biblioteki (1846–1861)* [Catalog of the Tiflis Public Library (1846–1861)]. Tiflis, Tip-ja Glavnogo upravlenija namestnika kavkazskogo Publ., 1861. 1119 p.
11. Markovich A. *Zhozef de Mestr i Sent-Bev v pis'mah k R. Sturdze-Jedling* [Joseph de Maistre and Sainte-Bev in letters to R. Sturdze-Edling]. *Literaturnoe nasledstvo. T. 33–34 (Russkaja kul'tura i Francija. III)*. Moscow, Institut mirovoj literatury Publ., 1939, pp. 379–456.
12. Martirosjan A. *Je. I per'ja skripeli, kogda pushki gremeli... (Ocherk istorii «voennoj zhurnalistiki»: ot tipografskogo stanka do telegrafa)* [And the feathers creaked when the guns rattled... (Essay on the history of "military journalism": from the printing press to the telegraph)]. *Problemy nacional'noj strategii*, 2012, no. 6, pp. 183–205.
13. Mashhenko A. P. *«Amerikanskij Krym»: obman zrenija* ["American Crimea": an optical illusion]. Simferopol, Arial Publ., 2021. 140 p.
14. Mel'nikov V. A., Sharipova D. N. *Krymskaja kampanija 1853–1856 gg. – pervaja informacionnaja vojna v istorii protivostojanija mirovyh derzhav* [Crimean campaign of 1853–1856 – the first information war in the history of confrontation between world powers]. *Zhurnalist. Social'nye kommunikacii*, 2017, no. 3 (27), pp. 125–134.
15. Mil'china V. A. *Vstupitel'naja stat'ja* [Introductory article]. *Jestetika rannego francuzskogo romantizma*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1982, pp. 7–32.
16. *Novye knigi* [New books]. *Biblioteka dlja chtenija*, 1836, vol. XVII, chap. VII, pp. 26.
17. Orehova L. A., Orehov V. V., Pervyh D. K., Orehov D. V. *Krymskaja Iliada. Krymskaja (Vostochnaja) vojna 1853–1856 godov glazami sovremennikov: literatura, arhivy, pressa* [Crimean Iliad. The Crimean (Eastern) War of 1853–1856 through the Eyes of Contemporaries: Literature, Archives, Press]. Simferopol, SGT Publ., 2010. 480 p.
18. Orehova L. A., Pervyh D. K. *Ot «Soldatskogo vestnika» – k «Voennomu listku»: jevoljucija idei izdanija v uslovijah Krymskoj vojny (1854 g.)* [From the "Soldier's Bulletin" to "Military List": the evolution of the idea of publishing in the conditions of the Crimean War (1854)]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2021, vol. 7, no. 4, pp. 189–206.
19. Pervyh D. K. *Očerki N. P. Sokal'skogo kak jetap stanovlenija otechestvennoj voennoj zhurnalistiki* [Essays by N. P. Sokalsky as a stage in the formation of domestic military journalism]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2018, vol. 4 (70), no 4, pp. 197–215.
20. Pervyh D. K., Pervyh V. V. *Voennye korrespondencii N. V. Berga v zhurnale «Moskvitjanin» (1855 g.)* [Military correspondence by N. V. Berg in the journal "Moskvityanin" (1855)]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2015, vol. 1 (67), no. 1, pp. 95–103.
21. Podmazo A. A. *Bol'shaja Evropejskaja vojna 1812–1815 godov: Hronika sobytij* [The Great European War of 1812–1815: A Chronicle of Events]. Moscow, ROSSPJeN Publ., 2003. 368 p.
22. Prutckov G. V. *Istorija zarubezhnoj zhurnalistiki. 1800–1929* [History of foreign journalism]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2010. 416 p.
23. Reizov B. G. *Francuzskij istoricheskij roman v jepohu romantizma* [French historical novel in the era of romanticism]. Leningrad, Hudozhestvennaja literatura, 1958. 568 p.
24. Romanchuk L. A., Shhitov D. N. *Demonizm. Zver' Apokalipsisa (Literaturnye mify, versii, realii)* [The Beast of the Apocalypse (Literary myths, versions, realities)]. Moscow, Mjejler Publ., 2012. 288 p.

25. Russo Zh.-Zh. *Izbrannye sochinenija: V 3-h tt. T. 3* [Selected works: In 3 vols. T. 3.]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury Publ., 1961. 728 p.
26. Tan'shina N. P. *Samoderzhavie i liberalizm: jepoha Nikolaja I i Lui-Filippa Orleanskogo* [Autocracy and liberalism: the era of Nicholas I and Louis-Philippe of Orleans]. Moscow, Politicheskaja jenciklopedija Publ., 2018. 333 p.
27. Frank S. *Vidimaja i nevidimaja vojna v Krymu (Nachalo medijnoj jepohi i «Sevastopol'skie rasskazy» L'va Tolstogo)* [The Visible and Invisible War in Crimea (The Beginning of the Media Age and Leo Tolstoy's Sevastopol Stories)]. *Krymskij tekst v russkoj kul'ture: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Sankt-Peterburg, 4–6 sentjabrja 2006 goda)*. St. Petersburg, Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma Publ., 2008, pp. 126–145.
28. Chennyk S. V. *Krymskaja vojna na knizhnyh stranicah...* [The Crimean War on book pages...]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija*, 2016, vol. 21, no. 6, pp. 83–88.
29. Sharifova S. Sh. *Teoreticheskie problemy zhanrovogo smeshenija i literaturnogo vlijanija v zapadnoj i vostochnoj literature* [Theoretical problems of genre mixing and literary influence in Western and Eastern literature]. Moscow, U Nikitskih vorot Publ., 2021. 530 p.
30. *Jenciklopedicheski slovar' Brokgauza i Efrona: T. IIA* [Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron: Vol. IIA]. St. Petersburg, Semenovskaja Tipolitografija (I.A. Efrona) Publ., 1891. – 489 p.
31. Babou H. *La Littérature française contemporaine, par mm. C. Louandre, Alfred Maury et Félix Bourquelot. Paris, 1842, 1854. Daguin. T. 1 à V, in-8 // L'Athenaeum Français*, 1854, no. 29, 22 Juillet, pp. 665–667.
32. Barant de. <Préface> «*Les poésies et les récits...*» // Arbouville, S. d' Poésies et nouvelles. [En 3 vols]. Vol. 1. Paris, Amyot, 1855, pp. I–XV.
33. Bazancourt, baron de. *L'escadron volant de la reine (1560)*. Bruxelles, J. P. Meline, 1836, vol. 1–2.
34. Bazancourt, baron de. *L'escadron volant de la reine (1560)*. Paris, Ladvoat, 1836, vol. 1–2.
35. Bazancourt, baron de. *L'expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sébastopol: chroniques de la guerre d'Orient*. Paris, Amyot, 1856, vol. 1–2.
36. Bazancourt, baron de. *Cinq mois au camp devant Sébastopol*. Paris, Amyot, 1855. 288 p.
37. Buffenoir H. *La Comtesse d'Houdetot, sa famille, ses amis*. Paris, Librairie Henri Leclerc, 1905. 314 p.
38. Buffenoir H. *La Comtesse d'Houdetot, une amie de J.-J. Rousseau*. Paris, Calmann-Lévy, 1901. 356 p.
39. Brainne, C. *Les hommes illustres du département de l'Oise. T. 1*. Beauvais, A Desjardins, 1858. 454 p.
40. Christiaens D., Chichkine V. V. *Une figure de l'escadron volant: Renée de Rieux, la baronne de Castellane // Proslogion*, 2019, vol. 5, no. 1, pp. 144–156. DOI: 10.24411 / 2500-0926-2019-00009.
41. *Correspondance complète de la marquise du Deffand. Vol. I*. Paris, 1865. 591 p.
42. Dantès, A. *Dictionnaire biographique et bibliographique, alphabétique et méthodique, des hommes les plus remarquables dans les lettres, les sciences et les arts, chez tous les peuples, à toutes les époques*. Paris, 1875. 1570 p.
43. *Dictionnaire de la conversation et de la lecture. T. 1*. Paris, Firmin-Didot frères, 1864. 800 p.
44. Dumanoir, Lafargue Éd. *L'Escadron volant de la Reine. Comédie-vaudeville en un acte*. Bruxelles, J.-A. Lelong, 1845. 64 p.
45. Dupuich, L. *Histoire d'une collection: la Réserve précieuse des Bibliothèques de la Ville de Compiègne. Mémoire d'étude / janvier 2006. – 98 p. Available*

- from: <https://www.enssib.fr/bibliotheque-numerique/documents/552-histoire-d-une-collection.pdf>. (Accessed 23.03.2023).
46. Ennery A. d', Brésil J. *L'Escadron volant de la Reine. Opéra-comique en 3 actes*. Paris, L. Bathlot & V. Héraud, 1889. 317 p.
 47. *Extrait du Registre des Actes de Naissance de l'Année 1811* // Archives nationales de France. Available from: http://www2.culture.gouv.fr/LH/LH126/PG/FRDAFAN83_OL1526033v002.htm (Accessed 23.03.2023).
 48. Girault de Saint-Fargeau E. *Revue des romans: recueil d'analyses raisonnées des productions remarquables des plus célèbres romanciers français et étrangers. Tome I*. Paris, Slatkine, 1839. 396 p.
 49. Guyot de Fère, F.-F. *Biographie et dictionnaire des littérateurs et des savants français contemporains. Partie I. Série I*. Paris, Bureau du Journal des Arts, 1859. 239 p.
 50. Guyot de Fère < F.-F. >. *Notices biographiques* // Journal des arts, des sciences et des lettres, 1860, 12 février, an. 31, ser. 3, no. 19, pp. 431–442.
 51. Lamathière, T. de. *Panthéon de la Légion d'honneur. T. 14*. Paris, E. Dentu, 1892. 506 p.
 52. Larousse, P. *Grand dictionnaire universel du XIXe siècle... T. 2*. Paris, Larousse, 1867. 1463 p.
 53. *Le nouveau roman de M. de Bazancour...* // Le Courrier français, 1839, 16 Avril, no. 106, pp. 4.
 54. Lemer J. *Bulletin dramatique et musical* // La Sylphide: journal de modes, de littérature, de théâtres et de musique, 1845, vol. 1, pp. 278–280.
 55. Liévyns, A., Verdot, J.-M., Bégat, P. *Fastes de la légion-d'honneur: biographie de tous les décorés accompagnée de l'histoire législative et réglementaire de l'ordre. Vol. 3*. Paris, Bureau de l'Administration, 1845. 581 p.
 56. Marsay L. de. *Correspondance Parisienne* // Journal de Montpellier, 1865, 4 Février, no. 5, pp. 2–3.
 57. Marsay L. de. *Lettre Parisienne* // Journal de la Corse. – 1865. – 7 Février. – № 6. – P. 2–3.
 58. McIlvenna, Una. “A Stable of Whores”? The “Flying Squadron” of Catherine de Medici // The Politics of Female Households Ladies-in-waiting across Early Modern Europe / Eds. N. Akkerman, B. Houben. Leiden, 2014, vol. 4, pp. 179–208. (doi:10.1163/9789004258396_009).
 59. Mullié Ch. *Biographie des célébrités militaires des armées de terre et de mer de 1789 à 1850. T. II*. Paris, Poignavant, 1851. 559 p.
 60. Pellassy de L'Ousle, J.-J.-F. *Histoire du palais de Compiègne: chronique du séjour des souverains dans ce palais*. Paris. Impr. impériale, 1862. 370 p.
 61. Quérard, J.-M. *La littérature française contemporaine. XIXe siècle. T. I: ABB-BLE*. Paris, Daguin frères, 1842. 631 p.
 62. Révérend A. *Armorial du Premier Empire. Vol. III*. Paris, Bureau de L'Annuaire de la Noblesse, 1896. 351 p.
 63. Roger, P. *Noblesse et chevalerie du comté de Flandre, d'Artois et de Picardie*. Amiens, Impr. de Duval et Herment, 1843. 400 p.
 64. Rousseau J.-J. *Correspondance complète de Jean-Jacques Rousseau. Vol. 5* / Ed. R. A. Leigh. Genève, Institut et Musée Voltaire, 1967. 312 p.
 65. Saint-Alban A. de. *Le baron de Bazancourt* // Le Sport: journal des gens du monde, 1874, 30 Mai, no. 43, pp. 2.
 66. Séché, L. *Muses romantiques: Madame d'Arbouville d'après ses lettres à Sainte-Beuve: 1846–1850: documents inédits, portraits, vues et autographe*. Paris. Mercure de France, 1909. 302 p.
 67. Vapereau, G. *Dictionnaire universel des contemporains: contenant toutes les personnes notables de la France et des pays étrangers. T. 1*. Paris, 1858. 920 p.
 68. Villemessant H. de. *Le baron de Bazancourt* // Figaro, 1865, 29 Janvier, pp. 3–4.
 69. Vitu, A. *Opera-Comique* // Figaro, 1888, 15 Décembre, no. 350, pp. 3.

**BARON DE BAZANCOURT:
LITERATOR, HISTORIAN, MILITARY CORRESPONDENT.
PART I. YOUTH AND THE FIRST NOVEL**

Orekhov V. V.

Frederic Joseph de Bazancourt is mostly known as the "official French historiographer" of the Crimean War. However, the circle of his historical interests was much wider: from the Middle Ages to other military expeditions of the era of Napoleon III. Bazancourt also showed himself as a war correspondent, since he was in 1855 for several months in a camp near Sevastopol, regularly covered military events in letters to the Minister of the Interior of France and published these reports in a separate book. In addition, Bazancourt owns a number of novels and short stories. Although the Baron de Bazancourt occupied a prominent place in the literary life of France in the 19th century, and his historical works still retain their significance today, there is not a single special work dedicated to the fate and work of Bazancourt. The purpose of this article is to partly fill this gap by restoring the biography of Baron de Bazancourt based on fragmentary information and tracing the logic of his creative development as a writer, historian and war correspondent.

Key words: Baron de Bazancourt, defense of Sevastopol, Crimean War, historical novel, Queen's Flying Squadron, Romantic era, historicism, Catherine de Medici.

УДК 821.133.1-311.9

МИФЫ И ИДЕИ ТРАНСГУМАНИЗМА В НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ ФРАНЦИИ ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНА

Храбскова Д. М., Томичева И. В.

*Институт филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь, Российская Федерация
E-mail: danuta.simf@yandex.ru ; irinaptitchca@gmail.com.ru*

Применение мифокритики и мифоанализа – методов исследования текстов и их контекста – к французским постмодернистским научно-фантастическим текстам способно выявить использование некоторых широко известных мифов, пронизывающих не только литературные тексты, но и социальный контекст, отражающих отношения современного французского общества с техно-наукой. В качестве примера рассматривается миф об апофеозе, который скрывается за так называемыми трансгуманистическими идеями. Исследование основывается на тексте научно-фантастического романа Пьера Бордажа «Последние люди» (*Les Derniers Hommes*), затрагивающего научные, философские и духовные вопросы, обсуждающие трансгуманистическую тенденцию. Показано, что научно-фантастические тексты являются мифологическим зеркалом наиболее значимых течений, современного французского общества. Цель статьи – обозначить роль мифологии в жанре научной фантастики Франции постмодернистского периода, а также определить возможное влияние мифологии самой научной фантастики на формировании мировоззрения современного человека.

Ключевые слова: миф, постмодернизм, мифанализ, мифокритика, научная фантастика, трансгуманизм, постчеловечество.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование посвящено взаимоотношениям мифа и научной фантастики в творческом наследии Франции эпохи постмодернизма. Отправной точкой послужил диссонанс между широко распространенной гипотезой о доказанном присутствии мифа в научной фантастике и кажущимся противоречивым утверждением о реалистической природе научно-фантастического повествования.

Актуальность данного исследования обусловлена заслуживающим внимания смещением в середине XX – начале XXI в. мифа и мифологии из области академических знаний в область того, что Вольтер безжалостно назвал бы суевериями. С рядом социальных и идеологических преобразований во Франции появляется парадоксальное двойное движение. С одной стороны, относительно малое использование понятия мифа в гуманитарных науках; с другой стороны, появление во французском обществе литературных и общекультурных течений, определяющих значение мифа, как поиск новых воззрений в ответ на неудовлетворительные доминирующие идеологии. Современная эпоха Франции и Европы в целом переживает беспрецедентную ситуацию: уход в художественную литературу и виртуальность.

Процесс создания новых образов, получивший название воображения, лежит в основе процесса сознания и является отличительной чертой человеческого разума. Она формирует содержание: символы, архетипы, мифы. Мифотворческая деятельность представляется антропологической необходимостью. Зная о неизбежности смерти, человек старается «скоротать время», отгородиться от

мучений, связанных с неизбежно приближающим его к жизненному концу ходом времени, перенося его туда, где с этим легче всего бороться. Мифотворчество придает жизни смысл, дает цель ее существованию. Человек становится создателем богов. Он создает сакральные и символические образы. Дискурс, представленный в виде текста, имеет мифологическую и символическую модель. Миф, в силу активности своей символической функции, не демонстративен: он проникает поступательно, отпечатывая в сознании людей свои уроки, повторяя их для большей убедительности. По мнению Мишеля Маффесоли, представители творческой элиты «материализуют неосязаемый окружающий дух» [18]. Они распространяют общность сознания, ценностей и воображения и выражают посредством своих творческих способностей образные потоки общества.

Реалистический дискурс французской постмодернистской научной фантастики рисует правдоподобные по отношению к настоящему времени футуристические миры. Рождение современного мифа – это способ представить эти миры в перспективе, противостоять различным концепциям техно-науки и ее влияния на будущее человечества. В научно-фантастических текстах наблюдается тенденция к переписыванию мифов, отражающих связь с техно-наукой, корпус которых меняется со временем и напрямую связан с вопросами, надеждами и страхами французского общества по отношению к техно-науке в данный конкретный момент его истории.

Мифы, обнаруженные в научно-фантастическом корпусе французской литературы XX в., резонируют с общественным дискурсом о технологическом всплеске. Эти научно-фантастические мифы отражают основные тенденции в обществе, связанные со стремительным развитием научных технологий. В романе *Les derniers hommes* Бордажа находим подтверждение: “Un don chez les uns peut s'appeler connaissance chez les autres” [10]. (Перевод с французского: «Дар у одних может называться знанием у других».)

Исследование подчёркивает интерес изучения научной фантастики Франции для определения и понимания взаимоотношений французского общества с техно-наукой и ее достижениями.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Миф о Геракле, или Архетип трансцендентного человечества

Постмодернистская французская научная фантастика широко использует значительную часть того, что называется мифом о Геракле или архетипом трансцендентного человечества. Это история о том, как человек может изменить свою природу, чтобы выйти за пределы своего состояния. Этот архетип находит свою модель в мифе о Геракле: родившись полубогом, по приказу богов Геракл должен выполнять различные задания. Чтобы избежать страданий, вызванных вероломным подарком его жены в виде отравленной туники, он восходит на костер, уничтожающий его смертную составляющую и позволяющий ему получить доступ к «чудесной и благословенной жизни Бессмертных» [15; с. 229]. Это трансцендентная метаморфоза героя – апофеоз, переход Геракла от статуса героя к статусу Бога и его вход в мир Бессмертных.

Однако научная фантастика предлагает альтернативный вариант: в ее текстах появляются персонажи в трансцендентной форме человека, однако эти изменения уже являются результатом научно-технического вмешательства. Это подчеркивает демиургическую силу людей, выбирающих трансцендентность не через духовный поиск, как это было в традиционных обществах, а через обращение к техно-науке. Генетика является одной из наиболее часто упоминаемых технологий, но писатели-фантасты также используют нано- и информационные технологии. Речь идет о смене перспективы, при которой техно-наука как бы вытесняет духовное и сакральное измерение традиционного мифа. Изменение перспективы также вносит решающее изменение в архетип трансцендентного человечества по сравнению с традиционными мифами. Трансцендентность становится техно-научной, освоенной и контролируемой. Это означает, что она больше не связана с избранностью или исключительностью и может быть доступна любому из людей. “Proposez à n'importe quel crétin de devenir un élu, un être supérieur, et il vous suivra aveuglément. Ça s'est toujours passé comme ça dans l'histoire...” – пишет Пьер Бордаж [10]. (Перевод с французского: «Предложите любому придурку стать избранным, высшим существом, и он будет слепо следовать за вами. Так всегда было в истории...»).

Научно-фантастический пример трансцендентного человечества

Миф о трансцендентности повторяется в современной мировой научной фантастике и научной фантастике Франции, в частности.

В произведении французского автора научно-фантастических романов Пьера Бордажа герои часто переживают трансцендентность, чаще всего духовную и традиционную, как, например, в цикле «Воители безмолвия» (*Les Guerriers du silence*) [2]. Герои выходят за границы своего человеческого состояния благодаря обращению к духовным силам, связанным с медитацией. Однако в романе «Последние люди» (*Les Derniers Hommes*) [10] Бордаж выдвигает на сцену научно-техническую сублимацию: его герой, Сольман, наделен способностью ясновидения, которая позволяет ему руководить последними выжившими представителями уничтоженного войной человечества. В конце своих исканий он понимает, что апокалипсис, с которым столкнулось человечество, был запрограммирован «Избранными», то есть генетически модифицированными для достижения состояния совершенства людьми, называемыми в романе «Ангелами». Считая себя идеальной версией старого, переполненного пороками человечества, этот новый вид присвоил себе право уничтожать несовершенных людей. Бордаж демонстрирует antecedentное преступление и план геноцида новой расы людей, раскрывая её крайнюю бесчеловечность: “Tant que les hommes n'auraient pas pris conscience qu'aucun d'eux n'était ni inférieur ni supérieur aux autres, qu'ils étaient associés pour le meilleur et pour le pire [...], ils poursuivraient l'oeuvre d'anéantissement qu'ils avaient entreprise depuis la nuit des temps” [10]. (Перевод с французского: «До тех пор, пока люди не осознают, что ни один из них не лучше и не хуже другого, что они связаны, к лучшему или к худшему, [...], они будут продолжать уничтожать друг друга, как это происходит с незапамятных времен»). Это критическое измерение становится тем более сильным, что его герою, Сольману, предлагается возможность вступить в ряды «Ангелов»,

лишившись всех своих недостатков, включая мучающую его с самого начала романа хромоту. Но Сольман, представленный как просвещенный герой, отказывается от этой сублимации и выбирает человечность во имя сострадания. Он жертвует собой, чтобы уничтожить компьютеризированную сублимационную установку «Ангелов» и предложить человечеству второй шанс. Мы можем видеть, как конфигурация повествования позволяет подвергать критике идею физической модификации человечества для достижения совершенства, которое может подтолкнуть «избранных», претендующих на «элитарность, святость и право судить», к геноциду.

Миф об изменении человеческой природы до степени трансцендентности встречается в произведениях научной фантастики не только Франции. Авторы дают свое прочтение этой темы, что позволяет взглянуть на вопрос трансцендентного человечества в перспективе, рассмотреть все его аспекты.

Исследование не должно останавливаться только на литературных текстах. Рассмотрение научно-фантастических мифов должно быть сопряжено с дискурсами, которых придерживается общество в отношении научно-технического прогресса. Пересечение мифа и техно-науки не ограничивается исключительно научной фантастикой. Представляется возможным утверждать, что современная научная фантастика подпитывается идеями, персонажами, концепциями или ссылками, относящимися не к научно-фантастической литературной традиции, а к современным научным, философским и духовным дискурсам. Часть интерактивного научно-фантастического текста сплетена со ссылками на современные, не связанные с наукой суждения.

С методологической точки зрения, в исследовании французского постмодернистского научно-фантастического интертекста наблюдается переход от мифокритики к тому, что Жильбер Дюран назвал мифанализом. Этот переход происходит с пониманием того, что миф, переданный в данном произведении, является отражением великих мифов, пронизывающих социальный дискурс в целом. Речь идет о переходе от мифокритики, то есть анализа сугубо литературных текстов, к мифанализу, предлагающему применение методов, разработанных для анализа текста, к более широкому полю – социальным практикам, институтам, памятникам и документам. Иными словами, переходу от литературного текста ко всем окружающим его контекстам [14, с. 133, с. 205].

От трансцендентности к перезагрузке:

современная мечта об анахроничной природе человеческого существа

На первый взгляд источники научных, философских и духовных дискуссий неоднородны. Ссылки уходят корнями в то, что журналист и писатель Реми Суссан называет «постапокалиптическими» или «трансгуманистическими» утопиями [20], являющимися результатом конвергентных связей между научным, спиритуалистическим дискурсом, породившими движение *New Age*, и философскими дискурсами о науке, технологии и этике со второй половины XX века [17].

Идея анахроничной человеческой формы и человека, близкого к божеству, лежит в основе так называемых «трансгуманистических» дискурсов. Согласно определению, данному Реми Суссаном, трансгуманизм – это современное движение,

которое способствует преобразованию человеческой природы с помощью технологий [20]. Его целью является использование всех возможных ресурсов, химических, духовных, органических или других, для достижения постчеловеческого или даже «постбиологического» состояния. Главной целью трансгуманистов является бессмертие и снятие всех ограничений человеческих возможностей для его превращения в высшее существо, отделённое в конечном итоге от материальных условностей плоти и всего биологического.

Тема улучшения и трансценденции рода человеческого встречается также у философов, занимающихся вопросами техно-науки. Часто это вопрос наблюдения. Например, Ив Мишо в своей книге *Humain, inhumain, trop humain* высказывает идею о том, что современный человек владеет новыми формами власти над собой [19; с. 12–13]. По его наблюдениям, произошли радикальные изменения в отношениях человека с окружающей средой, а также себе подобными: мифическая идея трансцендентности человека стала областью возможного. Бордаж высказывается следующим образом: “L'univers est régi par des lois que nous ne connaissons pas. Ce n'est pas parce qu'on ignore certaines choses qu'elles n'existent pas” [10]. (Перевод с французского: «Вселенная управляется законами, которых мы не знаем. Только потому, что мы не знаем некоторых вещей, это не означает, что их не существует»).

Помимо простого наблюдения или критики трансгуманистических движений, идея трансцендентности теоретизируется некоторыми философами. Например, бельгийский профессор философии, специализирующийся в области биоэтики, Жильбер Хоттуа. Он утверждает, что поиск трансцендентности присущ человеку и что некогда он осуществлялся символическим путем. Хоттуа настаивает на том, что сегодня это обусловлено и даже стало возможным благодаря использованию достижений стремительно развивающейся науки. Он называет это оперативной трансцендентностью [16; с. 129]. Фактически, Хоттуа противопоставляет «символическую трансцендентность человечества», представляемую посредством языка, но являющуюся лишь формой его остающегося принципиально неизменным естественного состояния, и «оперативную трансцендентность человеческого вида» как двигателя будущей эволюции под эгидой техно-научных исследований и разработок. Оперативные трансценденции представляют собой радикальный пересмотр человеческой природы через трансформацию тела, мозга, способов размножения, коммуникации и взаимодействия [16; с. 138–139]. Именно эта концепция оперативной трансцендентности получила широкое развитие в произведениях научной фантастики, иногда сопровождающейся символическим языком. Например, в *Les Derniers Hommes* Пьера Бордажа, трансцендентное человечество окрестило себя «Ангелами» или «Избранными»: “Les dogmes religieux et les recherches scientifiques se rejoignent dans l'idée de dégager une élite. Les uns proposent le paradis céleste à leurs fidèles, les autres un paradis terrestre à leurs adeptes. Les deux jouent sur le désir d'immortalité, ou sur le refus du temps, ce qui revient au même” [10]. (Перевод с французского: «Религиозные догмы и научные исследования объединяются в идее создания элиты. Одни предлагают небесный рай своим

преданным последователям, другие – рай земной. И те, и другие играют на стремлении к бессмертию или на отрицании времени, что равносильно»).

ВЫВОДЫ

Мифы можно считать предтечей решительно всех поджанров фантастики. Авторы «основного потока» постмодернистской французской фантастики часто делают кого-то из своих персонажей ожившим подобием героя одного из древних мифов, стараясь вычленив в первоисточнике рациональное зерно, объясняющее совершаемые в соответствии с мифологическими сюжетами поступки героев. Заимствования из древних первоисточников лежат прямо на поверхности. Представляется удивительной глубинная связь между мифами и научным мировоззрением: не менее тесная, чем подобная связь между «твёрдой» фантастикой и наукой.

Несмотря на небольшой формат, в данном исследовании представилась возможность частично показать, насколько плодотворным может оказаться мифокритический и мифоаналитический метод анализа в случае научной фантастики. Мифокритический анализ различных корпусов – романов, фильмов, сериалов, комиксов, видеоигр – позволяет выявить известные мифы, используемые постмодернистским французским обществом в отношении с современной наукой. Его мифоаналитическое расширение оказывается незаменимым в более широкой социологической перспективе выявления основных тенденций современного общества, в частности, общества Франции.

Связь между реальностью и вымыслом вновь подтверждается в зеркальных отношениях: научно-фантастические мифы на самом деле являются лишь отражением фантазийных отношений человечества с техно-наукой.

Список литературы

1. *Барт Р.* Мифологии. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. – 320 с.
2. *Бордаж П.* Воители Безмолвия. Мать-земля. – СПб.: Издательство Арт, 2005 – 229 с.
3. *Ермолин Е. А.* Миф и культура. – Ярославль, 2002. – 122 с.
4. *Козлов А. С.* Мифологическое направление в литературоведении США. – М.: Высшая школа, 1984. – 175 с.
5. *Кэмпбелл Дж.* Тысячеликий герой. – М.; К., 1997. – 378 с.
6. *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа. – М.: Правда, 1990. – 558 с.
7. *Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. – М.: Прогресс-Культура, 1995. – 623 с.
8. *Хюбнер К.* Истина мифа. – М.: Республика, 1996. – 448 с.
9. *Юнг К. Г.* О современных мифах. – М.: Практика, 1994. – 251 с.
10. *Bordage P.* Les Derniers hommes. – Paris: Éditions J'ai lu, 2002. – 607 p.
11. *Bordage P.* Terra Mater. – Paris: Éditions J'ai lu, 1994. – 576 p.
12. *Durand G.* Introduction à la mythodologie. Mythes et sociétés. – Paris: Albin Michel, 1996. – 243 p.
13. *Durand G.* Les structures anthropologiques de l'imaginaire. – 11 edition. – Paris: Dunod, 1992. – 384 p.
14. *Durand G.* Méthode archétypologique: de la mythocritique à la mythanalyse: Champs de l'imaginaire. – Grenoble: ELLUG, 1996. – 262 p.

15. Guirand F., Schmidt J. *Mythes et mythologies. Histoire et dictionnaire.* – Paris: Larousse, 1996. – 875 p.
16. Hottois G. *Transcendances symboliques et techniques: Philosophie et Science-fiction.* – Paris: Librairie philosophique, 2000. – 156 p.
17. Lacroix M. *L'idéologie du New Age.* – Paris: Flammarion, 1998. – 125 p.
18. Maffesoli M. *Au creux des apparences.* – Paris: Plon, 1990. – 336 p.
19. Michaud Y. *Humain, inhumain, trop humain.* – Paris: Climats, 2001. – 125 p.
20. Sussan R. *Les utopies posthumaines. Contre-culture, cyberculture, culture du chaos.* – Sophia-Antipolis: Omniscience, 2005. – 287 p.

References

1. Bart R. *Mifologii* [Mythology]. Moscow, Sabashnikovyh Publ., 2000. 320 p.
2. Bordazh P. *Voiteli Bezmolvija. Mat'-zemlja* [Warriors of silence. Mother Earth]. Saint-Petersburgh, Ars Publ., 2005. 229 p.
3. Ermolin E. A. *Mif i kul'tura* [Myth and culture]. Jaroslavl', 2002. 122 p.
4. Kozlov A. S. *Mifologicheskoe napravlenie v literaturovedenii SShA* [Mythological direction in literary studies of the USA]. Moscow, Vysshaja shkola Publ., 1984. 175 p.
5. Kjempebell Dzh. *Tysjachelikij geroj* [The Thousand-faced Hero]. – Moscow; Kiev, 1997. 378 p.
6. Losev A.F. *Dialektika mifa* [The Dialectic of myth]. Moscow, Pravda Publ., 1990. 558 p.
7. Toporov V. N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovanija v oblasti mifopojeticheskogo* [Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the field of mythopoeic]. Moscow, Progress-Kul'tura Publ., 1995. 623 p.
8. Hjubner K. *Istina mifa* [The truth of the myth]. Moscow, Respublika Publ., 1996. 448 p.
9. Jung K. G. *O sovremennyh mifah* [About modern myths]. Moscow, Praktika Publ., 1994. 251 p.
10. Bordage P. *Les Derniers hommes.* Paris, Éditions J'ai lu, 2002. 607 p.
11. Bordage P. *Terra Mater.* Paris, Éditions J'ai lu, 1994. 576 p.
12. Durand G. *Introduction à la mythodologie. Mythes et sociétés.* Paris, Albin Michel, 1996. 243 p.
13. Durand G. *Les structures anthropologiques de l'imaginaire.* 11 edition. Paris, Dunod, 1992. 384 p.
14. Durand G. *Méthode archétypologique: de la mythocritique à la mythanalyse: Champs de l'imaginaire.* Grenoble, ELLUG, 1996. 262 p.
15. Guirand F., Schmidt J. *Mythes et mythologies. Histoire et dictionnaire.* Paris: Larousse, 1996. 875 p.
16. Hottois G. *Transcendances symboliques et techniques: Philosophie et Science-fiction.* Paris, Librairie philosophique, 2000. 156 p.
17. Lacroix M. *L'idéologie du New Age.* Paris, Flammarion, 1998. 125 p.
18. Maffesoli M. *Au creux des apparences.* Paris, Plon, 1990. 336 p.
19. Michaud Y. *Humain, inhumain, trop humain.* Paris, Climats, 2001. 125 p.
20. Sussan R. *Les utopies posthumaines. Contre-culture, cyberculture, culture du chaos.* Sophia-Antipolis, Omniscience, 2005. 287 p.

**IDEAS OF TRANSHUMANISM IN SCIENCE FICTION
POSTMODERN FRANCE**

Khrabskova D. M., Tomicheva I. V.

The application of mythocriticism and mythoanalysis, methods of studying texts and their context, to French postmodern science fiction texts can reveal the use of some well-known myths that permeate not only literary texts, but also the social context, as well as the relations of modern French society with techno-science that generate new myths. As an example, the myth of apotheosis, which is hidden behind the so-called transhumanistic ideas, is considered. The research is based on the text of Pierre Bordage's science fiction novel *Les Derniers Hommes* and touches on scientific, philosophical and spiritual discourses discussing the transhumanist trend. It is shown that science fiction texts are a mythological mirror of the most significant currents passing through modern French society.

The object of the study is the postmodern science fiction works of France. The subject of the study is the mythology formed by the genre of science fiction.

The research material is based on the novels of the French science fiction writer Pierre Bordage. The aim is to identify the role of mythology in the genre of science fiction in France of the Postmodernist period, as well as to determine the possible influence of the mythology of science fiction itself on the formation of the worldview of contemporary person. The achievement of this goal has set a number of tasks: to show the effectiveness of the mythocritical and mythoanalytic method of analysis in the case of science fiction; to identify the process of transformation of myth in the works of science fiction in France; to outline the ratio of mythological and scientific-technical components in the genre of science fiction in France of the postmodern era.

The work uses typological, socio-cultural methods, as well as methods of holistic, mythocritical and mythoanalytic analysis of a work of fiction.

Key words: myth, postmodernism, myth analysis, myth criticism, science fiction, transhumanism, posthumanism.

2. СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА, ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

УДК 811.112.2:81'3

КОНСТРУИРОВАНИЕ ВИРТУАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ ВКОНТАКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Петренко Д. А., Лихачёв Э. В., Чернышова М. В.

*Институт филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского», Симферополь, Российская Федерация
E-mail: daniil.petrenko@list.ru; margomarina2003@mail.ru; eduard.evp@gmail.com*

Статья посвящена проблеме конструирования виртуальной языковой личности. Цифровизация общества является причиной быстрого роста числа участников виртуальной коммуникации, что обуславливает актуальность лингвистического исследования языковой самопрезентации пользователей социальных сетей. В статье рассматриваются определения термина «виртуальная личность», исследуется вербальный и невербальный инструментарий манифестации виртуальной личности, выделяются лексические и стилистические особенности речи пользователей. В ходе исследования применялись методы наблюдения, описания, обобщения, лингвостилистического анализа. Материалом послужили 122 страницы немецкоязычных пользователей ВКонтакте, всего было проанализировано более 1000 текстов и более 7000 высказываний. Полученные результаты можно обобщить следующим образом: коммуникация в социальной сети направлена на создание и поддержание имиджа, образа пользователя; характерными особенностями виртуальной языковой личности являются полиидентичность, динамичность, свобода самореализации и многостильность коммуникации; виртуальная языковая личность самовыражается за счет визуальных и языковых средств, что проявляется в никнейме, статусе, основной информации страницы, постоянном веб-адресе; речь пользователя социальной сети характеризуется большим количеством жаргонизмов, неологизмов, окказионализмов, высокой образностью, наличием прецедентных феноменов и интернет-мемов, принадлежностью к разговорному стилю и языковой игрой.

Ключевые слова: виртуальная коммуникация, виртуальная языковая личность, полиидентичность, средства языковой выразительности, лингвостилистический аспект.

ВВЕДЕНИЕ

Двадцатый век ознаменовался научно-промышленной революцией, в ходе которой ведущим фактором производства стала наука, а индустриальное общество трансформировалось в постиндустриальное. На смену третьей промышленной революции в начале двадцатого века приходит четвертая [11], в основе которой лежит трансформация технологической инфраструктуры и ускоряющаяся цифровизация всей цивилизации. «Нефтью» четвертой промышленной революции называют данные [2], ежегодный рост объема которых составляет 30%, что позволяет говорить об «информационном взрыве» [4]. Согласно данным отчета по статистике интернета Global Digital 2022, численность интернет-аудитории в начале 2022 года составляла 4,95 млрд. пользователей или 62,5% мирового населения [10]. Каждый пользователь в среднем ежедневно проводит в интернете 7 часов (43% времени бодрствования), из них – около двух с половиной часов в социальных сетях, что составляет примерно 15% времени бодрствования. Ввиду вышеизложенного,

актуальным представляется исследование виртуальной языковой личности немецкоязычных пользователей социальной сети ВКонтакте.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Ход исследования

Материалом исследования послужили странички немецкоязычных пользователей ВКонтакте и их никнеймы, статусы и посты, опубликованные в 2022 году. Общее число информантов составило 122 носителя немецкого языка (62 мужчины и 60 женщин в возрасте от 18 до 35 лет). Текстовый корпус составил более 1000 текстов или более 7000 высказываний. Анализ языковых особенностей выполнялся на лексическом, грамматическом и стилистическом уровнях. Теоретическую базу исследования составили труды по теории виртуальной коммуникации [1; 3; 5; 6], которые позволили подобрать наиболее релевантное определение понятия виртуальной личности для дальнейшего формирования корпуса исследования.

Понятие виртуальной личности

Вовлеченность большей части мирового населения в виртуальную коммуникацию и разнообразие подходов к определению рассматриваемого феномена обуславливает наличие различных дефиниций. С точки зрения теории виртуальной коммуникации под виртуальной личностью необходимо понимать любого участника виртуального дискурса, т. н. «человека кликающего», «пост-человека» (англ. «*post-human*») [цит. по 5, с. 289]. Обязательным атрибутом пользователя интернета является «цифровой отпечаток» [9], т. е. история поисковых запросов, авторизаций и посещений различных веб-страниц. Таким образом, термин «цифровая личность» можно рассматривать как синоним термина «виртуальная личность» в его широком понимании.

В исследованиях интернет-зависимости виртуальная личность противопоставляется реальной личности [цит. по: 5, с. 289]. Термин наполняется такими негативными коннотациями, как зависимость, аксиологическая переориентация (виртуальная коммуникация ставится выше реального здоровья), виртуализация психики. Виртуальная реальность представляется как массовая галлюцинация, в которой разрушение традиционного образа мышления приводит к патологической деформации личности. В такой психологической трактовке увеличение объема понятия приводит к уменьшению его содержания, что является нерелевантным для данного лингвистического исследования.

Нидерландский философ Й. Хёйзинга писал о «человеке играющем» (*homo ludens*) [8]. Игровая концепция культуры находит свое отражение и в рамках виртуальной коммуникации – в видеоигры, в том числе онлайн, играют миллиарды человек [13]. В рамках вселенных многопользовательских онлайн-игр пользователи общаются, управляя созданными в игровом мире персонажами, наделенными индивидуальными визуальными и физическими характеристиками. Несмотря на ассоциацию себя и других пользователей с подконтрольными игровыми аватарами, участники коммуникации полностью отдают себе отчет в несовпадении реальных личностей и вымышленных аватаров.

Под виртуальной личностью также понимают вымышленную личность, которая существует только в пределах социальной сети. Создателем такой вымышленной личности может выступать как реальный человек, и тогда такая страница считается «фейковой», так и программа-скрипт или текстовый робот. Чат-боты выполняют сервисные функции, ведя переписку от лица компании на официальных сайтах или в каналах мессенджеров. Фейковые страницы намеренно вводят других пользователей в заблуждение – недобросовестные участники интернет-коммуникации используют их для анонимизации и последующих противоправных действий (мошеннические схемы, накрутки голосов, преследование других пользователей и т.д.). С развитием нейросетей [7] доля страниц, представленных такими виртуальными личностями, может увеличиться.

Наиболее релевантным для исследований языковых личностей пользователей Интернета представляется определение «виртуальной языковой личности как сплава личности реальной с ее сконструированным образом» [5, с. 290]. Участники виртуальной коммуникации не могут с уверенностью утверждать, насколько личность их адресата совпадает с реальной личностью отправителя, который может пользоваться как вымышленным образом, так и не разграничивать свою реальную и сетевую личность. Желание предстать в более выгодном свете перед адресатом заставляет адресанта конструировать определенный образ, используя при этом визуальные и языковые средства.

Конструирование виртуальной языковой личности

Персональная страница в социальной сети ВКонтакте предоставляет широкие возможности самовыражения. К невербальным средствам относится загрузка медиаконтента и редактирование аватара, использование эмодзи (🎵*Zurückgerudert!*🎵 «Дал заднюю!»), прописного текста – т. н. шрифта CAPS LOCK для передачи интонационных особенностей и увеличения интенсивности высказывания (*DU SOLLST GESPRÄCH DISTILLIEREN, DU SPINNER!* «ФИЛЬТРУЙ БАЗАР, ДОДИК!»); *ICH LEBE AUF ÜBERHOLSPUR* «Я ЖИВУ В КАЙФ», *WAS SOLL DIESER BERICHT AUS ABSURDISTAN?* «ЧТО ЗА ЧУШЬ?»), усечения (*Ich geh aufs Ganz* «Я иду ва-банк»; *Um die Nas' gführ!* «Наколол!»), повторения букв и знаков препинания (*Alles sheeeeeeeeeeeesh!!!!* «Все прикооооооольно!»), попеременное использование строчных и прописных букв (*gUcKe gUcKe aLtE kLuCke!* «Смотри, старая клуша!»); *was gLotZt dU?* «Че уставился?»).

Регистрация в социальной сети начинается с указания имени и фамилии пользователя, зачастую в обращении к пользователю между ними добавляется никнейм, например, *Heinz „Macho“ Müller* «Хайнц «мачо» Мюллер», *Lisa „Schönheit“ Schneider* «Лиза «красотка» Шнайдер», *Heinrich „Spieß“ Schmidt* «Хайнрих «приколист» Шмидт».

Созданию желательного образа также способствует уникальный статус. В основе таких философских или юмористических высказываний чаще всего лежат антитезы: *Entfernung trennt nur Körper, niemals Herzen* «Расстояние разделяет только тела, никогда сердца»; *Bei der falschen Person kannst du nichts richtig machen. Bei der richtigen Person kannst du nichts falsch machen* «С неправильным человек ты ничего не

можешь сделать правильно. С правильным человеком ты ничего не можешь сделать неправильно»; *Höre nie auf, anzufangen und fange nie an, aufzuhören* «Никогда не прекращай начинать и никогда не начинай прекращать»; *Ein Tropfen Liebe ist mehr als Ozean Verstand* «Капля любви больше, чем океан разума»; *Es sind die Augenblicke die zählen, nicht die Dinge* «Считаются моменты, а не вещи». Другими важными стилистическими средствами являются олицетворения (*Der Mund kann lachen, selbst wenn das Herz weint* «Рот может улыбаться, даже когда сердце плачет»; *Die Zeit vergeht nicht schneller als früher, aber wir laufen eiliger an ihr vorbei* «Время проходит не быстрее, чем раньше, но мы пробегаем в большей спешке мимо»), сравнения (*Chancen sind, wie Sonnenaufgänge – wer zu lange wartet, verpasst sie* «Шансы как восходы солнца – если ждешь слишком долго, то можешь пропустить»; *Du bist wie guter Wein: Nicht älter, sondern besser!* «Ты как хорошее вино: не старше, а лучше!»), эпитеты (*Du bist die süßeste Versuchung – obwohl es Schokolade gibt* «Ты – самое сладкое искушение – несмотря на то, что есть шоколад»; *Wilde Typen wie Du werden nicht älter sondern lässiger* «Дикие парни вроде тебя становятся не старше, а непринужденнее»), повторы (*Ein Leben voller Freundschaft ist ein gutes Leben* «Жизнь, наполненная дружбой, это хорошая жизнь»; *Ewig dein, ewig meine, ewig uns* «Навсегда твой, навсегда моя, навсегда мы»; *Es gibt drei Wege zu meinem Herzen: Kauf mir Essen. Mach mir Essen. Sei Essen* «Существуют три пути к моему сердцу: покупай мне еду. Готовь мне еду. Будь едой»), игра слов (*Ich bin WG-tarisch: Ich esse, was meine Mitbewohner kochen* «В еде я ВГ-тарианец: ем то, что готовят мои соседи»; *Tja, liebe Autokorrektur! Der Klügere gibt Nachos* «Ах, дорогой Т9! Умный отдаст начо»).

Еще одним важным элементом персонализации страницы является «стена» или лента постов – сообщений от самого пользователя и репостов других страниц. Чаще всего, пост состоит из вербальных и невербальных компонентов (фото-, видео-, аудиоматериалы). Даже в случае отсутствия аудиовизуальной составляющей, пользователи тяготеют к сокращению текста – более длинные тексты пренебрежительно называются *Brücke* (дословно «мост», в российском сегменте интернета – «простыня») прячутся «под кат» и имеют меньше шансов быть прочитанными. Результаты синтаксического анализа подтверждают общие тенденции к сокращению текстовой информации, адаптации под клиповое мышление других пользователей:

1. Преимущественное использование простых предложений:

Das wird noch interessant. («Будет интересно»)

Das macht mich fertig. («Меня это добивает»)

Hab ich das richtig verstanden? («Я верно поняла?»)

2. Широкое применение односоставных предложений и эллиптических конструкций:

Daraufhin Blockage. («После этого бан»)

Kriminelle auf Droge. («Преступник под кайфом»)

Die Witze aus. («Шутки закончились»)

3. Номинативный характер предложений:

Eine längere Überlegung ist dann aber dabei raus. («Но при этом здесь [появляется] более длительное размышление»)

4. Эмфатическая пунктуация:

Abba ... abba ... abba ... abba ... abba ... abba ... abba ... abba ... näääh, wie kann denn das seiiiiin? («Но..но..но.. [...] нууу, как же это возможно?») *Ich fahre aus der Haut!!! Alles fährt aus dem Ruder!!!!!! Hat sie etwa einen Vogel?!?!* («Я выхожу из себя!!! Все выходит из-под контроля!!!! Она что, с приветом?!?!?»)

5. Эмфатический порядок слов:

Idiotensicher war das schon immer. («Дураку понятно это всегда было»)

Zusammengekratzt hat er doch das Geld. («Деньги наскреб он»)

Geld schaufeln wirst du hier nicht. («Грести бабло лопатой ты здесь не будешь»)

Лексические особенности речи виртуальной языковой личности

Жанровой особенностью виртуальной коммуникации является ее анонимность и ограниченный сенсорный опыт [1, с. 40]. Зачастую целью коммуникации в интернете становится введение в заблуждение других пользователей, либо повышение чувства собственного превосходства за чужой счет, что приводит к нарушению сетевого этикета в виде флуда, флейма, спама, скама, буллинга, троллинга, газлайтинга, шейминга, хейта и т.п. коммуникативных актов, ограниченных в реальном общении немедленными физическими последствиями для адресанта. Лексические характеристики речи немецкоязычных пользователей социальных сетей можно сформулировать следующим образом:

1. Значительное количество неологизмов (*die Gammelfleischparty* «вечеринка для тех, кому за 30»; *bodenlos* «проблематичный»; *Buntland* «разноцветная страна»; *dopamin-überfrachtete Welt* «мир, перегруженный допамином», *Wokeismus* «пробужденчество»). Некоторые из них отмечаются как слово года молодежи – например, в 2021 году это был *Cringe* «испанский стыд», а в 2022 году *Smash* «флирт, подкат, заигрывание» [12].
2. Широко представлены заимствования из английского языка (*gedownloadet* «скачал»; *geemailt* «отправил электронное письмо»; *getunt* «настроил»; *gesteamt* «купил в стиме»; *gecleart* «очистил»; *gecheckt* «проверил»; *der Crush* «новая романтическая связь»; *der Vkonakte-Influencer* «лидер общественного мнения ВКонтакте».
3. Употребление эмоциональной лексики, часто со сниженной стилистической окраской (*der Schlamassel* «неразбериха»; *vor Glück aus dem Häuschen sein* «сойти с ума от счастья»; *aus den Wolken fallen* «свихнуться от радости»; *mir*

ist alles Käse/Wurst «мне все по барабану/фиолетово»; *die kalte Schulter zeigen* «отказаться»; *durch den Kakao ziehen* «прикалываться»; *aufs Ganze gehen* «идти ва-банк»; *alles auf den Wind schlagen* «забить на все»; *die Beine in den Bauch stehen* «долго ждать»; *nicht alle Tassen im Schrank haben* «не все дома»; *schmutzige Wäsche waschen* «перемывать кости»; *du kannst mir gestohlen bleiben* «знать тебя больше не хочу»; *positive Früchte von etwas tragen* «иметь выгоду с чего-то»; *der innere Schweinehund* «безвольность»; *die Blechlavine* «автомобильная пробка»; *der Laufbursche* «бегунок»; *Stirn bieten* «дать отпор»; *am Arsch der Welt* «черт знает где».

ВЫВОДЫ

Широкие возможности редактирования основных атрибутов страницы (аватар, статус, лента постов) позволяют утверждать о динамичности, полиидентичности, многостильности виртуальной языковой личности, которая представляет собой самопрезентацию реальной личности в интернете посредством визуальных и языковых средств. Речи пользователей социальных сетей присущ разговорный стиль, заимствований и неологизмов, упрощенный синтаксис, высокая эмоциональность и образность высказываний. Опосредованность и анонимность коммуникации обуславливает возможность нарушений сетевого этикета, выражающихся в виде троллинга, флейма, хейта и других коммуникативных жанров, дальнейшее исследование которых представляется перспективным. Результаты данного исследования могут быть применены в преподавании таких дисциплин, как основы виртуальной коммуникации, лексикология и коммуникативные стратегии немецкого языка.

Список литературы

1. *Гермашева Т. М.* Виртуальная языковая личность в пространстве блог-дискурса // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2014. – № 2. – С. 36–40.
2. Данные. – Режим доступа: <https://http://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%94%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5>. – (Дата обращения: 26.12.2022).
3. *Зеленовская А. В.* Формирование языковой личности в сети Инстаграм // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. – 2021. – № 4. – Режим доступа: <https://scipress.ru/philology/articles/formirovanie-yazykovoj-lichnosti-v-seti-instagram.html>. – (Дата обращения: 20.12.2022).
4. Информационный взрыв. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%BD%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%B2%D0%B7%D1%80%D1%8B%D0%B2. – (Дата обращения: 26.12.2022).
5. *Лутвинова О. В.* Виртуальная языковая личность: к определению понятия // МНКО. – 2015. – № 1. – (50). – С. 288–292.

6. Матусевич А. А. Общение в социальных сетях: прагматический, коммуникативный, лингвостилистический характеристики: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Киров, 2016. – 190 с.
7. На что способен ChatGPT: от кода до стихов и диалогов. – Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/63a192819a79478fae5762ad>. – (Дата обращения: 15.12.2022).
8. Хейзинга Й. Человек играющий. – Санкт-Петербург: Азбука, 2019 г. – 400 с.
9. Что такое цифровой след? – Режим доступа: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/definitions/what-is-a-digital-footprint>. – (Дата обращения: 19.12.2022).
10. Чуранов Е. Статистика интернета и соцсетей на 2022 год – цифры и тренды в мире и в России. – Режим доступа: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2022-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/>. – (Дата обращения: 26.12.2022).
11. Шестакова И. Г. Качественный скачок скорости развития: переход в новую реальность // Гуманитарная информатика. – 2017. – № 12. – С. 14–22.
12. Das Jugendwort des Jahres 2022 – Smash or Pass? – Режим доступа: https://www.hdm-stuttgart.de/view_news?ident=news20221027141328#:~:text=Das%20Jugendwort%20des%20Jahres%202022%20wurde%20gek%C3%BCrt%20und%20lautet%20E2%80%9Esmash.zerbrechen%22%20oder%20E2%80%9Ezerschmettern%22. – (Дата обращения: 22.12.2022).
13. Gaming & digitale Inhalte. – Режим доступа: <https://www.evz.de/einkaufen-internet/gaming.html>. – (Дата обращения: 17.12.2022).

References

1. Germasheva T. M. *Virtual'naja jazykovaja lichnost' v prostranstve blog-diskursa* [The virtual language personality in blog-discourse space]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Filologija i iskusstvovedenie*, 2014, no. 2, pp. 36–40.
2. *Dannye* [Data]. Available from: <https://http://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%94%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5> (accessed 26 December 2022).
3. Zelenovskaja A. V. *Formirovanie jazykovoj lichnosti v seti Instagram* [Formation of a linguistic personality on the Instagram network]. *Filologicheskij aspekt: mezhdunarodnyj nauchno-prakticheskij zhurnal*, 2021, no. 4. Available from: <https://scipress.ru/philology/articles/formirovanie-yazykovoj-lichnosti-v-seti-instagram.html> (accessed 20 December 2022).
4. *Informacionnyj vzryv* [Information explosion]. Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%BD%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%B2%D0%B7%D1%80%D1%8B%D0%B2 (accessed 26 December 2022).
5. Lutovinova O. V. *Virtual'naja jazykovaja lichnost': k opredeleniju ponjatija* [Virtual linguistic personality: defining the notion]. *MNKO*, 2015, no.1, pp. 288–292.
6. Matusevich A. A. *Obshhenie v social'nyh setjah: pragmaticheskij, kommunikativnyj, lingvostilisticheskij harakterstiki: Dis. ... kand. filol. nauk* [Social media communication: pragmatic, communicative, linguistic aspects of characterisation. Thesis]. Kirov, 2016, 190 p.
7. *Na chto sposoben ChatGPT: ot koda do stihov i dialogov* [What ChatGPT can do: from code to verse and dialogues]. Available from: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/63a192819a79478fae5762ad> (accessed 15 December 2022).
8. Hjozjinga J. *Chelovek igrajuščij* [Homo ludens]. Saint-Petersburg, Azbuka, 2019. 400 p.
9. *Chto takoe cifrovoj sled?* [What is a digital footprint?]. Available from: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/definitions/what-is-a-digital-footprint> (accessed 19 December 2022).

10. Churanov E. *Statistika interneta i socsetej na 2022 god - cifry i trendy v mire i v Rossii* [Internet and social media statistics for 2022 - figures and trends globally and in Russia]. Available from: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2022-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/> (accessed 26 December 2022).
11. Shestakova I. G. *Kachestvennyj skachok skorosti razvitija: perehod v novuju real'nost'* [A qualitative leap in the speed of development: the transition to a new reality]. *Gumanitarnaja informatika*, 2017, no.12, pp. 14–22.
12. *Das Jugendwort des Jahres 2022 – Smash or Pass?* Available from: https://www.hdm-stuttgart.de/view_news?ident=news20221027141328#:~:text=Das%20Jugendwort%20des%20Jahres%202022%20wurde%20gek%C3%BCrt%20und%20lautet%20%E2%80%9Esmash,zerbrochen%22%20oder%20%E2%80%9Ezerschmettern%22 (accessed 22 December 2022).
13. *Gaming & digitale Inhalte*. Available from: <https://www.evz.de/einkaufen-internet/gaming.html> (accessed 17 December 2022).

DESIGNING A VIRTUAL LINGUISTIC PERSONALITY IN THE SOCIAL NETWORK VKONTAKTE (IN THE GERMAN LANGUAGE)

Petrenko D. A., Chernyshova M. V., Lihachjov E. V.

The article is dealing with the problem of constructing a virtual linguistic personality. Digitalization of society is the reason for the rapid growth of virtual communication, which makes linguistic research of linguistic self-presentation of social network users essential. The article deals with the definition of the term "virtual identity", examines verbal and non-verbal instruments of virtual identity manifestation, highlights lexical and stylistic features of the user's speech. In the course of the research the methods of observation, description, generalisation and linguistic analysis were used. The material was 122 webpages of German speaking users of Vkontakte, altogether over 1000 texts and more than 7000 statements were analysed. The results obtained can be summarized as follows: communication in social network is aimed at creating and maintaining the user's image; characteristic features of virtual linguistic personality are polyidentity, dynamism, freedom of self-realization and multiple styles of communication; virtual linguistic personality is expressed through visual and language means, which is shown in nickname, status, main page information, permanent web address; the speech of a social network user is characterised by a large number of jargonisms, neologisms, occasionalisms, high imagery, precedent phenomena and internet memes, belonging to a conversational style and language play.

Keywords: virtual communication, virtual linguistic personality, polyidentity, means of linguistic expression, lingostylistic aspect.

СЛОВО *ЧАЙ* И ЕГО ДЕРИВАТЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Супрун В. И., Вэн Цзятун

*Институт русского языка и словесности (структурное подразделение)
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический
университет», Волгоград, Российская Федерация
E-mail: suprun@vspsu.ru, ong.valentine@yandex.ru*

Статья посвящена анализу истории лексемы *чай* в русском языке. Этот освежающий напиток получил широкое распространение в Китае в период династии Хань (206 г. до н. э. – 221 г. н. э.), когда были освоены новые способы сбора и обработки чайных листьев. Постепенно в стране вырабатываются правила чаепития. Лексема *чай* была заимствована русским языком у тюрков, которые преобразовали китайское слово 茶 [chá], добавив к нему финаль [i/j]. Первые упоминания о чайном листе в России датируются 1638 годом, когда Василий Старков привёз царю Михаилу Федоровичу в дар от монгольского алтын-хана свёртки с сухими листьями. Новый напиток понравился царю и боярам, в 1769 году Россия заключает с Китаем первый договор на поставку чая. Культура чаепития быстро получила широкое распространение в России, в результате чего лексема *чай* вошла в активный словарный запас русского языка, стала основой для многих дериватов, включена в фольклорные, художественные и публицистические тексты. Стали использоваться различные сорта чая, постоянно обновлялись их наименования. Чайный куст стали выращивать на территории России. Возникли *чайные* – специальные заведения, в которых подавали чай. В ресторанах стали давать официантам за обслуживание *чаевые*. Появился *чайный этикет*. Одно из растений, которое использовали как заменитель чая, получило название *иван-чай*.

Ключевые слова: заимствование, полисемант, деривация, этимология, субстантивация, русский язык, китайский язык.

ВВЕДЕНИЕ

Слово *чай* входит в активный словарный запас современного русского языка, оно является многозначным: 1. Вечнозеленое дерево или кустарник семейства чайных, листья которого используются для изготовления питья. 2. Особо обработанные и высушенные листья этого растения, служащие для приготовления ароматного тонизирующего напитка. // Напиток, настоянный на этих листьях. 3. Питье такого напитка, чаепитие. 4. Высушенные травы, листья, корни, плоды и т. п., служащие для заваривания лечебных настоев; сбор таких трав, корней и т. п. // Напиток, приготовленный из таких трав, корней и т. п. [3, с. 1466]. Русский полисемант в основном совпадает по семантической структуре с исходным китайским словом 茶 [chá] ‘чай’, которое в китайском литературном языке также имеет несколько значений: 1) вечнозеленый кустарник с листом продолговатой формы, который после обработки используется для приготовления напитка; 2) напиток из чайного листа; 3) название некоторых напитков (не из чайного листа); 4) чайное масличное дерево [44, с. 111].

Известный советский и российский ботаник, популяризатор науки Борис Николаевич Головкин (1934–2011) в книге «О чем говорят названия растений» отмечает: «Первым из европейцев о чае пишет в 1589 году монах-иезуит Иоанн Маффеус, называя его чиа (chia). Другой монах Луи Ле Комб в своей книге “Новые

мемуары о стране Китай”, вышедшей в 1696 году, говорит уже о двух названиях: “Китайцы называют его „ча“ (cha), и только на диалекте провинции Фукиен он носит название „тэ”» [5, 1992]. Фукиен – название в некоторых европейских источниках провинции Фуцзянь (福建) на юго-востоке Китая, где распространён миньский (фуцзяньский, хоккиен) диалект китайского языка, существенно отличающийся от северных диалектов (гуаньхуа, бэйфанхуа) [12].

Слово *чай* было заимствовано русскими из тюркских языков. Тюрки давно познакомились с севернокитайской лексемой 茶 [chá], добавив в ней в конце [i/j]: тур., азерб. çay, татар. чэй, чуваш. чей, узб. choy, якут. чэй и др. В некоторых языках инициальный согласный был преобразован в соответствии с системой консонантизма в них: башк. сэй, казах шай, монг. цай, араб. القهوة [шай]. Название чая с аффрикатой в начале получило распространение в разных языках Европы, Азии и даже Африки: албан. çaj, тадж. чой, хинди चाय [chaya], урду چائے [chae], гуджарати ચા [cha], каннада ಚಹಾ [chaha], маратхи चहा [chaha], непал. चिया [chia], панджаби ਚਾਹ [chah], корейск. 차 [cha], вьетнам. trà, суахили chai, себуан. tsa, тагал. tsaa, греч. τσάι, груз. ჩაი [chai], румын. ceai и др.

В Европе первоначально также было известно слово с начальной аффрикатой *cha, tcha, chia, cia* (1590-е годы), восходящее к португальскому заимствованию из мандаринского варианта китайского языка cha в 1550-е годы. Однако с 1610 года главным поставщиком чая в Западную Европу стала голландская Ост-Индская компания, завозившая чай из южной части Китая, где распространён кантонский (гуанчжоуский) диалект, в котором название растения и напитка произносилось как [te]. Чай стал известен в Париже в 1635 году; практика его употребления была введена в Англии в 1644 году. Это слово с 1650-х годов стало употребляться в западноевропейских языках [32, т. 4, с. 311; 43]: нидерл. thee, англ. tea, нем. Tee, швед., норв., дат. te, ит. tè, исп. té, фр. thé и др. Из европейских языков, но, возможно, в некоторых случаях и непосредственно из кантонского диалекта этот вариант названия чая получил распространение во многих языках мира: фин., эст. tee, иврит תה [tha], тайск. ชา [tea], индонез. teh, зулу itiyе, коса iti и др.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Китай считается родиной чая. История использования растения для приготовления напитка, по данным китайских исследователей, можно проследить до 1100 г. до н.э. [45, с. 3]. По легенде, чай впервые стал использовать как напиток мифологический правитель, один из Трёх Великих, покровитель земледелия и медицины Шэньнун (神农), имя которого переводится как Божественный Земледелец. В китайской мифологии рассказывается: 神农尝百草, 日遇七十二毒, 得茶而解之 «Шэньнун пробовал разные травы и из 100 растений 72 нашел ядовитыми». В данном случае число 100 является символическим обозначением полноты, а 72 – завершенности временного цикла (в китайском календаре 72 пятидневки *юань* образуют 360 дней года) [4, с. 6; 19, с. 556; 46, с. 27]. Шэньнуну приписывают использование чая как лекарственного средства и бодрящего напитка.

Из истории Китая известно, что уже в династии Шан (1554–1046 гг. до н. э.) чай начали использовать для лечения болезней и иногда как напиток во время еды. В период династии Чжоу (1122–249 гг. до н. э.) постепенно стали пить его как освежающий напиток, однако широкое распространение он получил только в династии Хань (206 г. до н. э. – 221 г. н. э.), когда были освоены новые способы сбора и обработки чайных листьев. Постепенно вырабатываются правила чаепития [42]. Их описывает китайский поэт Лу Тун (790–835) в стихотворении «Семь чашек чая» (七碗诗 卢仝):

一碗喉吻润, Первая чаша увлажняет мои губы и горло,
二碗破孤闷, Вторая чаша нарушает мое одиночество,
三碗搜枯肠, Третья чаша обыскивает мои бесплодные внутренности,
惟有文字五千卷, Чтобы найти в нем около пяти тысяч свитков,
四碗發輕, Четвертая чаша вызывает легкое потоотделение
平生不平事尽向毛孔散, И все несправедливости жизни выходят через мои
поры,
五碗肌骨清, Пятая чаша очищает мою плоть и кости,
六碗通仙灵, Шестая чаша призывает меня к бессмертным,
七碗吃不得也, Седьмая чаша не могла быть выпита,
唯覺兩腋習習清風生, Только дуновение прохладного ветра шевелит мои
рукава.
蓬萊山, 在何處·玉川子乘此清風欲歸去,。 Где находится остров Пэнлай,
Юйчуанцзы хочет прокатиться на этом сладком бризе и вернуться обратно.

Упомянутый в тексте остров Пэнлай (蓬萊) – в китайской даосской мифологии один из островов бессмертных, Юйчуанцзы – псевдоним Лу Туна.

Несколько раньше «чайный мудрец» Лу Юй (茶經), живший тоже во времена династии Тан (唐; 618–907), подготовил книги «Ча цзин» (茶經, «чайный канон»), состоящую из трех томов и десяти глав [18].

Один из основоположников российской синологии Никита Яковлевич Бичурин (1777–1853, иеромонах Иакинф) в своей книге о Китае многократно упоминает о чайных церемониях в Поднебесной. В главе «Церемониал большого пира при дворе» так описывается использование чая при приеме у богдыхана (у Бичурина – *богдахан*): «Поддают чай, при чем играет духовая музыка на красном крыльце. Государь кушает чай. Князья и чиновники, встав с мест своих, делают поклон и садятся. Телохранители поддают чай князьям и вельможам. Чиновники Дворцового Правления разносят чай чиновникам на красном крыльце и помосте. Чиновники, встав с своих мест, делают поклон; выпив чай, опять делают поклон и садятся». Такое же подробное описание чаепития дается в главах «Церемониал женитьбы царевича», «Общие брачные обряды», «Похоронные обряды», «Правила учтивости» и др. [2].

По мере распространения употребления чая и развития чайной культуры в Китае появились разные способы производства чая: 散茶 [sǎnchá ‘рассыпной чай’]

<散 ‘разрозненный; рассредоточенный’; 碎茶 [suìchá ‘гранулированный чай’] < 碎 ‘раздробленный; мелкий’; 砖茶 [zhuānchá ‘кирпичный чай’] < 砖 ‘кирпич; кирпичный’ (изобретен китайскими чаеоторговцами в провинции Хубэй); 团茶 [tuánchá ‘плиточный чай’] < 团 ‘группа’; 饼茶 [bǐngchá ‘прессованный чай в форме лепешки’] < 饼 ‘лепешка; блин’; 坨茶 [tuóchá ‘прессованный чай в форме чаши’] < 坨 ‘кусок’); 沱茶 [tuóchá] – по названию реки Туоцзян 沱江 [tuójiāng] и др. [44, с. 1162]. Переводы некоторых из этих терминов (*гранулированный чай, кирпичный чай, прессованный чай и плиточный чай*) получили распространение и в русском языке.

Китайский чай и чайная культура разными путями получили распространение в других странах. Во времена династии Западная Хань (206 г. до н. э. – 9 г. н. э.) Китай установил торговые связи со странами южных морей (побережье и острова Тихого и частично Индийского океана), куда был завезен чай. При династии Тан (618–907) были открыты основные пути экспорта чая в Среднюю Азию и Европу, куда он поставлялся через Южно-Китайское море, вдоль полуострова Индокитай, через Малаккский пролив, Индийский океан, Персидский залив и Средиземное море. В 1405–1433 годы состоялись знаменитые «семь путешествий Чжэн Хэ» – семь плаваний китайского флота в Юго-Восточную Азию и Индийский океан во главе с легендарным адмиралом империи Мин, путешественником и дипломатом Чжэн Хэ (1371–1435) [37], после чего чай получил широкое распространение в Юго-Восточной Азии, Африке, на Аравийском полуострове и т. д. Сухопутным путем чай также поставлялся из Китая на юг – в страны Юго-Восточной Азии и на север – из провинций Шаньси и Хэбэй через Великую китайскую стену и Монголию в Россию [47, с. 140–141].

В Интернете бродит недостоверная информация о том, что в Россию высушенные листья растения впервые попали в 1547 году, когда некие казаки преподнесли царю в качестве подарка баночку душистого чая, однако из истории дипломатии известно, что впервые контакты русских со Срединной империей произошли в 1618 году, когда группа российских землепроходцев посетила Пекин. В составе миссии было 12 человек, возглавляли ее томские казаки учитель Иван Петлин и Андрей Мадов. Иван Петлин составил роспись о поездке, в которой ничего о чае не упоминается [29, с. 15–18]. В 1637–1638 гг. к монгольскому алтын-хану Омбо-Эрдэни-хунтайджи отправляется посольство во главе с Василием Старковым и Степаном Неверовым, которым не удалось привести хана к шерти – присяге на верность договорным отношениям с Русским государством [36, с. 387], однако послы привезли Михаилу Федоровичу дары Омбо-Эрдэни, и в них, помимо атласов и мехов, находились свертки с сухими листьями чая. Но понадобилось еще 130 лет, чтобы новый напиток стал популярным в царских покоях и высшем свете, только в 1769 году Россия заключает с Китаем первый договор на поставку чая [39]. Еще в середине XIX века о нем мало что знали в крестьянской и рабочей среде. В народе распевали шуточную песню о том, как крепостной повар готовил для барина чай. Она известна в нескольких вариантах, в 1960-е годы ее записали в Пермском крае [23], ее включили в сборник городских песен. Незадачливый повар получил задание приготовить чай:

Раз прислал мне барин чаю
И велел его сварить.
А я отроду не знаю,
Как проклятый чай варить.
Взял я все на скору руку,
Чай весь высыпал в горшок.
На приправу перцу, луку
И петрушки корешок.

Получив взбучку от барина за такое блюдо, повар размышляет о том, что он сделал не так:

Долго думал, удивлялся,
Чем я мог не угодить,
А потом я догадался –
позабыл я посолить [6, с. 478].

Судя по контексту, песня была создана до 1861 года, однако уже и тогда поющие и слушающие понимали юмор, заключенный в песне, знали, как надо готовить чай. К концу XIX века чай уже стал привычным напитком в русском обществе, чаепитие часто описывается в художественной и публицистической литературе [4, с. 16].

Основными сортами чая в России являются *зеленый чай* и *черный чай*. Первое название известно всем народам, оно, вероятно, является калькой с китайского 红茶: англ. green tea, дат. grøn te, тур. yeşil çay, серб. зелени чај и мн. др. Второе же название отличается от китайского; китайцы этот сорт чая именуют по цвету напитка красным 绿茶, тогда как у других народов название дано по внешнему виду высушенных листьев: швед. svart te, фр. thé noir, португ. chá preto, перс. چای سیاه и мн. др.

Рассыпной чай называют также *байховым* [3, с. 55]. Это самый распространенный вид чая, он обнаруживается еще во времена династии Цин (1488–1505) в провинции Гуанси. У этого слова есть несколько этимологических версий. М. Фасмер считает, что слово *байховый* заимствовано от китайского 白花 [báihuā] ‘белый цветок’ [32, т. 1, с. 108], однако в Китае словом 白花茶 [báihuāchá] называется не сорт чая, а особое растение. П. Я. Черных возводит это слово к китайскому 百合 [bǎihé] ‘лилия’ [34, т. 1, с. 65]. В Китае имеется сорт чая 白毫茶 [báiháochá].

Словом 白毫 [báiháo] называется слой тонкого пуха, который растет на обратной стороне чайных почек, после высыхания он становится белым. Китайское словосочетание 白毫茶 состоит из трех элементов: 白 ‘белый; седой’, 毫 ‘тонкая и острая ворсинка’ и 茶 ‘чай’ [44, с. 437]. С. А. Кузнецов добавляет в словаре в конце статьи **байховый**: *от названия едва распустившихся почек чайного листа* [3, с. 55], что, видимо, является наиболее точной этимологией слова.

В торговле чай различался по месту производства или промежуточной доставки. Идущий из Китая на Кяхту и далее гужом в Россию называли *кяхтинский чай*. *Кантонский чай* англичане везли морем из Китая, он поступал в Россию через Финляндию [8, т. 2, с. 230; 28]. *Нанкинский*, или *семипалатинский*, чай везли сухим путем из западного Китая на Сибирскую и Оренбургскую линии [24, с. 212–213]. На

Нижегородской ярмарке разные китайские чаи побеждали по очереди: в 1863 г. – кантонский, 1864 г. – кяхтинский, в 1865 г. – кантонский [1, с. 5].

По мере распространения производства чая в мире он перестал восприниматься как обязательная принадлежность Китая. Чайный куст стали выращивать на территории России. Появился *индийский, цейлонский, грузинский, краснодарский чай*. В России получил популярность *чай со слонем*, поскольку на коробке с этим чаем была надпись «Чай индийский» и изображен слон с сидящим на нем погонщиком в чалме и с длинной бородой. К Индии этот чай имел опосредованное отношение, он был создан на Иркутской чаеразвесочной фабрике в результате смешивания двух третей грузинского чая и одной части индийского сорта «Дарджилинг», в продажу этот чай поступил в 1972 году [41], его называли также *чаем со слониками* [33].

Лексема *чай* прочно вошла в лексический состав русского языка и дала большое количество дериватов. С помощью деминутивно-мелиоративного суффикса *-ок* образовано слово *чаек*, а фамильярно-уничижительный суффикс *-ушко* дает дериват *чаишко* (наложение гласного суффикса с последним согласным корня).

От существительного *чай* было образовано прилагательное *чайный*, которое послужило основой для новых существительных. Для названия посуды, в которой готовят чай, с помощью суффикса *-ник* было образовано слово *чайник*, однако оно стало использоваться не только как наименование сосуда, в котором заваривается чай, но и посуды для кипячения воды. Это связано, видимо, с традицией чаепития в России: в отдельном сосуде изготавливалась крепкая заварка чая, которая затем разбавлялась в стакане или кружке кипятком из самовара или другой посуды, на которую и было впоследствии перенесено название *чайник*. Для указания предмета, в котором непосредственно готовится чай, используются прилагательные *заварочный, заварной*. С помощью суффикса *-ек* образуется уменьшительно-ласкательное существительное *чайничек*. Название сосуда для хранения сухого чая *чайница* образуется с помощью суффикса *-ница(а)* [3, с. 1466].

Прилагательное *чайный* субстантивировалось в форме женского рода и единственного числа. Слово *чайная* первоначально употреблялось как обозначение комнаты в доме, в которой семья и гости собирались для чаепития. Владимир Александрович Соллогуб (1813–1882) в повести «Сережа» («лоскуток из вседневной жизни»), впервые вышедшей в свет «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» в 1838 году (№ 15), пишет: «Для молодой жены мало скромного уголка, в котором помещался Карпентов; для нее нужны все утонченности роскоши: нужны диванная, чайная, а в особенности боскетная. Николай Осипович созвал плотников и начал, говоря слогом помещичьим, пристроиваться. Вскоре появилась боскетная с ужасными растениями, спальня, **чайная** и девичья» [27, с. 31]. К концу XIX века появились заведения для простого народа, в которых подавался чай и скромные закуски. А. П. Чехов в рассказе «Случай из практики», опубликованном в 1898 году в журнале «Русская мысль», упоминает о таком помещении: «На фабрике у нас каждую зиму спектакли, сами рабочие играют, ну чтения с волшебным фонарем, великолепная **чайная** и, кажется, чего уж» [35, с. 78]. В XX веке такие заведения встречаются повсеместно: «С версту пройдет – будет на дороге деревня, а

в ней – чайная, вот вы зашли бы, да попили чаю, и нам тоже позвольте» [7]. Долгое время такие заведения существовали и при советской власти.

Субстантивированный термин во мн. числе *чайные* используется в ботанике. Так обозначается семейство двудольных растений, листья представителей некоторых из них используются для изготовления чая [9].

Прилагательное *чайный* имеет широкую сочетаемость с существительными: *чайный куст, чайный лист, чайный аромат, чайный сервиз, чайный поднос, чайный стакан, чайный цвет, чайный запах, чайная плантация, чайная фабрика, чайная промышленность, чайная ложка / ложечка, чайное дерево* и др. Некоторые словосочетания являются терминами: *чайная роза* ‘сорт розы с цветками бледно-желтого цвета’, *чайный гриб* ‘слизистая пленка из микроорганизмов, растущая в сладком растворе чая’, *чайный квас* ‘кисло-сладкий легко газированный напиток, образуемый чайным грибом’ [3, с. 1466]. Близки к фраземам некоторые устойчивые словосочетания, значение которых раскрывается с учетом лингвокультурологического анализа: *чайная пара* ‘чашка и блюдце, используемые совместно при чаепитии’, *чайный домик* ‘легкая парковая постройка в Японии для проведения чайной церемонии’, *чайная церемония* ‘ритуализированная форма чаепития в Китае и Японии’.

Прилагательное *чаевой* ‘даваемый кому-либо сверх оплаты за обслуживание, мелкие услуги (о деньгах)’ [3, с. 1466] ограничено в сочетаемости (*чаевой рубль, чаевые деньги*) и постепенно выходит из употребления, вытесняясь субстантивом *чаевые*. Прилагательное *чаевой* встретилось в воспоминаниях кинорежиссера-документалиста Василия Васильевича Катаняна (1924–1999): «*Потом мы были у дедушки в “Метрополе” и в кафе заказали мазагран, холодный кофе со взбитыми сливками в высоких бокалах, самое сильное впечатление от его приезда. Уходя, папа оставил на подносике чаевой рубль, а я волновался – не украдут ли?»* [17, с. 31]. Запись относится в 1932 году, при описании событий в более позднее время автор употребляет субстантиват: «*Промокнув рот салфеткой, он [Вертинский] спросил счет. У него счет был рубль пятьдесят, и он дал, как принято, 15 копеек сверх. Я же по-купечески – знай наших! – отвалил кучу чаевых»* [17, с. 390].

Прилагательное *чаевой* и субстантиват *чаевые* возникли на основе фразеологизма *дать / давать (брать) на чай* [3, с. 1466]. Любопытно, что только у восточных славян обозначение этого действия связано с чаем, причем, возможно, белорусы и украинцы позаимствовали свои слова у русских: белор. *чаявыя*, укр. *чайові*. Немцы дают на выпивку Trinkgeld, чехи тоже – spropitné, поляки – на пиво – parówek, англичане связывают свою лексему tips с семантикой ‘передавать, касаться, тыкать’ [43].

Глагол *чаевничать* предполагает производящее слово **чаевный*. Его нет в литературном языке, однако оно встречается в диалектах: *чаевная* ‘любительница пить чай’ [21, с. 474]. Подтверждают его потенциальное существование в языке дериваты *чаевник, чаевница*, образованные с помощью суффиксов *-ник* и *-ниц*. В книге В. В. Катаняна имеются такие контексты: «*Лихачев был умный, с чувством юмора мужик, одетый в китель – тогда подражали Сталину. Каждый раз был чай – “я чаевник, а вы, Лидия Ильинична?”*». «*Вернувшись усталая после спектакля,*

Плисецкая смотрела за вечерним чаем (она чаевница – как коренная москвичка) отснятый спектакль и, как правило, во многом оставалась не удовлетворенной собою» [17, с. 316, 172]. Глагол *чайничать* отмечен как разговорный синоним к *чаевничать* [3, с. 1466]. В. И. Даль, помимо этого глагола, приводит лексему *чаевать* [8, т. 4, с. 581]. В его словаре слова *чайник*, *чайница* определены как ‘охотник до чая’, что сейчас устарело [Там же].

Наличие в русском языке слов *чаевник*, *чаевница* позволяет определить деривационный путь глагола *чаевничать*: *чай* > *чаевой* > *чаевный* > *чаевник* > *чаевничать*. Этимологически модель восходит к образованию глаголов от названий лица с помощью суффикса *ѣ* с последующей палатализацией заднеязычного и перехода *ѣ* > *а* после образовавшегося мягкого согласного. Разумеется, во время образования этого глагола, что произошло, вероятно, в XIX веке, эти фонетические процессы уже не были живыми, деривация происходила по аналогии.

В русском языке используется большое количество сложных слов с начальным *чае-*: *чаевод*, *чаеводческий*, *чаеводство*, *чаепитие*, *чаепроход*, *чаепроходчик*, *чаепроходство*, *чаепроходческий*, *чаепроходческое*, *чаепроходческое*, *чаепроходческое*, *чаепроходческое* и др. [10; 13, с. 259, 261, 272; 30, с. 551].

Слово *чай* столь основательно вошло в русский язык, что стало употребляться в названиях русских растений, высказываниях, характеризующих быт русского народа, этикетных формулах. Одно из растений, которое в России до распространения чая из Китая заваривали и использовали в качестве лечебного и тонизирующего напитка, получило название *иван-чай* [3, с. 373]. Понятно, что такое наименование могло быть образовано только после появления слова *чай* в русском языке, т. е. после XVII века. М. Фасмер отмечает, что так он был назван, поскольку из него приготавливался русский чай, а также высказывает предположение, что слово могло возникнуть от топонима *Ивангород* [32, т. 2, с. 114]. Выдвигается также версия о том, что название дали англичане, которые в XVII веке закупали русский чай тоннами и назвали его по популярному русскому имени [38]. В ботанике трава именуется *кипрей узколистный* [11, с. 225–226; 16]. Народное название этого растения *копорский чай*, *копорка* образовано от топонима *Копорье*, названия села около Санкт-Петербурга [32, т. 2, с. 319], где это растение произрастает в больших количествах.

Существует не подтвержденная документами история о том, что во времена императрицы Екатерина II некий «дворовый человек Царскосельской вотчины» Савелов, побывав с российским посольством в Китае, организовал «выделку копорского чая». «Около 1820 года г. Савелов переселил несколько семей из петербургского имения своего в московское, – и выделка копорского чая немедленно там распространилась под названием *иван-чая*» [24, с. 214–215].

Первоначально иван-чай использовался для добавки в кяхтинский, поэтому вполне возможно, что включение в название травы типичного русского имени намекало на противопоставление русского чая китайскому. Фальсификация кяхтинского чая вскоре была обнаружена, московское купечество и американская компания обратились с жалобой в правительство, которое в 1816 году запретило сбор и подмешивание травы в чай. В 1819 и 1833 годы были о том же изданы новые указы, а в 1834 году в Петербурге была учреждена особая комиссия. «Многие подвергнулись

законному строгому взысканию, были наказаны телесно, сосланы или лишены доброго имени. Несколько московских торговцев и люди помянутого г. Савелова были также избличены и наказаны» [24, с. 215–216].

Но и после этого сбором травы и приготовлением копорского чая занимались крестьяне во многих местах России: в деревнях Хотнежи, Мазанки, Ганбово, Твердого Ямбургского уезда, Гусинки, Расколовки, Селище Царскосельского уезда Петербургской губернии, Парфенихи, Упихи, Хохловой, Сергеевке, Гари, Запрудне, Татьяниной, Быковой, Корюшевой, Гусенках Дмитровского уезда Московской губернии, Бурцовой, Сосковой, Задиловой, Гуслевой Александровского уезда Владимирской губернии, Юркиной, Сорокиной, Бардиной Калязинского уезда Тверской губернии и др. [24, с. 217–218].

В настоящее время в России иван-чай обретает новую популярность, он назван культурным наследием России, публикуются книги о нём и с рецептами приготовления напитка, учёные исследуют его биохимический состав и лечебные свойства [15; 16], в разных местах страны проводятся фестивали иван-чая [40].

В народе используется приветствие участникам чаепития *Чай да сахар!* или *Чай с сахаром!* [3, с. 1466; 8, т. 4, с. 580]. Оно отмечено в художественных текстах: «*Зашел я в первый постоялый двор, который показался мне попроще, поменьше, и застал хозяев за самоваром; тут же сидели две молодые бабы, трое или четверо детей да один проезжий крестьянин. – Чай да сахар! – Просим милости чаю кушать! – отвечали все в один голос*» [25]. Эта этикетная формула возникла по образцу более известного и более древнего пожелания приятного аппетита тем, кого застали за едой: *Хлеб да соль! Хлеб-соль!* [3, с. 1444]. Встречается также формула благодарности за угощение во время чаепития: *Спасибо за чай-сахар!* В настоящее время отмеченные выше приветствия при чаепитии и благодарность за угощение используются редко.

Лексема *чай* вошла во многие русские фразеологизмы, устойчивые словосочетания, пословицы и поговорки: *гонять / распивать чаи* (неспешно, долгое время пить чай), *баловаться чайком* (любить пить чай в любое время), *обсудить за чашкой чая* (побеседовать в неофициальной обстановке), *пить пустой чай* (без сахара или без конфет и выпечки), *Приходите на чашку чая!* (приглашение в гости), *Некогда чаи распивать* (надо браться за серьезную работу), *Выпей чайку – позабудешь тоску!* (приглашение к чаепитию), *Чай пить – не дрова рубить* (согласие на приглашение к чаепитию и подчеркивание, что это не труд, а удовольствие), *Чай не пил – какая сила? Чай попил – совсем ослаб!* (шутливое высказывание после обильного чаепития), *Мы за чаем не скучаем, по семь чашек / три чашки вытываем* (так говорят о себе любители чаепития и праздного времяпрепровождения), *По чаям ходить, добру не быть* (о частом посещении трактира), *Такой чай, что через него Кронштадт виден* (в Питере), *Москву насквозь видно* (о слабой заварке), *Чай не водка – много не выпьешь* (шутливое обозначение завершения чаепития), *Чаем на Руси никто не подавился* (так говорят, когда в чашку попадают чайинки) и мн. др. [8, т. 4, с. 580; 14; 26, с. 603; 20; 22; 31].

ВЫВОДЫ

Чай как освежающий напиток получил распространение в Китае в период династии Хань (206 г. до н. э. – 221 г. н. э.), когда были освоены новые способы сбора и обработки чайных листьев. Постепенно вырабатываются правила чаепития. Лексема *чай* была заимствована русскими у тюрков, которые преобразовали китайское слово 茶 [chá], добавив к нему финаль [i/j]. Первые упоминания о чайном листе в России датируются 1638 годом, когда Василий Старков привез царю Михаилу Федоровичу в дар от монгольского алтын-хана свертки с сухими листьями. Новый напиток понравился царю и боярам; в 1769 году Россия заключает с Китаем первый договор на поставку чая. Культура чаепития быстро получила широкое распространение в России, в результате чего лексема *чай* вошла в активный словарный запас русского языка, стала основой для многих дериватов, включена во фраземы и поговорки, используется в фольклорных, художественных и публицистических текстах. Появились различные сорта чая, постоянно обновлялись их наименования. Чайный куст стали выращивать на территории России.

Список литературы

1. *Бакалдина Е. В.* Чаеоторговля на Нижегородской ярмарке // Труды Кяхтинского краеведческого музея имени академика В. А. Обручева: матер. Междунар. научно-практ. конф. «Кяхта: история, наследие, современность», посвящ. 290-летию г. Кяхта. – Кяхта: Изд-во Байкал. ин-та природопользования СО РАН, 2018. – С. 4–11.
2. *Бичурин Н. Я.* Китай. Его жители, нравы, обычаи, просвещение. – М.: Э, 2016. – 439 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.
4. *Виноградский Б. Б., Югай В.* Путь чая. – М.: Изд-во Антона Жигульского, 2007. – 158 с.
5. *Головкин Б. Н.* О чём говорят названия растений. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Колос, 1992. – 191 с.
6. Городские песни, баллады, романсы / сост., подготовка текста и коммент. А. В. Кулагиной, Ф. М. Селиванова. – М.а: Филол. фак-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 578 с.
7. *Горький А. М.* Собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 8. – М.: ГИХЛ, 1950. – 509 с.
8. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. – М.: ГИИНС, 1955–1956.
9. *Дудченко Л. Г., Козьяков А. С., Кривенко В. В.* Пряно-ароматические и пряно-вкусовые растения: справочник. – К.: Наукова думка, 1989. – 304 с.
10. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2-х т. – М.: Рус. яз., 2000.
11. Жизнь растений: в 6-ти т. – Т. 5, часть 2 / гл. ред. А. Л. Тахтаджян. – М.: Просвещение, 1981. – 512 с.
12. *Завьялова О. И.* Диалекты китайского языка. – М.: Научная книга, 1996. – 207 с.
13. *Земская Е. А.* Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта; Наука, 2011. – 328 с.
14. *Иванникова А. Г., Казарян А. А., Хоречко У. В.* Сравнительный анализ пословиц, поговорок и фразеологизмов русского и китайского языков // Молодой ученый. – 2015. – № 4. – С. 733–738.
15. *Иринина О. И., Елисеева О. И.* Изучение биохимического состава и лечебных свойств растения кипрей узколистный (иван-чай) // Ползуновский вестник. – 2021. – № 2. – С. 44–54.

16. *Караматов И. Д., Тураева Н. И.* Кипрей узколистый, Иван-чай // Биология и интегративная медицина. – 2016. – № 6. – С. 160–169.
17. *Катанян В. В.* Прикосновение к идолам. – Москва: Вагриус, 1997. – 448 с.
18. *Лу Юй.* Канон чая / пер. с кит., введ. и коммен. А.Т. Габуева и Ю. А. Дрейзис. – М.: Гуманитарий, 2007. – 123 с.
19. *Мироненкова Л. С.* Чай и его влияние на культуру повседневности России // Молодежь в науке и творчестве: матер. Междунар. науч. форума обучающихся: сб. научных статей. – Гжель: Изд-во Гжел. гос. ун-та, 2017. – С. 556–558.
20. *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь: Своё и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: в 2-х т. – М.: Русские словари, 1994.
21. *Моисеев Б. А.* Оренбургский областной словарь. – Оренбург: Оренб. кн. изд-во им. Г. П. Донковцева, 2019. – 516 с.
22. *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К.* Большой словарь русских пословиц. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.
23. Народные песни Пермского края: сб. текстов. Т. 2./ предисл. Т. Ф. Пирожковой. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1968. – 414 с.
24. О подделке и подмеси чаев и обманах по чайной торговле // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. – Кн. 3: июль-сентябрь. – М.: Унив. тип., 1860. – С. 212–222.
25. *Слепцов В. А.* Трудное время: Очерки, рассказы, повесть. – М.: Современник, 1986. – 493 с.
26. *Соколова М. И.* Народная мудрость: Пословицы и поговорки. – Новосибирск: Офсет, 2009. – 622 с.
27. *Соллогуб В. А.* Избранная проза. – М.: Правда, 1983. – 528 с.
28. *Станюкович К. М.* Собр. сочинений: в 10-ти томах. Том 1: [Рассказы. Очерки. Повести, 1864–1887 / примеч. Л. Барбашовой]. – М.: Правда, 1977. – 383 с.
29. *Супрун В. И.* Источники по истории китаизмов в русском языке: сообщения о Китае в русских текстах XVII–XIX веков // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2021. – № 4. – С. 14–23.
30. *Тихонов А. Н.* Новый словообразовательный словарь русского языка: для всех, кто хочет быть грамотным. – М.: АСТ, 2014. – 639 с.
31. Универсальный фразеологический словарь русского языка / под ред. Т. Волковой. – М.: Вече, 2000. – 464 с.
32. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. – 2-е изд., стереот. – М.: Прогресс, 1986-1987.
33. *Харченко В. А.* Чай со слониками: повести, рассказы. – М.: Время, 2018. – 318 с.
34. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. – 2-е изд., стереот. – М.: Рус. яз., 1994.
35. *Чехов А. П.* Случай из практики // Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. Сочинения: в 18-ти т. – Т. 10. – М.: Наука, 1977. – С. 75–85.
36. *Шастина Н. П.* Алтын-ханы Западной Монголии в XVII в. // Советское востоковедение. [Вып.] VI. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – С. 383–395.
37. *Finlay R.* The Voyages of Zheng He: Ideology, State Power, and Maritime Trade in Ming China // Journal of the Historical Society. – 2008. – Vol. 8, no. 3. – P. 327–347.
38. https://aif.ru/society/nature/pochemu_ivan-chay_tak_nazyvaetsya 39
39. http://newsruss.ru/doc/index.php/Россия_в_1769_году
40. <https://www.culture.ru/events/1969767/festival-ivan-chai>
41. <https://www.weacom.ru/articles/info/196712>
42. *Okakura K.* The Book of Tea. – New York: Daffield & Co, 1906. – 160 p.

43. Online Etymology Dictionary. – Режим доступа: <https://www.etymonline.com/> – (Дата обращения: 23.01.2023)
- 44.中国社会科学院语言研究所词典编辑室. 现代汉语词典. 商务印书馆. 北京. 1978. 1566页
45. 冈夫. 茶文化. 北京: 中国经济出版社, 1995.
46. 杨昌敏. 谈茶的发现和茶的历史. 《遵义科技》, 2014. – 页 27-28.
47. 莫银燕. 中华茶文化. 长春: 吉林人民出版社, 2017.

References

1. Bakaldina E. V. *Chaetorgovlya na Nizhnegorodskoj yarmarke* [Tea trade at the Nizhny Novgorod Fair]. *Trudy Kyahtinskogo kraevedcheskogo muzeya imeni akademika V. A. Obrucheva: Mater. mezhdunar. nauchno-prakt. konf. «Kyahta: istoriya, nasledie, sovremennost'», posvyashch. 290-letiyu g. Kyahta*. Kyahta: Bajkal. in-t prirodopol'zovaniya SO RAN Publ., 2018, pp. 4–11.
2. Bichurin N. Ya. *Kitaj. Ego zhiteli, nrawy, obychai, prosveshchenie* [China. Its inhabitants, mores, customs, education]. Moscow, E Publ., 2016. 439 p.
3. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Large explanatory dictionary of the Russian language]. Ed. S. A. Kuznecov. Saint-Peterburg, Norint Publ., 1998. 1536 p.
4. Vinogradskij, B. B., Yugaj V. *Put' chaya* [The Way of Tea]. Moscow, Anton Zhigul'skii Publ., 2007. 158 p.
5. Golovkin B. N. *O chyom govoryat nazvaniya rastenij* [What do the names of plants say]. Moscow, Kolos Publ., 1992. 191 p.
6. *Gorodskie pesni, ballady, romansy* [Urban songs, ballads, romances]. Moscow, Filol. fak-t MGU im. M. V. Lomonosova Publ., 1997. 578 p.
7. Gor'kij A. M. *Sobranie sochinenij v 30 t.* [Collected works in 30 vol.]. Vol. 8. Moscow: GIHL Publ., 1950. 509 p.
8. Dal' V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. In 4 vol. Moscow: GIINS Publ., 1955–1956.
9. Dudchenko L. G., Koz'yakov A. S., Krivenko V. V. *Pryano-aromaticheskie i pryano-vkusovye rasteniya: spravochnik* [Spicy-aromatic and spicy-flavoring plants: guide]. Kiev: Naukova dumka Publ., 1989. 304 p.
10. Efremova T. F. *Novyj slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj*. [A new dictionary of the Russian language. Explanatory & word-formation]. In 2 vol. . Moscow: Rus. yaz. Publ., 2000.
11. *Zhizn' rastenij* [Plant life]. In 6 vol. Vol. 5, p. 2. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1981. 512 p.
12. Zav'yalova O. I. *Dialekty kitajskogo yazyka* [Dialects of the Chinese language]. Moscow: Nauchnaya kniga Publ., 1996. 207 p.
13. Zemskaya E. A. *Sovremennyj russkij yazyk. Slovoobrazovanie: ucheb. posobie* [Modern Russian language. Word formation: study guide]. Moscow, Flinta; Nauka Publ., 2011. 328 p.
14. Ivannikova A. G., Kazaryan A. A., Horechko U. V. *Sravnitel'nyj analiz poslovic, pogovorok i frazeologizmov russkogo i kitajskogo yazykov* [Comparative analysis of proverbs, sayings and phraseological units of the Russian and Chinese languages]. *Molodoj uchyonyj*, 2015, no 4, pp. 733–738.
15. Irinina O. I., Eliseeva S. A. *Izuchenie biohimicheskogo sostava i lechebnyh svojstv rasteniya kiprej uzkolistyj (ivan-chaj)* [Study of the biochemical composition and medicinal properties of the willow herb plant (ivan-chai)]. *Polzunovskij vestnik*, 2021, no 2, pp. 44–54.
16. Karomatov I. D., Turaeva N. I. *Kiprej uzkolistyj, Ivan-chaj* [Willow herb, Ivan-chai]. *Biologiya i integrativnaya medicina*, 2016, no 6, pp. 160–169.
17. Katanyan V. V. *Prikosnovenie k idolam* [Touching Idols]. Moscow, Vagrius Publ., 1997. 448 p.

18. Lu Yuj. *Kanon chaya* [The canon of tea]. Moscow, Gumanitarij Publ., 2007. 123 p.
19. Mironenkova L. S. *Chaj i ego vliyanie na kul'turu povsednevnosti Rossii* [Tea and its influence on the culture of everyday life in Russia]. *Molodyozh' v nauke i tvorchestve: Mater. mezhdunar. nauch. foruma obuchayushchihsya: sb. nauchnyh statej*. Gzhel', Gzhel. gos. un-ty Publ., 2017, pp. 556–558.
20. Mihel'son M. I. *Russkaya mysl' i rech': Svoyo i chuzhoe: Opyt russkoj frazeologii: Sbornik obraznyh slov i inoskazaniy* [Russian Thought and Speech: One's Own and Another's: The Experience of Russian Phraseology: A collection of figurative Words and Parables]. In 2 vol. Moscow, Russkie slovari Publ., 1994.
21. Moiseev B. A. *Orenburgskij oblastnoj slovar'* [Orenburg Regional Dictionary]. Orenburg: Orenb. kn. publ. im. G. P. Donkovceva, 2019. 516 p.
22. Mokienko V. M., Nikitina T. G., Nikolaeva E. K.. *Bol'shoj slovar' russkih poslovic* [A large dictionary of Russian proverbs]. Moscow, OLMA Media Grupp Publ., 2010. 1024 p.
23. *Narodnye pesni Permskogo kraja: Sb. tekstov* [Folk songs of the Perm region: Collection of texts]. Vol. 2. Perm'; Perm. gos. un-ty Publ., 1968. 414 p.
24. *O poddelke i podmesi chaev i obmanah po chajnoj trgovle* [About the forgery and mixing of teas and deceptions in the tea trade]. *Chteniya v imperatorskom Obshchestve istorii i drevnostej rossijskih pri Moskovskom universitete*. Kn. 3: iyul'-sentyabr'. Moscow: Univ. Publ., 1860, pp. 212–222.
25. Slepcev V. A. *Trudnoe vremya: Ocherki, rasskazy, povest'* [A difficult time: Essays, short stories, novella]. Moscow, Sovremennik Publ., 1986. 493 p.
26. Sokolova M. I. *Narodnaya mudrost': Posloviцы i pogovorki* [Folk wisdom: Proverbs and sayings]. Novosibirsk: Ofset Publ., 2009. 622 p.
27. Sollogub V. A. *Izbrannaya proza* [Selected prose]. Moscow: Pravda Publ., 1983. 528 p.
28. Stanyukovich K. M. *Sobr. soch. v 10 tomah* [Collected works in 10 volumes]. Vol. 1. *Rasskazy. Ocherki. Povesti, 1864-1887* [Short stories. Essays. Stories, 1864-1887]. Moscow: Pravda Publ., 1977. 383 p.
29. Suprun V. I., Czyatun Ven *Istochniki po istorii kitaizmov v russkom yazyke: soobshcheniya o Kitae v russkih tekstah XVII-XIX vekov* [Russian Sources on the History of Sinoisms: Reports on China in Russian Texts of the XVII-XIX Centuries]. *Vestnik Doneckogo nacional'nogo universiteta. Seriya D: Filologiya i piskhologiya*, 2021, no 4, pp. 14–23.
30. Tihonov A. N. *Novyj slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo yazyka: dlya vsekh, kto hochet byt' gramotnym* [New word-forming dictionary of the Russian language: for everyone who wants to be literate]. Moscow: AST Publ., 2014. 639 p.
31. *Universal'nyj frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Universal phraseological dictionary of the Russian language]. Ed. T. Volkova. Moscow, Veche Publ., 2000. 464 p.
32. Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. In 4 vol. Moscow, Progress Publ., 1986–1987.
33. Harchenko V. A. *Chaj so slonikami: povesti, rasskazy* [Tea with little elephants: novellas, short stories]. Moscow, Vremya Publ., 2018. 318 p.
34. Chernyh P. Ya. *Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka*. [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language]. In 2 vol. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1994.
35. Chekhov A. P. *Sluchaj iz praktiki* [A case from the practice]. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. Sochineniya: V 18 t.* Vol. 10. Moscow: Nauka Publ., 1977, pp. 75–85.
36. Shastina N. P. *Altyn-hany Zapadnoj Mongolii v XVII v.* [Altyn Khans of Western Mongolia in the XVII century]. *Sovetskoe vostokovedenie* VI. Moscow, Leningrad,: AN SSSR Publ., 1949, pp. 383–395.

37. Finlay R. *The Voyages of Zheng He: Ideology, State Power, and Maritime Trade in Ming China*. *Journal of the Historical Society*, 2008., Vol. 8, no. 3, pp. 327–347.
38. https://aif.ru/society/nature/pochemu_ivan-chay_tak_nazyvaetsya 39
39. http://newsruss.ru/doc/index.php/Россия_в_1769_году
40. <https://www.culture.ru/events/1969767/festival-ivan-chai>
41. <https://www.weacom.ru/articles/info/196712>
42. Okakura K. *The Book of Tea*. New York, Daffield & Co, 1906. 160 p.
43. Online Etymology Dictionary. Available from: <https://www.etymonline.com/> (accessed: 23 January 2023)
- 44.中国社会科学院语言研究所词典编辑室. 现代汉语词典. 商务印书馆. 北京. 1978. 1566页
45. 冈夫. 茶文化. 北京: 中国经济出版社, 1995.
46. 杨昌敏. 谈茶的发现和茶的历史. 《遵义科技》, 2014. – 页 27-28.
47. 莫银燕. 中华茶文化. 长春: 吉林人民出版社, 2017.

THE WORD ЧАЙ ‘TEA’ AND ITS DERIVATIVES IN RUSSIAN

Suprun V. I., Weng Jiatong

The article is devoted to the analysis of the history of the lexeme *чай* in the Russian language. This refreshing drink became widespread in China during the Han Dynasty (206 BC – 221 AD), when new methods of collecting and processing tea leaves were mastered. Gradually, the rules of tea drinking are being developed in the country. The lexeme *чай* was borrowed by the Russian language from the Turks, who transformed the Chinese word 茶 [chá] by adding the final [i/j] to it. The first mention of the tea leaf in Russia dates back to 1638, when Vasily Starkov brought bundles of dry leaves to Tsar Mikhail Fedorovich as a gift from the Mongolian Altyn Khan. The tsar and the boyars liked the new drink, in 1769 Russia signed the first contract with China for the supply of tea. The culture of tea drinking quickly became widespread in Russia, as a result of which the lexeme *чай* entered the active vocabulary of the Russian language, became the basis for many derivatives, and was included in folklore, artistic and journalistic texts. Various varieties of tea began to be used, their names were constantly updated. The tea bush began to be grown on the territory of Russia. There were *чайные* (tea houses) – special establishments where tea was served. In restaurants, they began to *чаевые* (tip) waiters for service. Tea etiquette appeared. One of the plants that was used as a substitute for tea was called *иван-чай*.

Keywords: borrowing, polysemant, derivation, etymology, substantization, Russian language, Chinese language.

3. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 821.19-31

ИГРА КАК СПОСОБ РАСШИРЕНИЯ ВСЕЛЕННОЙ КНИГИ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА М. ПЕТРОСЯН «ДОМ, В КОТОРОМ...»)

Булгакова А. А.

*УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
Гродно, Беларусь
E-mail: abulgakova@inbox.ru*

В статье рассматривается возможность расширения границ художественного текста за счет формирования вокруг него (и на его основе) игрового онлайн- и оффлайн пространства с помощью различных медиаканалов, что позволяет говорить о создании трансмедийной вселенной произведения. Игра рассматривается как важная социальная и культурная практика, создающая реальность, симулятивно подобную действительной, что делает ее схожей с миром художественного произведения. В центре внимания автора статьи литературная ролевая игра, которая является привлекательной для читателей книги благодаря высокой интерактивности, возможности создания на основе текста-канона мультимедийного фан-арта и обмена им. Игра позволяет углубить понимание текста произведения и стимулирует производство читательского контента, что способствует росту популярности книги, расширению читательской аудитории и обеспечивает длительность существования книги в медиакультуре. На основе анализа ролевых литературных игр на форумах и в социальных сетях, а также квестов и ролевых игр живого действия выявляется ряд характеристик художественного текста, которые делают его привлекательным для создания ролевых игр (специфика сюжета, хронотопа, героев, наличие системы правил взаимодействия между персонажами и интерпретационных лакун).

Ключевые слова: М. Петросян, трансмедийность, игра, литературная ролевая игра, квест.

ВВЕДЕНИЕ

Игра – одно из ключевых понятий постмодернизма (Ж. Деррида, Ю. Кристева, Ж.-Ф. Лиотар, И. Скоропанова, И. Ильин и др.). Выступая уникальным способом создания альтернативного мира, моделирования реальности, игра, несомненно, является уникальной конструктивной социальной и культурной практикой.

В гуманитаристике представлено несколько направлений изучения игры: с позиций психоаналитики (Э. Берн [2]), культурологии (Й. Хейзинга [22]), лингвистики и коммуникативистики (Л. Витгенштейн [4.], С. О. Осекин [15]), философии (И. Кант [10], Ф. Ницше [14]) и др. Оформилось и самостоятельное направление в исследовании данного феномена – лудология, или теория игр. Стало трендом использование игр (онлайн и оффлайн) в образовательном процессе, внутриорганизационной коммуникации (как инструмента формирования корпоративной культуры или повышения мотивации сотрудников), маркетинговой деятельности, менеджменте. Наряду с дигитализацией геймификация выступает основой современной медиакультуры.

Исследование игры как культурного феномена связывается прежде всего с именем Й. Хейзинги, автора понятия «*homo ludens*» («человек играющий»), который не только видел в игре особый аспект культурной, духовной жизни общества, но и развивал мысль о том, что она представляет собой докультурную форму и является имманентной характеристикой человека и его деятельности: «Существование игры не связано ни с какой-либо ступенью культуры, ни с какой-либо формой мировоззрения. Каждое мыслящее существо в состоянии тотчас же возыметь перед глазами эту реальность: игру, участие в игре – как нечто самостоятельное, самодовлеющее» [22, с. 22]. По мнению ученого, игра находится вне онтологического, аксиологического и гносеологического измерений, за пределами категорий «добро – зло», «мудрость – глупость», «истина – ложь» и др., однако именно в ее процессе оформляются и транслируются важнейшие этические и эстетические категории, организующие бытие человека. Таким образом, игра представляется и социальной функцией, и фактором культурной жизни (формой деятельности, наделенной смыслом).

Будучи «необходимой обществу в силу заключенного в ней смысла, в силу своего значения, своей выразительной ценности, а также духовных и социальных связей, которые она порождает» [22, с. 28], игра, осознаваемая членами общества как «ненастоящая», характеризуется свободой действий за пределами реальной жизни, в ограниченном пространственно-временном континууме (игровом пространстве), внутри которого «господствует присущий только ему совершенный порядок» [22, с. 30] (бесспорные и обязательные, не подлежащие никакому сомнению правила). Важно, что игра, определяемая таким образом, обуславливает возникновение сообществ людей, принимающих ее «мир» и осознающих свою причастность к определенной игровой реальности («чувство, что они совместно пребывают в некоем исключительном положении, совместно делают одно важное дело, обособляясь от прочих и порывая с общими для всех нормами» [22, с. 31]). Так, игра формирует свои нормы, при этом являясь для тех, кто находится вне игрового пространства, чем-то намеренно неестественным и ненормативным.

Таким образом, игра создает для своих участников особую социокультурную реальность, симулятивно подобную действительной, но тем не менее отличающуюся от нее. В этом ее схожесть с миром художественного произведения, не воспроизводящим действительность, но создающим ее образ на основе принципов типизации, обобщения с помощью особого изобразительного языка, знаков и символов, и предлагающим читателю вхождение в нее на основе принятия этой художественной реальности. И игровое пространство, и пространство художественного текста вторичны (не воспроизводят, а особым образом отражают действительность), что, тем не менее, не умаляет их значимости, а, напротив, позволяет выйти за границы реального тривиального для воспринимающего сознания мира.

Литературная ролевая игра, характеризующаяся множественным авторством, стилистической разнородностью, полинарративностью при сохранении части сюжета и идеи, заданных текстом-канонем, привлекает участников интерактивностью, возможностью создавать мультимедийный контент на основе исходного текста и

делиться им. Она позволяет углубить понимание книги через усвоение и воспроизведение когнитивных и поведенческих фреймов, реализуемых в тексте. В то же время игроки (представители субкультуры, сформированной на основе художественного текста-канона) демонстрируют не только знание произведения, понимание его идей, близость к художественным образам книги как культурным типам, но и со-творчество (игра в данном случае выступает как креативная среда [1, с. 56]), стимулирующая воображение и творчество участников) – продуцирование читательского контента, дающего возможность трансляции идей книги вовне, что обеспечивает ей длительное существование в медиакультуре. В таком случае игра представляется нам коммуникативной практикой рецепции художественного текста, его расширения до построения особой трансмедийной вселенной. При этом возникают вопросы относительно того, любая ли книга может стать основой для создания игры, и если нет, то какие ее характеристики способствуют продолжению произведения не только в виде фанфиков и фан-арта, но и различного рода офлайн и онлайн игр.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Роман «Дом, в котором...» М. Петросян [16], по нашему мнению, является тем сильным смысловым ядром (проблема травмы взросления, страха перед самостоятельной жизнью, восприятие восемнадцатилетия и выпуска из школы как личного апокалипсиса, проживание этого периода подростками как болезненного перехода из одной реальности в другую), вокруг которого формируется особая субкультура, усиленная актуализацией архетипического образа – топоса Дом, одного из основных и наиважнейших в мировой культуре. Вовлеченные в эту субкультуру субъекты воспринимают и принимают ценности, транслируемые ею, как необходимые данной социальной группе в определенный, в данном случае не столько возрастной, сколько психологический период жизни.

Возникают фанатские сообщества (клубы, сайты, которые являются не только не только группами по интересам, но и пространством, организованным на основе более глубоких и сложных отношений) в социальных сетях и на форумах (так, к примеру, во ВКонтакте насчитывается больше 50 групп и с численностью в почти 60 тыс. фолловеров, которые обсуждают текст, предлагают его различные интерпретации, придумывают свои линии развития сюжета и продолжения романа и которые, даже, возможно, не пересекаясь в реальной жизни, объединены общей идентичностью).

На основе романа создаются различные культурные продукты: формируется фэндом, пишутся фанфики, производится разнообразный фан-арт (рисунки – иллюстрации к книге, граффити, песни, анимация, видео) и косплей, разрабатываются и реализуются ролевые игры в онлайн- и офлайн среде. Жизнь книги продолжается в медиапространстве, на что влияют все участники литературного процесса (как пишет Г. Юзефович, «подобно вирусу, информация о книге распространяется из блога в блог, а каждый следующий «заболевший» стремится «заразить» как можно большее число окружающих» [23]).

Если говорить о портрете члена фанатской группы, то можно отметить, что это парень или девушка 14–35 лет, находящиеся в переломном, кризисном состоянии,

физическом или психологическом, нуждающиеся в поддержке и находящие ее именно среди себе подобных (в «стае»). Они показывают свою принадлежность сообществу через магическую атрибутику, ношение амулетов, браслетов, ключей, а также соблюдение традиций «домовцев» (так называют героев книги, фанатов и игроков) и проведение ритуалов. Демонстрируют маргинальное, граничащее с девиантным поведение. Отрицают время как важную бытийную категорию. Изредка практикуют выход из виртуального «дома» в Наружность, признавая виртуальный мир реальностью.

С точки зрения членов сообщества, микросубкультуры, образованной вокруг «Дома, в котором...», погружение в игру выглядит как попытка ухода в другой мир (противостоящий внешнему, чуждому, враждебному «миру взрослых»), сконструированный по готовой модели – наподобие Дома, созданного фантазией Мариам Петросян. Это может быть сетевой мир (жизнь подростка под маской личности, скрывающейся за аватаркой) и мир игры, смоделированный как иное пространство, функционирующее по законам Дома и «домовцев».

Смысл ролевой игры (role-playing game, роулплей) заключается в том, что участник выбирает себе персонажа, от имени которого он действует в вымышленном мире среди других героев сообразно со своим характером и возникающими обстоятельствами. Персонаж ролевой игры ведет себя как реальный человек, то есть самостоятельно решает, как действовать, реагировать на других людей, дружить с ними или враждовать, бороться с обстоятельствами или сдаваться и т. п.

Игры в сети зачастую реализуются в формате **ролевых форумов** (другое название – форумная ролевая игра). Специфика коммуникационной платформы (форум, социальная сеть или специально созданный для этой цели сайт) определяет особенность проведения игры – действия героев описываются текстом, поэтому иногда ее именуют литературной ролевой игрой.

Одна из самых многочисленных роулплей в социальной сети ВКонтакте – *«Дом, в котором (The Grey House)»* [8] – насчитывает 6530 подписчиков. В качестве слоганов игры используются выражения «Каждого дом принимает или отвергает», «Ничто так не сближает, как общая тайна», «Ты уникам», «Место перемен», что говорит, во-первых, о декларации избранности участников и необходимости прохождения ими специального отбора, во-вторых, об изолированности игроков от остального мира и их внутреннем единстве, в-третьих, о форуме-доме как месте, где каждый может раскрыть способности и осознать уникальность своей личности.

Дизайн игры основывается на фан-арт по мотивам книги М. Петросян. Роулплей разыгрывается в рамках канона данного фэндом (следовательно, герои, их характеры, взаимоотношения с другими персонажами, поступки и др. должны соотноситься с образами героев книги и их интерпретацией создателями фанфиков, равно как и игровой сеттинг должен быть аналогичным пространству фэндом): «Придерживайтесь канона ВО ВСЕМ. У Вас не могут просто так вырасти крылья, как у ангела. Вы не можете владеть магией, если это не предусмотрено в фандоме. Не используйте меры измерения и предметы, не свойственные данному фандому» [8]). Книга выступает каноном только как предыстория событий, развивающихся в игре: «Хозяин Времени запустил новый круг, и вас ждёт нечто совершенно иное, с чем

ранее никто не сталкивался, и разобраться с этим предстоит именно вам. От ваших решений будет зависеть в итоге судьба всего Дома» [8].

Механика игры основывается, во-первых, на определении игрока в одну из стай по аналогии с книгой (Птиц, Крыс, Псов, Слепого) или в кабинет Акулы (для представления Наружности). Для этого требуется заполнить анкету с указанием болезни предполагаемого героя, основных черт его характера, самоопределения и символического предмета. Во-вторых, на своде правил, обязательных для соблюдения всеми игроками (начиная от общих норм поведения в социальной сети ВКонтакте – запрета на пропаганду насилия, суицидов, в целом девиантного поведения – и заканчивая принципами взаимодействия с другими персонажами в группе игры, общения с вожаком и т. п.). Для оглашения правил используется сленг фанфикшена, понятный каждому из игроков (к примеру, «сюшничество – это плохо. Никто не любит людей, которые приписывают себе гениальные способности, мастерское владение оружием и т. д.» [8]). Нарушение влечет различные взыскания (лишение магического предмета, выбрасывание в Наружность и т. д. вплоть до смерти героя).

Игроки стартуют с первого уровня, зарабатывая деньги, бонусы, получая различного рода поощрения. Закономерно, что больших успехов в игре достигают те, кто лучше владеет литературным слогом. Однако просто представить свой вариант эпизода книги в виде поста недостаточно (и здесь кроется принципиальное различие между фанфиком и ролевой игрой) – важны именно интеракции, диалоги между героями, выстраивающиеся как реакции на сообщения других, которые и образуют пространство игрового взаимодействия.

Роуплей-локациями выступают коридор, могильник, кофейник, столовая, крыша, чердак, библиотека, комнаты стай и двор, которые, как и в романе, в совокупности образуют замкнутое, изолированное, защищенное пространство Дома. При переходе на страницу локации дается ее описание, например, «коридор первого – лампы-фонари, линолеум, испещренный следами шин <...> слышно, как в актовом зале кто-то насилует рояль, а из раздевалок доносится Песье потягивание. Он бесконечно блинный и узкий настолько, что в нем едва разъезжаются две коляски. Окон нет. Возможно, когда-то и были, но их так быстро зарисовывали, что руководство не видело в них смысла и приняло решение заложить кирпичом. Освещается коридор лишь редкими настенными лампами, но их недостаточно, чтобы прочитывать все надписи, сплошь покрывающие холодные стены» [8].

Локациями с ограниченным доступом (только некоторые герои романа могут выходить туда, расширяя сознание и личностно трансформируясь) являются лес, дорога и закусовая на Изнанке: «Лес открывается немногим. Его тропы запряваны от посторонних глаз, и только некоторые способны разглядеть его среди белых стен Дома. Не верьте обманкам, не сходите с тропинки, иначе кто знает, что может произойти?» [8].

Подобным образом выстраивается и *форумная ролевая игра «Home 'Ostasis»*, где участникам предлагается найти «осколки наших сюжетов, обрывки мыслей и дневниковых записей» [21]. Вместе с тем есть выраженные отличия от предыдущей роуплей: наличие «закоулков памяти» - персонажей-призраков, лишь единожды

упомянутых героями книги, вымышленных персонажей (Кощей, Идадьго, Вепрь и др.), иных стай (Китобои, Ткачи, Кости, Ифриты, Змейки и прочие), локаций, отличающихся от книжных (бассейн, прачечная, подвал, сторожка, зверинец, вестибюль, приемная и др.). Как заявляют создатели игры, «за основу мы взяли лишь костяк мира (своеобразную трехмерность реальности), убрав из него всех каноничных персонажей» [21]. И хотя в игре, как и в романе, действуют законы Дома, Изнанки и Наружности, в целом само пространство структурировано по-иному: Дом пересекает ось Изнанки (искаженной Наружности), в которой прячется Лес – «столп мироздания», страшное и одновременно вожаделенное место, куда не попасть без отметки Дома, то есть без уникальности личности «домовца».

Данная игра расширяет смысловое пространство романа не только через литературное творчество участников, разрабатывающих и развивающих новые сюжетные линии, но и через деятельность по созданию фан-арта: иллюстраций к книге, буктрейлеров и др.

Новый круг, герои, которые на него попадают (и каноничные – Стервятник и Табаки, стаи Фазанов, Крыс, Птиц и др. и не вписывающиеся в канон – Еноты, Ехидны и т. п.) становится основой сюжета игры «Круг № 32» [12], предлагающего «альтернативную историю». Изменения чаще всего касаются преодоления изолированности стай, а также женского и мужского сообществ: «Домовский мир меняется, сказки по ночам рассказывают друг другу и девушки, и парни. Они смешались, стали едиными» [12]. С новыми героями история Дома пополняется новыми болезнями, сказками, песнями, взглядами на мир и людей. Игровое пространство четко не определено и максимально абстрактно, при этом сделаны ремарки относительно времени года – осень, середина ноября.

Ролевую литературную игру с эпизодической системой прохождения сюжетных квестов представляет собой «Дом, в котором... Сказки другой стороны» [7].

Пространство и время в игре четко обозначены: герои проживают последний год перед выпуском. Активны ветки «события прошлого», флешбэки («Прогулки с Птицей») и «события настоящего» («Дом, Изнанка, Наружность»). Отношение к книге М. Петросян прописано достаточно четко – канон с момента принятия Нового закона. Отправной эпизод – после убийства жителя Дома в одной из новых стай все парни подхватывают неизвестную болезнь и находятся в Могильнике, вводится карантин, учеников изолируют в комнатах. Каноничные и неканоничные игроки взаимодействуют друг с другом, и от их действий зависит исход событий.

Механика строится не только на интеракциях персонажей, объединенных в стаи на основании интересов, черт характера, особенностей мировоззрения, коллективных страхов и стремлений, но и на действиях игрока в рамках постоянных разделов – рубрик «Ночь сказок» («сердце форума» – познакомиться, поболтать), «Дневник Курильщика» (опросы), «Лунная дорога» (информация развлекательного характера), «Пыталочка» (прохождение инициации и посвящения), «ФАНТастика» (тема для загадывания и исполнения фантов), «Рисунки Леопарда» (творческая тема, где можно вести дневник своего героя).

В данной социальной сети предлагаются еще несколько ролевых игр по мотивам романа, каждая из которых демонстрирует свое понимание «духа Дома», предлагает

арты, атмосферную музыку различных направлений, которую могли бы слушать герои романа, картинки с основными локусами (дорога, лес, кабак и др.), цитатник.

Игроку предлагают войти в стаю ролевого (сюжет проигрывается в рамках канона), адаптационного (структура игры близка к «Настоящему Дому») или полуролевого (игроки свободны и могут как придерживаться канона, так и по-своему интерпретировать сюжет и характеры персонажей книги) типа – в любом случае новичку необходим «проводник» – человек, который готов поручиться за него, рекомендовать или взять в свою стаю.

Во всех играх ценится точность перевоплощения – начиная от анкеты новичка, его имени («нет имен, есть только Клички» [7]), аватарки (показывать свои реальные фото запрещено) и заканчивая его творчеством (литература, косплей, фотосессии в стиле «Дома», музыка, буктрейлеры, декоративно-прикладное искусство – вещи handmade – амулеты, брелоки, игрушки т.п., изобразительная деятельность).

Отметим, что на основе ролевых игр выросла московская сквоттерская культура (сквотом именуют «захваченное радикальной молодежью пустующее, недостроенное или отселенное здание» [9], которое используется не только для собраний, но и в качестве жилья) «домовцев» (по-другому именуется как «домовское движение»), девиз которых – «Дом никогда не бросает тех, кто взял и однажды поверил в дом» [9].

Игры по книге А. Петросян не только существуют как форумные роушплей в виртуальной реальности, но и реализуются в оффлайн-среде в формате **квестов** («приключений»). Как отмечает Т. Х. Кутлалиев, в данном типе игры герой должен преодолеть препятствия в виде других персонажей или внешних обстоятельств, которые преграждают ему путь. Преодоление связано с нестандартным ходом, решением задачи, разгадыванием головоломки, загадки, использованием нужного предмета и т.п. [13, с. 22].

Так, книжный магазин «Додо/ЗИЛ» в качестве инструмента PR-коммуникации, необходимого для увеличения информированности о книге и ее авторе с одной стороны и формирования лояльности к магазину и издательству «Лайвбук» с другой стороны предлагает **квест по мотивам романа** с традиционным для онлайн-игр выбором ролей и взаимодействием игроков, обозначающих принадлежность к одной из стай (команда от 2 до 4 человек) в условном пространстве Дома (с каноничными «Изнанкой», куда попадают Ходоки и Прыгуны, и «Наружностью») с целью либо найти выход во внешний мир, либо остаться Хранителем Дома [11]. В качестве награды игрокам предлагаются призы и встреча с писательницей.

Как оффлайн-активность по книге М. Петросян следует отметить **ролевую игру живого действия** в жанре «магический реализм», как определяют ее организаторы [6] на Сайте свободных ролевых коммуникаций. Как и в рассмотренных выше сетевых роушплей, в основу сюжета двухдневной оффлайн-игры кладется представление о начале нового цикла («Новый круг и новый шанс» [6]) и возможностях продолжить жизнь Дома. Игра строится по канону, каждый игрок принадлежит одной из стай, максимально претворяет в жизнь внешность (создание соответствующего антуража – одно из правил квеста) и черты характера персонажей книги, для чего игрокам необходимо досконально знать текст, однако во избежание непосредственного копирования само действие переносится на новый круг, что

позволяет игрокам не только продемонстрировать свое прочтение исходного текста, но и выступить соавторами продолжения книги / альтернативного финала: «И, может быть, ты не увидишь луж крови в ночь перед выпуском. А они не будут носить вечный траур. Может быть, на этом Круге ты позволишь себе поверить, хотя бы на пару минут? А ему удастся сдержаться хоть раз - и остаться с вами до последнего» [6]. Так, в игре допускаются некоторые вариации: Волк остается в живых, Лорд попадает в Дом пять лет назад, Кузнечик в детстве не обучается у Седого, вводятся персонажи из предыдущего выпуска (Ведьма, Мавр, Седой, Череп), что разрушает линейный пространственно-временной континуум, и др. Несмотря на формат «живой» игры, предполагается не только непосредственное взаимодействие людей, но и коммуникация с «мастерами» в сообществе во ВКонтакте и в сетевых дневниках (<http://pay.diary.ru/~mojouniverse/>).

Следует отметить, что, как правило, сформировать представление онлайн-игроков об условности времени и пространства виртуального Дома не представляет сложности. Однако для участников «живого» квеста необходимо разграничить реальную локацию – к примеру, базу отдыха в Ленинградской области, – и игровой сеттинг («Время и место – лишь переменные. Их значение нестабильно. Важно лишь то, что начинается новый Круг» [6], а до выпуска и сноса Дома остается полгода), который включает Дом, Изнанку, представленную двумя локусами – дорогой и лесом, а также пограничное пространство – Бар на перекрестке.

Одним из вариантов расширения книги в игре является формат **оффлайн-встреч участников форумных игр** – «нечто среднее между Ночью сказок, Меняльным днем и просто сходкой в тайм-кафе Сил.point» [17]. Следует отметить, что далеко не все игровые сообщества допускают подобные встречи в реальности, так как это противоречит и особенностям художественного мира Дома (выход в Наружность), и условиям функционирования онлайн-комьюнити, которые зачастую не предполагают общение вне сети. Целями таких встреч могут являться обмен впечатлениями от книги, чтение отрывков, знакомство с фанфиками, обмен предметами фан-арта по книге М. Петросян.

Очевидно, что роман М. Петросян «Дом, в котором...» обладает потенциалом к расширению художественного пространства в виде игровой симуляции. На основе этого можно выделить характеристики книги, способствующие этому.

Во-первых, специфика **сюжета**. По обыкновению в игре сюжет связан с прохождением уровней. Механика игры сводится к выполнению заданий на каждом из них, постепенном повышении сложности, добавлении персонажам качеств и свойств, которые позволяют решать новые задачи. Сюжет романа М. Петросян обнаруживает черты повторяемости, сериальности – пребывание героев в Доме строится согласно циклам, действия персонажей носят ритуализированный характер, что позволяет, с одной стороны, заимствовать элементы художественного мира «Дома, в котором...», использовать характеристики персонажей книги, а с другой стороны, вносить изменения в характеры, вводить новых персонажей, разрабатывать новые эпизоды, строить сюжетные линии, объясняя это началом нового цикла жизни Дома. Немаловажными для построения игровой вселенной являются и

фантастические мотивы, не только присутствующие в сюжете романа, но и в целом характеризующие структуру художественного мира Дома.

Во-вторых, особый **хронотоп**. Для игры необходим хорошо проработанный сеттинг (игровое пространство, набор мест, культур, событий – в нашем случае сеттинг включает непосредственно сам Дом и отдельные локации, такие как лес, дорога, закусочная, свалка, кофейник, могильник и др.), который включает в себя культурный фон, исторический бэкграунд, социальную иерархию и др., а также параллельные миры (в данном случае это Наружность и Изнанка). Наружность представляет собой небытие – внешнее, враждебное пространство, которое пугает героев, а потому они предпочитают меньше всего говорить и думать о нем («Мира, куда их выбрасывают, когда им исполняется восемнадцать, для них не существует» [16, с. 135]), а Изнанка – инобытие, путь в которое открывается лишь избранным, познающим там свою истинную сущность. Таким образом, Дом в романе находится на периферии миров, изолирован и в то же время проницаем для вхождения в него других пространств и по сути представляет собой гетеротопию [3] – особым образом организованное мифологическое, культурное, символическое пространство с особым внутренним временем. Сеттинг игр на основе книги также являет собой неопределенное, условное пространство, максимально приближенное к пространству книги-источника, в котором реализуется возможность участников самим конструировать свои личности [5]. Внутренняя структура Дома в романе и Дома как игрового сеттинга определяется не только структурированием пространства (комнаты, общие коридоры, лестницы, чердак, двор, столовая, могильник и др.), но и иерархией взаимоотношений в микросоциуме.

В-третьих, базовой формообразующей характеристикой игры как феномена является наличие **свода правил**. Правила игры по мотивам книги М. Петросян сформулировать достаточно просто, так как в их основу можно класть исходные принципы совместного проживания и взаимодействия персонажей книги-канона (как внутри своей стаи, так и с различными группами: учителями и руководством, воспитателями, родителями), ведь в художественном мире романа существует порядок, определяющий жизнь героев Дома: социальную структуру, ритуальность действий и др. [19]. И в то же время в книге допускается идея ослабления строгих норм или их изменения в процессе функционирования Дома как особого мира и жизни человека в нем.

И если игра как феномен, по замечанию Г. Фраски [24, с. 232–233], – это симуляция, действующая на основании системы правил, состоящей из четырех уровней, то роуплей по мотивам книги «Дом, в котором...» предполагают действия игроков исходя из репрезентативного уровня этой системы (характеристика персонажей, свойства игрового сеттинга в целом и отдельных локаций, сюжет и внесюжетные элементы), правил манипуляции (определяют способы взаимодействия игроков между собой и ограничения в их действиях в рамках игровой модели), цели (прописывают какие решения и действия игрока будут наилучшими, наиболее выигрышными и приведут к значимым результатам) и метаправил, указывающих на то, при каких обстоятельствах и каким образом могут быть изменены действующие в игре правила.

В-четвертых, возникновению многочисленных игр на основе романа «Дом, в котором...» способствуют **герои** – хорошо прописанные и детализированные с одной стороны (особенности внешности, характера, поведения, их предпочтения и увлечения, жизненные принципы и др.) и допускающие развитие и изменение с другой; одновременно индивидуализированные и представляющие определенный тип (исследователи также отмечают соответствие героев определенным архетипам: так, Табаки представляет собой архетип Трикстера, Сфинкс – целостная личность – архетип Героя, Курильщик – Персоны, Слепой – Тени, Рыжая одновременно является и Анимой Лорда, и Матерью и т. д. [5]).

Немаловажной характеристикой является близость героев предполагаемой целевой аудитории игры (в данном случае подростки, ставящие себя в оппозицию к окружающему миру и испытывающие спектр связанных с травмой взросления эмоций и чувств). Персонажи книги изначально заявлены как дети с особенностями (инвалиды, не принятые обществом и оставленные родителями в доме-интернате: шестипалый и горбатый Горбач, с детства незрячий Слепой, безрукий Сфинкс, не способный ходить Табаки). Жители Дома лишены привычных имен и общаются по никам, которые выступают первичной характеристикой героя (Кузнечик, Слепой, Курильщик, Рыжий, Кролик, Слон, Акула и др.).

Важно, что даже внутри замкнутого и ограниченного правилами пространства Дома они все же строят мир исходя из своих представлений, и часто этому помогает обращение к искусству (отметим, что жизнь всех героев так или иначе связана с творчеством), общение с единомышленниками, дружба и любовь. Оформлению игрового пространства способствует объединение персонажей книги во фракции, или стаи (Крысы, Птицы, Фазаны, Псы и четвертая, объединяющая самобытных и находящихся непосредственно в центре внимания автора героев), которые отличаются и концептуально (отношение к жизни, культура, принципы взаимодействия с другими людьми), и внешне (цвет одежды, амулеты, оформление комнаты, предпочтения в музыке и др.). У стай есть вожаки, которых можно сместить только в Самую Длинную Ночь, и рядовые члены, а также свод законов, которым они должны следовать. Есть герои, наделенные особыми возможностями (Логи – шпионы, владеющие информацией и распространяющие по Дому новости, Летуны – ходящие в Наружность, а потому больше других испытывающие ее влияние, Ходоки – воспитанники, путешествующие на Изнанку, Прыгуны – попадающие на Изнанку, но не контролируемые свои перемещения).

Стоит отметить и речевую характеристику персонажей, ведь в основе литературной ролевой игры лежат именно речевые действия персонажей, реализуемые в виде диалогов. Так, примечательны сказки Табаки, притчевый тон Сфинкса, порой метафоричная, порой бессвязная речь Стервятника и др.

В-пятых, непременным условием трансмедийного расширения книги является **наличие** в ней **пустот** – лакун для заполнения смыслами, пространства для додумывания, заполнения идеями игроков и создателей игры.

Книга М. Петросян – это полисмысловая структура, предполагающая игру с читателем: «текст-игра с традициями, аллюзиями, текст о создании текста» [18, с. 229] осотворении мира и вещей, его заполняющих. По замечанию

К. Тихомировой, «цитаты и реминисценции по большей части выполняют старую добрую функцию культурного фона и характеристики героев» [20]. Так, каждый из персонажей не только имеет в основе один из архетипов, описанных К.Г. Юнгом, но и содержит отсылки к образам мировой культуры: Лось – аллюзия на Иисуса Христа, Македонский – падший ангел, Слепой – амбивалентный образ потустороннего мира, Сфинкс – «пастор», вдумчивый посредник между потусторонним миром и «домовцами», Табаки – сказатель, хранитель традиций Дома, Горбач – Крысолов и др. И в то же время книга «не является коллажем из готовых ходов и смыслов» [20], а открыта читательским интерпретациям.

ВЫВОДЫ

Таким образом, все вышеперечисленное (сюжет и герои, замкнутость пространства и мифологичность времени, система правил взаимодействия между персонажами и наличие свободного пространства для размышлений и интерпретаций, которое читатели стремятся заполнить собственным контентом (комментарии, отзывы, мероприятия, игры, фанфики, фан-арт и др.), способствует не только росту популярности романа М. Петросян среди довольно разнородной по характеристикам аудитории, но и расширению книги через различные сетевые и оффлайн-игры в трансмедийную вселенную.

Список литературы

1. *Абашева М.П., Катаев Ф.А.* Русская проза в эпоху Интернета: трансформации в поэтике и авторская идентичность: монография. – Пермь: Перм. гос. гуманитар.- пед. ун-т, 2013. – 168 с.
2. *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. – М.: Эксмо, 2014. – 124 с.
3. *Булгакова А.А.* Топос «дом» как гетеротопия в романе М. Петросян «Дом, в котором...» // Филологический класс. – 2021. – Том 26. № 2. – С. 167–181.
4. *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. 1. – М.: Гнозис, 1990. – 612 с.
5. *Воронкова П.Е.* Архетипический образ героя в произведении М. Петросян «Дом, в котором...» // Научные достижения и открытия современной молодежи: III Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 17 февраля 2018 г.). – Пенза: Наука и Просвещение, 2018. – С. 285–294.
6. Дом, в котором... – Режим доступа: <http://www.alexander6.ru/564262>. – (Дата обращения: 12.09.2022).
7. Дом, в котором... Сказки другой стороны. – Режим доступа: <https://dom.f-rpg.me/>. – (Дата обращения: 12.09.2022).
8. Дом, в котором... Ролевая игра. – Режим доступа: https://vk.com/dreams_thegrayhouse_gp. – (Дата обращения: 12.09.2022).
9. *Каганских А.* Подростки с топорами. – Режим доступа: <https://batenka.ru/unity/sect/teens-with-axes/>. – (Дата обращения: 10.10.2022).
10. *Кант, И.* Критика способности суждения. – М.: Искусство, 1994. – 369 с.
11. Квест по мотивам книги «Дом, в котором...» пройдет на ЗИЛе. – Режим доступа: https://www.m24.ru/articles/literatura/11062014/47194?utm_source=CopyBuf?utm_source=CopyBuf. – (Дата обращения: 25.08.2022).

12. Круг № 32. – Режим доступа: <http://domv kotorom.rolka.me/>. – (Дата обращения: 13.09.2022).
13. *Кутляев Т. Х.* Жанровая типология компьютерных игр: проблема систематизации художественных средств: автореф. дисс. канд. культурологии. – М.: РГГУ, 2014. – 26 с.
14. *Ницше, Ф.* По ту сторону добра и зла; Казус Вагнер; Антихрист; Ессе Номо. – Минск: Попурри, 1997. – 544 с.
15. *Осекин С. О.* Компьютерная игра как способ коммуникации // *Культура и цивилизация*. – 2015. – № 6. – С. 139–147.
16. *Петросян М.* Дом, в котором. – М.: Лайвбук, 2018. – 1500 с.
17. РИ «Дом, в котором...». – Режим доступа: <https://vk.com/club48370204>. – (Дата обращения: 14.09.2022).
18. *Рогова Е. Н., Яницкий Л. С.* Тема болезни и ее функция в романе М. Петросян «Дом, в котором...» // *Новый филологический вестник*. – 2020. – № 4 (55). – С. 226–238.
19. *Синегубова К.В.* Иносказательные изображения в романе Мариам Петросян «Дом, в котором...» // *Вестн. Кемеровского гос. ун.-та*. – 2022. – Т. 24. № 5. – С. 654–661.
20. *Тихомирова К.* Книга, в которой... // *Наше наследие. Историко-культурный журнал*. – Режим доступа: http://www.nasledie-rus.ru/red_port/dom.php. – (Дата обращения: 10.08.2022).
21. Форумная ролевая игра «Home'Ostasis». – Режим доступа: <http://homeostasis.rolevaya.com/>. – (Дата обращения: 13.09.2022).
22. *Хёйзинга Й.* Номо Ludens; Статьи по истории культуры. – М.: Прогресс-Традиция, 1997. – 416 с.
23. *Юзефович Г.* Мариам Петросян: «Новых книг от меня ждать не стоит...» // *Частный корреспондент*. – Режим доступа: http://www.chaskor.ru/article/mariam_petrosyan_novyh_knig_ot_menya_zhdat_ne_stoit_15919 – (Дата обращения: 18.08.2022).
24. *Frasca G.* Simulation versus Narrative: Introduction to Ludology // *Wolf M.J.P., Perron B. The Video Game Theory Reader*. – NY: Routledge, 2003. – PP. 221–235.

References

1. *Abasheva M.P., Kataev F.A. Russkaja proza v jepohu Interneta: transformacii v pojetike i avtorskaja identichnost': monografija* [Russian prose in the era of the Internet: transformations in poetics and author's identity: a monograph]. Perm', Perm. gos. gumanit.- ped. un-t Publ., 2013. 168 p.
2. *Bern Je. Igrы, v kotorye igrajut ljudi. Ljudi, kotorye igrajut v igry* [Games that People Play. People Who Play Games]. Moscow, Jeksmo Publ., 2014. 124 p.
3. *Bulgakova A.A. Topos «dom» kak geterotopija v romane M. Petrosjan «Dom, v kotorom...»* [Topos "house" as a heterotopia in M. Petrosyan's novel "The House in Which..."]. *Filologicheskij klass*, 2021, Vol. 26, no 2, pp. 167–181.
4. *Vitgenshtejn L. Filosofskie raboty. Ch. I* [Philosophical Works. Part 1]. Moscow, Gnozis Publ., 1990. 612 p.
5. *Voronkova P.E. Arhetipicheskij obraz geroja v proizvedenii M. Petrosjan «Dom, v kotorom...»* [The archetypal image of the hero in the work of M. Petrosyan "The House in Which ..."]. *Nauchnye dostizhenija i otkrytija sovremennoj molodezhi: III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* Penza, Nauka i Prosveshhenie Publ., 2018, pp. 285–294.

6. *Dom, v kotorom...* [The house in which...] Available from: <http://www.alexander6.ru/564262> (accessed: 12 September 2022).
7. *Dom, v kotorom... Skazki drugoj storony* [The house in which ... Tales of the other side]. Available from: <https://dom.f-rpg.me/> (accessed: 12 September 2022).
8. *Dom, v kotorom... Rolevaja igra* [The house in which... Role-playing game] Available from: https://vk.com/dreams_thegrayhouse_rp. (accessed: 12 September 2022).
9. Kaganskih A. *Podrostki s toporami* [Teenagers with Axes] Available from: <https://batenka.ru/unity/sect/teens-with-axes/>. (accessed: 10 October 2022).
10. Kant I. *Kritika sposobnosti suzhdenija* [Criticism of the Ability of Judgment]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1994. 369 p.
11. *Kvest po motivam knigi «Dom, v kotorom...» projdet na ZILe* [The quest based on the book "The House in which..." will be held on ZIL]. Available from: https://www.m24.ru/articles/literatura/11062014/47194?utm_source=CopyBuf?utm_source=CopyBuf (accessed: 25 August 2022).
12. *Krug № 32* [Circle No. 32]. Available from: <http://domvkotorom.rolka.me/>. (accessed: 13 September 2022).
13. Kutlaliyev T.H. *Zhanrovaja tipologija komp'yuternyh igr: problema sistematizacii hudozhestvennyh sredstv: avtoref. diss. kand. kul'turologii* [Genre typology of computer games: the problem of systematization of artistic means. Abstract of thesis]. Moscow, 2014. 26 p.
14. Nicshe, F. *Po tu storonu dobra i zla; Kazus Vagner; Antihrist; Ecce Homo* [Beyond Good and Evil; Case Wagner; Antichrist; Ecce Homo]. Minsk, Popurri Publ., 1997. 544 p.
15. Osekin S.O. *Komp'yuternaja igra kak sposob kommunikacii* [Computer Game as a Way of Communication]. *Kul'tura i civilizacija*, 2015, no 6, pp. 139–147.
16. Petrosjan M. *Dom, v kotorom...* [The House in which...]. Moscow, Lajvbuk Publ., 2018. 1500 p.
17. *RI «Dom, v kotorom...»* [RP "The House in Which ..."]. Available from: <https://vk.com/club48370204>. (accessed: 14 September 2022).
18. Rogova E.N., Janickij L.S. *Tema bolezni i ee funkcija v romane M. Petrosjan «Dom, v kotorom...»* [The theme of the disease and its function in the novel by M. Petrosyan "The House in which ..."]. *Novyj filologicheskij vestnik*, 2020, no 4 (55), pp. 226–238.
19. Sinegubova K.V. *Inoskazatel'nye izobrazhenija v romane Mariam Petrosjan «Dom, v kotorom...»* [Allegorical Images in Mariam Petrosyan's Novel "The House in Which..."]. *Vestn. Kemerovskogo gos. un.-ta*, 2022, Vol. 24, no 5, pp. 654–661.
20. Tihomirova K. *Kniga, v kotoroj...* [The book in which...]. *Nashe nasledie. Istoriko-kul'turnyj zhurnal* [Elektronnyj resurs]. Available from: http://www.nasledie-rus.ru/red_port/dom.php. (accessed: 10 August 2022).
21. *Forumnaja rolevaja igra «Home'Ostasis»* [Forum role-playing game "Home'Ostasis"] Available from: <http://homeostasis.rolevaya.com/>. (accessed: 13 September 2022).
22. Hjozjinga J. *Homo Ludens; Stat'i po istorii kul'tury* [Homo Ludens; Articles on the History of Culture]. Moscow, Progress-Tradicija, 1997. 416 p.
23. Juzefovich G. *Mariam Petrosjan: «Novyh knig ot menja zhdat' ne stoit...»* [Mariam Petrosyan: "You shouldn't expect new books from me..."] *Chastnyj Korrespondent*. Available from: http://www.chaskor.ru/article/mariam_petrosyan_novyh_knig_ot_menya_zhdat_ne_stoit_15919 (accessed: 18 August 2022).

24. Frasca G. *Simulation versus Narrative: Introduction to Ludology*. Wolf M. J. P., Perron B. The Video Game Theory Reader. NY: Routledge, 2003, pp. 221–235.

**GAME AS A WAY TO EXPAND THE WORLD OF THE BOOK
(ON THE EXAMPLE OF M. PETROSSIAN'S NOVEL
"THE HOUSE IN WHICH...")**

Bulgakova A. A.

The article considers the possibility of expanding the boundaries of a fiction text by forming around it (and on its basis) an online and offline game space with the help of various media channels, which allows us to talk about the creation of a transmedia universe of the work. The game is seen as an important social and cultural practice, creating a special reality simulating the real one, which makes it similar to the world of a work of fiction. The focus of the article is literary role-playing, which is attractive for book readers due to its high interactivity, possibility to create and share multimedia fan-art based on the text-canon. Game allows to deepen the understanding of the text of the work and stimulates the production of reading content, which increases the popularity of the book, expands the readership and ensures its longevity in the media culture. Based on the analysis of role-playing literary games on forums and social networks, as well as quests and live-action role-playing games, a number of characteristics of the artistic text that make it attractive for creating role-playing games (specificity of plot, chronotope, characters, the presence of a system of rules of interaction between characters and interpretative gaps) are revealed.

Key words: M. Petrosyan, transmedia, game, literary role-playing game, quest.

УДК 372.8:81'242:37.014.15(470)

РОДНОЙ ЯЗЫК КАК БАЗОВАЯ КАТЕГОРИЯ «КОНЦЕПЦИИ ПРЕПОДАВАНИЯ РОДНЫХ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ РФ»

Эмирова А. М.

*ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»,
Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
E-mail: adile.emirova@gmail.com*

В статье анализируются актуальные проблемы современной языковой политики в РФ на фоне предшествующих этапов ее развития в СССР. Кратко охарактеризовано содержание федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», в центре внимания – утвержденная в 2019 г. «Концепция преподавания родных языков народов РФ», в основу которой положен Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» с его дополнениями и изменениями последних лет. Подробно охарактеризовано значение термина *родной язык* как базовой категории названной Концепции. Отмечено несоответствие некоторых положений Концепции содержанию основного федерального закона об образовании. Существующая сегодня в Российской Федерации образовательная практика, ограниченная не только возможностями самой образовательной системы, но и предоставлением родителям права выбирать язык обучения детей, не в состоянии в должной мере способствовать сохранению и развитию этнических (национальных) языков. Рассмотрено также содержание итогового документа международной конференции высокого уровня «Всемирная сокровищница родных языков: оберегать и деляться. Контекст, политика и практика сохранения языков коренных народов» (Москва, 5–7 июля 2022 г.) – «Московская декларация о сохранении родных языков».

Ключевые слова: родной язык, языки народов РФ, закон об образовании, концепция преподавания родных языков народов РФ.

Промедление смерти подобно!

Петр I

ВВЕДЕНИЕ

Жизнь мирового сообщества сегодня определяется ускоряющимися процессами глобализации, которая охватывает не только экономику, но и все другие сферы жизнедеятельности общества. Положительно сказываясь на экономике и способствуя улучшению качества жизни в материальном плане, глобализация отрицательно воздействует на другие участки национальных культур, прежде всего – на национальные (этнические) языки. Глобальные миграционные процессы, которые по разным причинам периодически происходили и в прежние времена, особенно активизировались сегодня и сказываются прежде всего на языке мигрантов как основном средстве социализации в новых условиях.

Сегодняшнее состояние языков народов РФ во многом является следствием некорректной языковой политики, проводившейся в СССР. Процессы социально-культурного строительства, которые происходили в прошлом веке в рамках СССР, сегодня могут быть интерпретированы как глобализация в миниатюре, если можно так сказать о той огромной евразийской территории, которую занимал Советский Союз: во всех сферах жизни и социальной коммуникации стал использоваться русский язык. Начиная с довоенного времени стали набирать силу процессы

обесценения значимости национальных языков и культур. Переломным моментом в языковой политике 1930-х годов стало постановление ЦК ВКП(б) и Совета народных комиссаров от 13.03.1938 г. «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей», вследствие чего активизировался процесс закрытия национальных школ. В 1958 г. был принят еще один закон, «Об укреплении связи школы с жизнью», по которому родители других национальностей получили право выбирать школы с русским языком обучения, что привело к закрытию большого числа школ с национальными языками обучения [1, с. 35; 2, с. 264–289].

После распада СССР Институт языков народов России Министерства Российской Федерации по делам национальностей и региональной политике выступил инициатором и создателем «Красной книги языков народов России», которая была издана в 1994 г. В ней охарактеризован уровень витальности 63 миноритарных языков РФ. Половина этих языков, по свидетельству главного редактора проф. В. П. Нерознака, в 1993 г. находилась в опасной зоне [3, с. 7]. Попытка выяснения методом случайной выборки сегодняшнего состояния этих языков показала, что некоторые из них уже не функционируют (убыхский, югский и др.), а другие укрепили свою витальность, что подтверждается данными последних переписей.

Актуальность рассматриваемой проблематики определяется необходимостью совершенствования проводимой в рамках РФ языковой политики, способствующей сохранению и развитию этнических (национальных) языков.

Целью предлагаемого исследования является критический (с целью оценить, выявить недостатки) анализ законодательных, методологических и иных документов, определяющих современную языковую политику в РФ.

Материалом исследования являются тексты названных выше документов и собственные наблюдения автора статьи над образовательной практикой в своем регионе.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

В РФ сегодня проблемы сохранения и развития национальных языков находятся в центре внимания соответствующих органов: регулярно проходят дни родного языка, годы и даже десятилетия языков коренных народов РФ, в рамках которых проводятся различные мероприятия, способствующие сохранению и развитию национальных языков. По данным Всероссийской переписи населения 2021 г., на территории РФ сосуществуют более 190 народов, говорящих на разных языках и диалектах (около 280), которые (языки и диалекты) отличаются своими коммуникативными возможностями и, соответственно социальным статусом. В рамках стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года разработана и 31 октября 2019 г. утверждена «Концепция преподавания родных языков народов РФ», в основу которой положены Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ и Федеральный закон от 03.08.2018 № 317-ФЗ «О внесении изменений в статьи 11, 14 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации».

В центре внимания Концепции находятся проблемы изучения и преподавания учебного предмета «Родной язык» в системе общего образования: формирование устойчивых механизмов мотивации к изучению родных языков; региональные и этнокультурные особенности содержания учебного предмета «родной язык»; внедрение в образовательную деятельность дифференцированных методик преподавания предметной области, кадровые проблемы и др.

Конечно, все эти проблемы всесторонне обсуждались на этапе подготовки и принятия Концепции, однако внимательное прочтение основных положений текста Концепции обнаруживает некоторые его смысловые (интерпретационные) расхождения с текстом ФЗ от 03.08.2018 № 317-ФЗ «О внесении изменений в статьи 11, 14 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» и даже в какой-то мере противоречит ему. В соответствии с последним свободный выбор языка образования, изучение родного языка из числа языков народов Российской Федерации, в том числе русского языка как родного языка, государственных языков республик Российской Федерации осуществляется по заявлениям родителей (законных представителей).

Из сказанного следует, что в случае выбора нерусскими родителями русского языка в качестве родного их ребенок получит знания и умения, отраженные в примерной рабочей программе «Русский родной язык» [5]. Содержание программы ориентировано на сопровождение основного курса русского языка, обязательного для изучения во всех школах Российской Федерации: русский язык, прошлое и настоящее (язык и история, язык и культура и др.); русский язык в действии (нормы русского литературного языка, нормативные словари и др.); развитие коммуникативных навыков учащихся и др. Следовательно, при выборе нерусскими родителями русского языка в качестве родного их ребенок не будет получать знания о своем этносе и его культуре, в том числе и о языке, и, следовательно, не овладеет родным, этническим, языком. Иначе: выбор нерусскими родителями русского языка в качестве родного для своего ребенка не способствует сохранению национальных языков и находится в явном противоречии со стратегическим и тактическим лозунгом Концепции: «Родной язык является хранилищем культурной памяти народа, основой его *национальной самоидентификации* и достоянием мировой цивилизации» (выделено нами. – Э. А. М.).

Сказанное выше предполагает обращение к содержанию термина *родной язык*. До настоящего времени широкое хождение имеет профанное, ненаучное определение: родной язык – это язык, на котором человек думает (мыслит). К сожалению, это расхожее определение встречалось во время проведения всех предыдущих переписей населения в СССР, включая и последнюю (2020–2021 гг.) в РФ. Ученые, работающие в области когнитивных наук, в том числе и психолингвисты, считают, что мыслительная деятельность человека облекается в слова лишь на последнем этапе порождения речи – при наличии реального собеседника (в звуковой форме) или предполагаемого (в графической форме). В разговорном варианте научного языка встречается и такое определение: человек «думает» (именно в кавычках) разного типа образами и их сочетаниями, обусловленными личностным опытом говорящего. Проф. Т. В. Черниговская,

директор Института когнитивных исследований СПбГУ, в ответ на вопрос журналиста, думает ли человек с помощью языка, ответила, что «наиболее сложные вещи лишь на последнем этапе мыслительного процесса формулируются с помощью языка» [8].

В научных работах разного жанра, посвященных общим проблемам социальной лингвистики, встречаются разные толкования термина *родной язык*. Остановимся лишь на специальных словарях социолингвистических терминов. В «Словаре социолингвистических терминов» даны два значения термина: «1. Язык, усваиваемый ребенком в раннем детстве бессознательно, путем подражания речи взрослых, и навыки использования которого могут сохраняться или утрачиваться взрослым человеком. 2. Язык самоидентификации с этносом, занимающий важное место в языковом сознании любого народа и связанный с действием ментальных стереотипов, дифференцирующих понятия «свое» и «чужое» при самоотождествлении любого этнического коллектива» [7, с. 89]. «Словарь социолингвистических терминов», подготовленный и изданный Институтом языкознания РАН [6], дает более широкое и, как представляется, более адекватное комплексному содержанию понятия *родной язык* дефиницию: «1. То же, что и материнский язык. Первый язык, который усвоен человеком с детства («язык колыбели»). Обычно он совпадает с языком родителей или одного из них. 2. То же, что этнический язык 3. То же, что и функционально первый язык. 4. То же, что национальный язык, т. е. язык любого народа, населяющего РФ, кроме русского» [6, с. 187]. Здесь следует обратить внимание на то, что приведенные выше определения понятия *родной язык* опираются на объективные социологические опросы: «Как показали полевые исследования, для большинства этносов РФ понятие «родной язык» неразрывно связано с понятием языка своей народности независимо от степени владения им и является одним из основных показателей национальной принадлежности» [Там же].

Как видно из текста предыдущего абзаца, из четырех значений термина лишь 1-е и 3-е могут быть соотнесены с русским языком при допущении, что речь идет о смешанных семьях, в которых мать ребенка является русской по национальности и нет представителей старшего поколения по линии мужа. (Сказанное относится и к 1-му значению термина в словаре [7].) Разумеется, процессы самоидентификации с этносом затруднены в смешанных семьях. Их решение зависит от уровня социального престижа родных языков супругов, их (супругов) национально-языкового сознания и желания приобщать детей к родовым корням.

В словаре [6] имеются еще два термина, способствующих уточнению понятия «родной язык», – функционально первый язык и функционально второй язык. Первый означает язык, которым билингв (полилингв) часто пользуется во всех коммуникативных сферах; соответственно, второй – это язык, которым он изредка пользуется в определенных условиях, например, в семье (см.: [6, с. 237]).

Складывается впечатление, что при подготовке и принятии Концепции ее составители не консультировались со специалистами и не учитывали словарь социолингвистических терминов, подготовленный в Институте языкознания РАН,

который наряду с Институтом русского языка им. В. В. Виноградова является ведущим филологическим научным центром РФ.

Как следует из вышесказанного, в сознании людей, не имеющих знаний в области когнитивистики, к сожалению, в том числе и филологов, преподавателей средней и высшей школы, понятие *родной язык* устойчиво подменяется понятием *функционально активного языка*. И это не случайно: более 80% населения РФ являются русскими, а представители других народов и национальностей используют русский язык в качестве функционально первого языка, потому что он является языком государствообразующего народа, что отражено в новой редакции статьи 68 Конституции РФ.

На сегодняшнем этапе введения в практику преподавания родных языков основных положений Концепции следовало бы провести если не тотальный опрос родителей о выборе ими родного языка (при желании его можно было осуществить в рамках прошедшей всероссийской переписи населения), то хотя бы выборочный, например в наиболее крупных по численности населения субъектах РФ. Полагаем, что и без такого опроса сегодня можно утверждать, что значительное число родителей (законных представителей) нерусской национальности, а также в смешанных семьях выбирают для своих детей в качестве родного именно русский язык. И это понятно и оправданно: для оптимальной социализации детей в российском сообществе необходимо полноценное знание и использование ими русского языка как универсального социального инструмента создания и развития современной экономики, обеспечивающей благосостояние всех народов РФ. Как известно, аналогичные языковые процессы происходят во всех крупных государствах сегодняшнего мира. Здесь нет необходимости говорить о все возрастающей роли английского языка не только как инструмента бизнеса, но и показателя особой социальной значимости и престижности, обеспечивающего карьерный рост человека. Однако следует подумать о том, чтобы рост социальной значимости английского языка не происходил за счет коммуникативного «пространства» русского и других национальных языков РФ.

В рамках Международного десятилетия языков коренных народов мира (2022–2032) 5–7 июля 2022 г. в Москве была проведена Международная конференция высокого уровня «Всемирная сокровищница родных языков: оберегать и лелеять. Контекст, политика и практика сохранения языков коренных народов», в работе которой приняли участие более 65 участников из стран зарубежья и более 110 представителей из регионов Российской Федерации.

По результатам работы конференции высокого уровня создан итоговый документ, получивший название «Московская декларация о сохранении родных языков» [4]. В документе заявлено, что «в той или иной степени в большинстве стран ведется деятельность, направленная на поддержку языков коренных народов, однако того, что делается, явно недостаточно». Утверждается, что современное состояние и будущее языков коренных народов зависит в первую очередь от наличия четкой коллективной воли к их сохранению и развитию у народов, носителей этих языков. Отмечено, что в период проведения Международного десятилетия языков коренных народов необходимо предпринимать все возможные меры для глубокого анализа

языковых проблем современного мира и формирования новых подходов к их решению: выстраивать политику поддержки миноритарных языков и языков коренных народов на основе диалога с представителями языковых сообществ; активно вовлекать в решение проблем сохранения исчезающих языков самих носителей этих языков, системно и последовательно мотивируя их с помощью различных мер поддержки на всех уровнях; преодолевать такие субъективные причины, как пассивность и слабая мотивированность самих носителей коренных и миноритарных языков к изучению и сохранению этих языков, и др.

Далее в Декларации намечены возможные пути и способы решения необходимых проблем на уровне ЮНЕСКО и других международных организаций на уровне национальных правительств и других органов власти, а также на уровне организаций науки, образования, культуры и искусства.

Как следует из сказанного, впереди у мирового сообщества очень кропотливая и трудная работа по конкретизации намеченных планов сохранения родных (этнических) языков и их воплощению в жизнь.

ВЫВОДЫ

Как показывает сегодняшняя образовательная практика на местах, декларированные в п. 4 статьи 14 федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» права граждан Российской Федерации на получение дошкольного, начального общего и основного общего образования на родном языке из числа языков народов Российской Федерации, а также право на изучение родного языка из числа языков народов Российской Федерации ограничены не только самой системой образования (отсутствие в данном регионе соответствующего желанию родителей уровня образовательного заведения, помещений для занятий, преподавателей-предметников, нехватка учебников и учебных пособий и др.), но и в гораздо большей степени волей родителей, которые сегодня могут выбрать в качестве родного не свой этнический язык, реально находящийся в опасности, а русский. И такой выбор, как уже говорилось выше, свидетельствует об их разумном практическом и патриотическом подходе к решению этой сложной проблемы. Однако, как показывает опыт последнего столетия, процессы ослабления витальности и умирания языков не прекращаются. Речь идет о языках не только миноритарных (малочисленных) этносов (до 50 тысяч человек), но и о большинстве этнических языков на территории РФ. Предоставленное родителям (законным представителям) право выбирать русский язык в качестве родного, несомненно, способствует патриотическому воспитанию молодого поколения граждан нашей страны, однако, к сожалению, не может в должной мере способствовать сохранению национальных языков и культур. Такую всемирной, общечеловеческой значимости социальную сферу, как народное образование, нельзя отдавать на откуп родителям, не всегда в достаточной степени образованным или действующим в угоду современной конъюнктуре. Сегодня остается лишь один маленький шанс сохранить родные (этнические) языки – путем их преподавания хотя бы на первом этапе школьного образования, а именно в начальной школе. Завтра будет поздно. «Промедление смерти подобно!»

Список литературы

1. Баскаков А. Н., Насырова О. Д. Языковые ситуации в тюркоязычных республиках Российской Федерации (Краткий социолингвистический очерк) // Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 34–129.
2. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика: Учебник для вузов. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2001. – 499 с.
3. Красная книга языков народов России: Энциклопедический словарь-справочник / Гл. ред. В. П. Нерознак. – М.: Институт языков народов России, 1994. – 119 с.
4. Московская декларация о сохранении родных языков». – Режим доступа: http://www.ifapcom.ru/files/2022/moskva_yazyki/Moskovskaya_deklaratsiya_2022_rus_web.pdf. – (Дата обращения: 15.03.2023).
5. Русский родной язык. Примерные рабочие программы. 1–4 классы: учеб. пособие для общеобразовательных организаций / [О. М. Александрова и др. / Под ред. О. М. Александровой. – М.: Просвещение, 2020. – 96 с. – Режим доступа: <https://catalog.prosv.ru/attachment/20465ad321279faadd93b21ff2760aacf9e7abbd.pdf>. – (Дата обращения: 15.03.2023).
6. Словарь социолингвистических терминов. – Москва: ИЯ РАН, 2006. – 312 с.
7. Сулейменова Э. Д., Шаймерденова Н. Ж. Словарь социолингвистических терминов. – Алматы: Казак университеті, 2002. – 170 с.
8. Черниговская Т. В. Человек: его мозг и язык. Зачем психолингвисты проводят эксперименты? – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=h1FXJUbrTuU>. – (Дата обращения: 15.03.2023).

References

1. Baskakov A. N., Nasyrova O. D. *Jazykovye situacii v tjurkojazychnyh respublikah Rossijskoj Federacii (Kratkij sociolingvisticheskiy ocherk)* [Language Situations in the Turkic-Speaking Republics of the Russian Federation (A Brief Sociolinguistic Essay)]. *Jazyki Rossijskoj Federacii i novogo zarubezh'ja: status i funkcii*. Moscow, Jeditorial URSS Publ., 2000. pp. 34–129.
2. Belikov V. I., Krysin L. P. *Sociolingvistika: Uchebnik dlja vuzov*. [Sociolinguistics: Textbook for universities]. Moscow, Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet Publ., 2001. 499 p.
3. *Krasnaja kniga jazykov narodov Rossii: Jenciklopedicheskij slovar'-spravochnik* [Red Book of the Languages of the Peoples of Russia: Encyclopedic Dictionary-Reference]. Moscow, Institut jazykov narodov Rossii Publ, 1994. 119 p.
4. «*Moskovskaja deklaracija o sohranenii rodnyh jazykov*» [Moscow Declaration on the Preservation of Native Languages]. Available from: http://www.ifapcom.ru/files/2022/moskva_yazyki/Moskovskaya_deklaratsiya_2022_rus_web.pdf (accessed 15 March 2023).
5. *Russkij rodnoj jazyk. Primernye rabochie programmy. 1–4 klassy: uchebnoe posobie dlja obshheobrazovatel'nyh organizacij* [Russian native language. Sample work programs. Grades 1–4: textbook for educational organizations]. Moscow: Prosveshhenie Publ., 2020. 96 p. – Available from: <https://catalog.prosv.ru/attachment/20465ad321279faadd93b21ff2760aacf9e7abbd.pdf>. – (accessed 15 March 2023)
6. *Slovar' sociolingvisticheskikh terminov* [Dictionary of sociolinguistic terms]. Moscow: IJa RAN Publ., 2006. 312 p.
7. Sulejmenova Je. D., Shajmerdenova N. Zh. *Slovar' sociolingvisticheskikh terminov* [Dictionary of sociolinguistic terms]. Almaty: Kazak universiteti Publ., 2002. 170 p.

8. Chernigovskaja T. V. *Chelovek: ego mozg i jazyk. Zachem psiholingvisty provodjat jeksperimenty?* [Human: his brain and language. Why do psycholinguists conduct experiments?] – Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=hlFXJUbRtuU> (accessed 15 March 2023).

**NATIVE LANGUAGE AS A BASIC CATEGORY
OF THE "CONCEPT OF TEACHING THE NATIVE LANGUAGES
OF THE RUSSIAN FEDERATION PEOPLES"**

Emirova A. M.

The article analyzes the actual problems of modern language policy in the Russian Federation against the background of the previous stages of its development in the USSR. The content of the federal law «On Education in the Russian Federation» is briefly characterized. The focus is on the «Concept of Teaching Native Languages of the Nations of the Russian Federation» approved in 2019, which is based on the Federal Law «On Education in the Russian Federation» with its additions and changes in recent years. The meaning of the term native language as the basic category of the named Concept is characterized in detail. The inconsistency of some provisions of the Concept with the content of the main federal law on education is noted. The current educational practice in the Russian Federation, which is limited not only by the capabilities of the educational system itself, but also by granting parents (legal representatives) the right to choose the language of education for children, is not able to adequately contribute to the preservation and development of ethnic (national) languages. The content of the final document of the high-level international conference «The World Treasury of Native Languages: Protect and Cherish. Context, Policies and Practices for the Preservation of Indigenous Languages» (Moscow, July 5–7, 2022) – «Moscow Declaration on the Preservation of Native Languages».

Key words: native language, languages of the nations of the Russian Federation, law on education, concept of teaching native languages of the nations of the Russian Federation.

4. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

УДК: 81-139

ИМПЛИЦИТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ИМПЛИЦИТНОЙ СВЯЗНОСТИ ТЕКСТА В РАССКАЗЕ СОМЕРСЕТА МОЭМА “THE ANT AND THE GRASSHOPPER”

Баранова Е. С.

*Забайкальский институт железнодорожного транспорта
ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет путей сообщения»,
Чита, Российская Федерация
E-mail: evgeniya_chita@mail.ru*

Статья посвящена описанию имплицитной информации как элемента имплицитной связности текста в аспекте дискурс-анализа текста короткого рассказа «The Ant and the Grasshopper» британского писателя Сомерсета Моэма. Цель статьи – описать наличие имплицитной информации как элемента имплицитной связности текста, по-другому раскрыть авторский замысел художественного текста. Одной из частных задач статьи является описание имплицитности авторского замысла, сюжета рассказа. Через описание образов двух братьев Рэмси – трудолюбивого «муравья-Джорджа» и беззаботного «стрекозы-Тома» подтверждается авторская интенция как намек через художественные образы к постулату библейского сюжета о «смирения» перед судьбой – этим даром Бога. Имплицитной информацией, как элемента имплицитной связности текста, является мнение Моэма о значимости искусства в обучении людей терпению, мудрости, великодушию и смирению. Предварительные результаты исследования и описания элемента дискурса художественного текста как имплицитная информация согласуются с архетипически релевантными концептами, к примеру, концептом «братская любовь» наряду с мыслью о восприятии жизни как божьего дара, благословения, как гимну радости быстротечности человеческого бытия.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивный анализ, имплицитная информация, имплицитная связность, импликатура, текст, художественный текст.

ВВЕДЕНИЕ

Известно, что в лингвистике под понятием «имплицитная информация» подразумевается именно та информация, которая представлена (или описана) автором любого художественного текста неочевидно, т. е. неявно. При анализе любого художественного произведения чрезвычайно любопытно выявление и описание авторского замысла (в литературоведении), имплицитной информации (в лингвистике текста). И одним из методологических основ с позиций лингвистики выявления и описания имплицитного аспекта является дискурс-анализ. Дискурс-анализ текста, в данной статье рассказа Сомерсета Моэма «The Ant and the Grasshopper», позволяет описать наличие имплицитной информации как скрытого, неочевидного авторского замысла.

В своей автобиографии 1938 года «The Summing Up/Подведение итогов» Моэм дает ясную интерпретацию того, как он наблюдает за жизнью и ее ценностями, говоря: «For art, if it is to be reckoned as one of the great values of life, must teach men humility, tolerance, wisdom, and magnanimity / Ибо искусство, если его следует считать одной

из величайших ценностей жизни, должно учить людей смирению, терпимости, мудрости и великодушию» [13]. Думается, что именно поэтому автор взял за основу своего сюжета данного короткого рассказа известную всем басню о пользе трудолюбия и вреде праздного образа жизни, при этом преподнес читателю совершенно другую мораль. Рассказ Сомерсета Моэма «The Ant and the Grasshopper» по-иному интерпретирован в нашем дискурсе, особенно концовка рассказа с совершенно противоположным финалом, а потому, новым смыслом, наводящим на раздумия. Любопытно, что известная всем басня, точнее, ее финал, переосмыслен автором, предлагая читателю также вслед за ним осмыслить сюжет. Полагаем, что приведенная выше сентенция С. Моэма согласуется его видению пользы искусства художественного слова.

Цель статьи – описать наличие имплицитной информации как элемента имплицитной связности текста в аспекте дискурсивного анализа художественного текста. Для достижения поставленной цели решаются задачи описания имплицитности авторского замысла как имплицитной информации в свете интерпретации автором известного сюжета и описание импликатур.

Языковым материалом является англоязычный текст Сомерсета Моэма «The Ant and the Grasshopper». Для анализа данного текста нами использовался метод контекстуального анализа, метод дискурс-анализа, позволяющий выявить и описать элементы дискурса наряду с описательным методом. Данный метод – метод дискурс-анализа текста, помимо выявления элементов связности текста также способствовал описанию наличия имплицитной информации, которая позволяет выяснить авторский замысел при создании рассказа.

Таким образом, методология применения дискурс-анализа как выявления и описания элементов связности текста способствует и выявлению имплицитной информации как авторской идеи рассказа.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Известен тезис о том, что художественный текст всегда содержит подтекст, по-другому ту имплицитную информацию, которую всегда любопытно выявить для исследователя, как и простому читателю. Имплицитной называется информация, которая домысливается получателем сообщения, ставит перед необходимостью приложить усилия для понимания сообщения, которая не выражена в тексте вербально. Термин имплицитный используют касаясь смысла, т.е. содержания, сущности, сути чего-либо и субстратом может выступать функционирующее в тексте высказывание, часть текста, текст в целом или дискурс [12].

Согласно А. В. Кашичкину, в понятие «имплицитная информация» включены пресуппозиция (фоновые знания, необходимые для выведения смысла текста), конкретно-контекстуальный смысл (результатом интерпретации языкового содержания) и импликатура (вывод иного информативного содержания, отличающегося от конкретно-контекстуального смысла) [6]. При этом многие ученые отмечают, что имплицитная информация – результат превращения в ней имплицитного знания [4]. Имплицитная информация текста складывается из взаимодействия текстовых импликаций, пресуппозиций адресата и интенций

адресанта [1]. Импликация есть сам процесс вывода импликатуры, присутствующей в дискурс-анализе художественного текста.

При этом художественный текст представляет собой высокой степени структурированную и целостную эстетическую систему средств языка. Признаки художественного произведения – это законченность, целостность, и в художественном отношении – оформленная структура. Художественный текст – это наиболее полное выражение литературного языка. И чаще всего это явление выходит за пределы литературного языка в область национального, общенародного языка. Некоторые исследователи (Н. В. Кулибина, А. Ю. Кузнецова и др.) считают, что художественный текст более информативен, нежели другие виды текста за счет «информационной насыщенности» художественных произведений [9]. Источником имплицитности художественного произведения является сам текст, в котором, благодаря актуализации значений слов и их ассоциативным связям, возможно продуцирование адресатом определенных смыслов [2], следовательно, правильность интерпретации со стороны интерпретатора обуславливается интенцией самого текста. Художественный текст представляет собой личностную интерпретацию действительности. Другими словами, писатель описывает те фрагменты действительности, с которыми он знаком; развивает именно те соображения, которые ему близки и понятны; использует языковые элементы и метафоры, которые наполнены для него личностным смыслом, с одной стороны. С другой стороны, исследователю-лингвисту любопытно выявить авторские элементы кодификации действительности, окружающей автора текста реальности, преломленной в авторском художественном тексте. В этом ключе весьма небезынтересно выяснение личностного смысла текстов С. Моэма, этим глубоким аналитиком «душ человеческих».

На первый взгляд кажется очевидным то, что традиционная мораль о важности повседневного труда и аморальности праздности разрушена в рассказе Сомерсета Моэма «The Ant and the Grasshopper». Посредством иронии и аллюзии, Моэм применяет свою философию определения ценности таким образом, чтобы разоблачить Джорджа Рэмси. Поворачивая сюжетную линию вспять, создавая драматичный сюжет, Моэм демонстрирует парадоксы жизни и, как мы можем предположить, намеревается «преподать урок», касающийся «человеческой природы», обстоятельств и ситуаций. Многогранные вариации термина «истина» обрисовываются забавным образом посредством изображения персонажа Тома Рэмси. Выводы, сделанные в этом рассказе, подтверждают свободу личности быть верной своей природе. Драматичный поворот, обнаруженный в перевернутом сюжете рассказа, делает ее образцовой историей об индивидуальной терпимости, альтруизме и понимании, которые, являются ценностями, которые необходимо развивать и доводить до совершенства.

Итак, действительно ли, по мнению автора, истинность «humility, tolerance, wisdom, and magnanimity / смирение, терпимость, мудрость и великодушие» как объективно данных качеств характера достойны всякого подражания, пиетета, и вообще, восхищения? Действительно ли подобного рода басни нравоучительного

содержания, как, например, о стрекозе и муравье, смогут и способны быть достойным примером для подражания?

В своем рассказе «The Ant and the Grasshopper» С. Моэм, как кажется на первый взгляд, описывает совершенно противоположную мораль, установку совершенно иного плана, нежели финал известной всем басни о трудолюбивой муравье и беззаботной стрекозе. Исходя из неожиданной развязки сюжета короткого рассказа С. Моэма, становится очевидным авторское «неочевидное», что и представляет, на наш взгляд, импликацию идеи автора. В этом ракурсе мы отталкиваемся от установки о том, что первостепенным видом связности художественного текста является имплицитная связность, основанная на импликациях (невыраженных смыслах, возникающих при синтагматических отношениях высказываний) и пресуппозициях (компонентах общих знаний автора и читателя, т.е. информации заведомо известной участникам коммуникации, которые остались за рамками настоящей статьи). Понять авторский замысел как идеи рассказа, по-другому, текста, возможно посредством дискурс-анализа текста. В данном случае опираемся на одно из многих значений термина – «Дискурс – речевое произведение как данность – письменная или устная» [11], что способствует выявлению авторских импликаций.

Рассказ «The Ant and the Grasshopper» начинается со ссылки на старую нравоучительную историю о Стрекозе и Муравье. Рассказчик иронически замечает: «*I sought to express my disapproval of prudence and commonsense / Я стремился выразить свое неодобрение благоразумию и здравому смыслу*» [14]. Старая забытая история интерпретирована в рассказе Моэма по-новому, с новым смыслом. Рассказ ведется от первого лица, т.е. автора и начинается с описания встречи Джорджа Рэмси, – одного из двух главных персонажей рассказа, с автором.

Джордж Рэмси принадлежит к известной семье и является очень трудолюбивым адвокатом, который никогда в своей жизни не совершал ничего аморального. Описанный Моэмом речевой портрет Джорджа с позиции лингвистики текста иллюстрирует наличие такого элемента дискурса как «связность текста». Связность текста достигается, в том числе, посредством маркеров имплицитности, необходимых для выявления глубинных смыслов текста.

Из авторского текста мы выписали следующие лексические маркеры имплицитности: «*Poor George, only a year older than his scapegrace brother, looked sixty / Бедняга Джордж был всего годом старше своего беспутного брата, но выглядел он на все шестьдесят*» [14]. Автор выделяет лексему Poor George, показывая, что за ним скрыт особый смысл, по-другому, импликацию связности текста, наталкивающую на мысль о его «бедности», с точки зрения автора.

В следующем отрывке из рассказа С. Моэма «The Ant and the Grasshopper»: «*He was in his office every morning at nine-thirty and never left it till six / Каждое утро в девять тридцать он уже сидел в своей конторе и уходил не раньше шести*»; «*He was honest, industrious, and worthy / Он был честным, трудолюбивым и во всех отношениях достойным человеком*»; «*He had a good wife, to whom he had never been unfaithful even in thought, and four daughters to whom he was the best of fathers / У него была прекрасная жена, которой он ни разу не изменил даже в мыслях, и четыре дочери, для которых он был лучшим из отцов*», «*He made a point of saving a third of*

his income and his plan was to retire at fifty-five to a little house in the country where he proposed to cultivate his garden and play golf / Он поставил себе правилом откладывать треть дохода с тем, чтобы в пятьдесят пять лет удалиться на покой в небольшой загородный дом, работать в своем саду и играть в гольф» [14], отметим наличие местоименного повтора, в данном случае местоимения «He». Известно, что повторные слова в тексте, по Ю. М. Лотману осуществляют сквозную связь всего текста, выполняя когнитивную и экспрессивно-эмоциональную функции при восприятии семантического содержания информации дискурса [10]. В данном примере, на наш взгляд, «высвечивается» повседневность и рутина его обыденной жизни, наводящая на эмотивную безрадостность подобного существования. И данное также является импликатурой как элементом связности текста.

В следующих словосочетаниях: *every morning at nine-thirty and never left it till six; had never been unfaithful even in thought; had never taken more than a fortnight's holiday in the year for a quarter of a century*, характеризующих главного героя короткого рассказа Джорджа Рэмси, наблюдается повтор *never left; had never been, had never taken* что наталкивает при анализе на глубоко скрытый подтекст как авторской интенции, намека на несчастливое существование, а не полноценную жизнь, полную радости, жизнелюбия, посредством повтора лексемы *never* / «никогда». Другими словами, значение лексемы *never* предопределяет безрадостное существование трудяги Джорджа как прообраз муравья в художественной образности текста.

Естественно оправдать героя произведения тем, что его, Джорджа Рэмси, – аскетическое самоотречение и трудовая этика в определенной степени воспитали в нем чувство морального превосходства. Джордж Рэмси как старший брат, в рассказе показан идеальным человеком, идеальным мужем, отцом и сыном, который стал успешным адвокатом и занимает почетное положение в обществе. Прежде всего, он придерживается социально-нравственных норм этики по жизни и гордится этим. Моэм изображает Джорджа как социально высоконравственного персонажа в традиционно викторианском патриархальном укладе жизни, исповедуемого англосаксами на протяжении своего многовекового уклада как единственно верного, по их мнению.

Однако С. Моэму удалось, на наш взгляд, так описать речевой портрет Джорджа, что стало возможным Читателю «усмотреть» некий авторский подтекст, а именно, – о несчастливой жизни Джорджа. И данный подтекст является имплицитной информацией текстовой «ткани» рассказа С. Моэма.

С другой стороны, Том Рэмси, младший брат, жизнь которого, напротив, является полной противоположностью жизни старшего – Джорджа Рэмси. Том, как и Джордж, тоже начинает свою жизнь в общепринятой манере: *«He had begun life decently enough: he went into business, married, and had two children / Жизнь он начал пристойно: занялся коммерцией, женился, родил двух детей»*. Но внезапно он бросает все и ведет беззаботную кочевую жизнь, стремясь к максимальному удовольствию для себя в очень эгоцентричной манере. Для Тома жизнь была бесконечным отдыхом и праздником на всю жизнь. Он следует своему внутреннему позыву и наслаждается жизнью до конца. Конечно, он отклоняется от всевозможных моральных ограничений: *«For twenty years Tom raced and gambled, philandered with*

the prettiest girls, danced, ate in the most expensive restaurants, and dressed beautifully / Двадцать лет Том играл на скачках и в казино, волочился за самыми хорошенькими женщинами, танцевал, ел в самых дорогих ресторанах и одевался с безупречным вкусом» [14].

Моэм щедро изображает его более красивым, обаятельным и способным манипулировать людьми, заставляя их верить его рассказам и одалживать деньги. Как упоминается в рассказе: «*He always looked as if he had just stepped out of a bandbox / Он всегда выглядел так, словно сошел со страницы модного журнала*». Хотя ему было сорок шесть, вы бы никогда не приняли его за человека старше тридцати пяти. *He was a most amusing companion and though you knew he was perfectly worthless you could not but enjoy his society / Он был на редкость остроумным собеседником, и хотя вы знали, что он полная никчемность, это не мешало вам получать большое удовольствие от его общества*. «*He had high spirits, an unfailing gaiety, and incredible charm / Его отличали бодрость, неугасимая веселость и невероятное обаяние*» [14].

Следующие словосочетания: «*raced and gambled / играл на скачках и в казино*», «*philandered with the prettiest girls / волочился за самыми хорошенькими женщинами*», «*ate in the most expensive restaurants / ел в самых дорогих ресторанах*», «*dressed beautifully / одевался с безупречным вкусом*», «*looked as if he had just stepped out of a bandbox / выглядел так, словно сошел со страницы модного журнала*», «*a most amusing companion and though you knew he was perfectly worthless you could not but enjoy his society / был на редкость остроумным собеседником, и хотя вы знали, что он полная никчемность, это не мешало вам получать большое удовольствие от его общества*», «*high spirits, an unfailing gaiety, and incredible charm / бодрость, неугасимая веселость и невероятное обаяние*», позволяют также, как и при описании старшего брата Джорджа, выявить имплицитную информацию как скрытый подтекст Моэма и выяснить истинное отношение Моэма к своему персонажу – Тому. Мы полагаем, что в этом отрывке текста также присутствует импликация, вербализующая авторское отношение к своему герою, как своеобразный гимн жизни, жизнелюбию, подобно персонажу из известной басни «Стрекоза и муравей» посредством лексических средств с положительной семантикой. Том в описании Сомерсета Моэма предстает человеком, полным обаяния, веселья, жизнерадостным, а потому неунывающим. В отличие от своего старшего брата, ведущего поистине пуританский образ жизни, Том получает полное удовольствие от той жизни, которую он ведет. Его невозможно назвать ханжой, а потому его образ соотносится эксплицитно с образом Стрекозы. Тогда как образ его старшего брата, эксплицирующий с образом такого персонажа как Муравей, в восприятии Читателя предстает не только ханжой, но и как показывает далее сюжет, лицемером!

Таким образом, описание такого элемента дискурс-анализа как имплицитная информация позволяет выявить имплицитный аспект авторской идеи как гимна жизнелюбию в противовес трудовой, а потому изнурительной для человека, особенно от природы легкого, веселого, жизни. На наш взгляд, в подобного рода «противопоставлении» речевых портретов двух главных персонажей рассказа С. Моэма заключается авторская мысль как имплицитная информация, ставшая доступной только при дискурс-анализе текста и вербализованная в виде импликаций.

Вербализованные импликатуры выявляют подтекстовой авторский посыл – радости Жизни. А сопоставление судеб двух братьев является своего рода «испытанием жизнью» основного посыла Бога о восприятии жизни вообще. Можно согласиться с С. Моэмом в том, что основной посыл Бога Человеку заключается в радости им от подаренной Богом жизни, «земной радости».

На уровне подтекста С. Моэм использовал такой литературоведческий прием, как антитеза для противопоставления двух героев. Антитеза как яркая стилистическая фигура контраста в ораторской речи или художественной речи заключается в резком противопоставлении понятий, положений, образов, состояний, однако связанных между собой общей конструкцией или внутренним смыслом [7, 8]. В рассказе автор посредством антитезы раскрывает образы двух братьев, то, как изображается серьезность Джорджа Рэмси к финансово обеспеченной жизни, расшифровывает его как чисто материалистического склада ума человека. При этом его амбиции и желания структурированы в рамках его моральных и этических границ, Том же имеет противоположный взгляд: *«he always said that the money you spent on necessities was boring; the money that was amusing to spend was the money you spent on luxuries / Но он всегда утверждал, что тратить деньги на самое необходимое невыносимо скучно. Приятно и весело тратить деньги на всякую роскошь»*. Это заявление больше отражает игривое отношение Тома к жизни и деньгам, чем его материалистическую сторону его натуры. Импликатуру можно распознать в следующих выражениях: *«spent on necessities was boring / spent on luxuries»*.

В отличие от Тома, Джордж *«...looked sixty / выглядел он на все шестьдесят»* из-за тяжелой работы и его забот о благополучии членов семьи, *«... wear an expression of such deep gloom / было такое мрачное выражение лица»*, *«He looked as though the burden of the whole world sat on his shoulders / Казалось, на его плечи легли все беды мира»* [14]. Джордж, в силу привычки, мирится со многими растратами времени и денег Тома в течение двадцати лет. Кроме того, ему пришлось вмешиваться в неблагоприятные дела Тома, поскольку их фамилия была поставлена под сомнение, когда однажды один из друзей Тома, Кроншоу, выдвинул против него обвинение в мошенничестве. В конце концов, благодаря финансовой помощи и поддержке Тому, Джорджу удастся сэкономить минимальную сумму денег на будущее.

При этом любопытно отметить, что в глубине своей души он испытывает некую степень довольства от мысли, что Том в будущем будет страдать в старости из-за отсутствия обеспеченного будущего из-за своей безрассудной и расточительной манеры.

Мы не можем утверждать, что в глубине души Джордж не завидовал Тому, и его беззаботной жизни: *«he was growing old because Tom was growing old too / он радовался тому, что стареет: ведь Том тоже старел»* [14]. Эгоистичная натура и снобистская практика Джорджа Рэмси сделали его высокомерным человеком, что эксплицитно соотносит его с образом Муравья. По-видимому, Джорджу льстит мысль о том, что он очень заботливый, добрый и щедрый брат, так как каждый раз, когда Том испытывал денежные проблемы, соответственно этим доставлял хлопоты старшему, он немедленно оказывает помощь своему брату. Большой частью помощь

носит финансовый характер, а потому неизвестно насколько помощь была предложена исключительно из братской заботы? Возможно, что старшим братом двигал мотив показать свое превосходство над Томом? Имплицитно С. Моэм недвусмысленно дает понять Читателю, что т.н. финансовая помощь младшему брату была отнюдь не из чувства истинно братского отношения, а продиктована и обусловлена желанием превосходства старшего над непутевым младшим.

Следующим эпизодом из рассказа, когда Джордж узнает о внезапной судьбе в виде финансового благополучия своего младшего брата, он внезапно осознает, что он не только глубоко несчастен, но и обнаруживает истинное отношение к своей так называемой «трудовой» судьбе. Через ироническую проекцию Джорджа, бьющего кулаком по столу и говорящего: «*Damn it, it's not fair! / Черт побери, это нечестно!*», Моэм иронично изобразил стереотипный персонаж завистника. Точки возникновения имплицитной информации часто маркируются авторской пунктуацией. Данная структура содержит имплицитный смысл, который создается при помощи синтаксиса. Восклицательный знак передает раздражение. Со стороны может показаться, что бесчувственно смеяться над Джорджем, однако его реакция на новость о состоянии Тома, отражающая его притворное «братское» отношение к собственному младшему брату, дает повод для горькой усмешки. И усмешка Читателя, скорее всего, это сожаление о двуличности старшего брата по отношению к младшему, завистливости первого, а потому горькой иронии по поводу несовершенства братских отношений, вопреки библейским заветам о братской любви – чистой, бескорыстной и возвышенной, иногда доходящей до самоотречения.

Словосочетания, выраженные жестами Джорджа, такие как: «*...grew red in the face / побагровел*», «*beat his clenched fist on the table / стукнул по столу крепко стиснутым кулаком*», разоблачают социальное и моральное лицемерие Джорджа, определяют его характер, расстановку приоритетов и видение жизни с материальной точки зрения. В данном эпизоде чувствуется скрытая горькая ирония автора – Джордж проявляет ревность и испытывает чувство обделенности во всей своей жизни.

История заканчивается тем, что Том становится самым счастливым человеком не потому, что выиграл полмиллиона фунтов, а потому, что прожил жизнь так, как хотел. Тогда как Джордж оценивает успех по материальной составляющей, продолжая задаваться вопросом, как такой человек, как Том, может добиться успеха, оставаясь небрежным всю свою жизнь. При этом очевидна авторская интенция, что Том сам себе хозяин, даже если он может быть морально испорчен.

Таким образом, намеренно «искажая» ожидаемый финал рассказа, С. Моэм постулирует, на наш взгляд, торжество жизнерадостного отношения к самой жизни вместо скучного, ханжеского восприятия окружающей действительности. Старший брат Джордж прожил поистине достойную жалости жизнь, полную лишений в нравственно-этическом смысле, предвкушая бесславный финал жизни Тома, тогда как его беззаботный младший брат «вкусил те самые прелести жизни», к которым безуспешно стремился старший. Своего рода реваншем за свою жизнь Джордж надеялся узреть полное лишений и невзгод жизнь своего младшего брата – Тома. Однако развязкой финала стало неожиданное благополучие Тома, чему старший брат

был совершенно не рад. И в этой концовке, на наш взгляд, заключается та библейская мораль, сформулированная в 10 заповедях как базис нравственности человека вообще. По-нашему, Сомерсет Моэм в своем рассказе «подтвердил» свой же тезис об искусстве словесного жанра, которое «... должно учить людей смирению, терпимости, мудрости и великодушию». И именно эта идея как имплицитная информация текста Моэма проходит рефреном в рассказе, которую можно «распознать» посредством дискурс-анализа текста рассказа.

ВЫВОДЫ

Таким образом, анализ имплицитной информации как элемента имплицитной связности текста, которая, как известно, выявляет авторскую идею сюжета данного рассказа, возможен в парадигме дискурсивного анализа. Дискурс-анализ, точнее выявление и описание его элементов, способно подтвердить и раскрыть подтекст авторского сюжета.

Посредством описания имплицитной информации показано, как раскрывается истинная природа и чувства образа Джорджа, чтобы разоблачить лицемерие и нравственную низость его характера. Вечный сюжет о двух братьях Авеле и Каине [3] развернут в рассказе классика мировой литературы Сомерсета Моэма как своеобразное предупреждение человеческой нравственности и вытекающим отсюда разного рода последствиям подобно развязке канонического библейского сюжета, где абсолютным злом выступает элементарная зависть к успехам другого, даже родного по крови человека. Импликатуры как элемент импликации, присутствующие в версии исследовательского фокуса, способны описать и выявить скрытые от поверхностного взгляда авторские интенции и авторский подтекст как глубинные смыслы художественного текста.

Мы живем в эпоху меняющихся нравственных ценностей, что иной раз способствует неправильному осмыслению жизни вообще, когда наивно полагают, что ситуации и обстоятельства нашей жизни не могут быть изменены. Художественная литература способна установить некий этический стандарт, которого мы все обязаны придерживаться. Не пользуясь откровенно морализаторскими концепциями, С. Моэм в коротком рассказе сумел так описать т.н. «братское» отношение к успехам второго брата, что выявилось ханжество и лицемерие первого, мнящего себя эталоном жизни. Противопоставляя посредством антитезы образы двух братьев, Моэм в рассказе «The Ant and the Grasshopper» пытается донести основной авторский посыл о ценности жизни, о ценности соблюдения основных христианских постулатов, одним из которых является неприятие зависти, особенно брата к брату.

Поэтому крайне перспективно и результативно изучение художественного текста в аспекте дискурс-анализа, способствующего реконструкции авторской импликатуры в том числе, с одной стороны. С другой стороны, описание элементов связности текста позволяет раскрыть условно скрытый авторский подтекст как авторскую мораль.

Список литературы

1. Акимова И. И. Способы выражения имплицитной информации художественного дискурса (на материале произведений В. Набокова): автореф. дисс. ... к. филол. н. – М., 1997. – 20 с.
2. Борисова Е. Г. Имплицитная информация в лексике // Имплицитность в языке и речи. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 30–42.
3. Бытие (4, 1-24).
4. Ермакова Е. В. Имплицитность в художественном тексте (на материале русскоязычной и англоязычной прозы психологического и фантастического реализма): автореф. дисс. ... д. филол. н. – Саратов, 2010. – 46 с.
5. Жамсаранова Р. Г. Дискурсивные особенности национального текста // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. – 2019. – Вып. 4. – С. 22–27.
6. Кашичкин А. В. Имплицитность в контексте перевода: дис. канд. филол. наук: 10.02.20. – М., 2003. – 153 с.
7. Копылова А. А., Скрипченко С. Н. Антитеза в английском языке // Материалы X Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». – 2018. – Режим доступа: <https://scienceforum.ru/2018/article/2018001014>. – (Дата обращения: 21.12.2022).
8. Корнилова Л. А. Структурно-функциональная классификация антитезы в англоязычной литературе и фольклоре // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2018. – Т. 150, кн. 6. – С. 260–265.
9. Кузнецова А. Ю. Лингвострановедческий анализ поэтических произведений С.А. Есенина. дис. канд. п. наук: 13.00.02. – М., 2008. – 206 с.
10. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. – М.: Искусство, 1970. – 384 с.
11. Николаева Т. М. Краткий словарь терминов теории текста // Лингвистика текста. – М.: Прогресс, 1978. – 479 с.
12. Пирогова Ю. К. Имплицитная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования // Проблемы прикладной лингвистики. – М., 2001. – С. 209–227.
13. Maugham W. S. The Summing Up. – N.Y.: Doran & Co., 1945. – P. 303.
14. Maugham W. S. The Ant and the Grasshopper. – N.Y.: The Sun Dial press, 1938. – P. 120–126.

References

1. Akimova I. I. *Sposoby vyrazhenija implicitnoj informacii hudozhestvennogo diskursa: Avtoref diss. ... kand. filol. nauk* [Ways of expressing implicit information of artistic discourse. Abstract of thesis]. Moscow, 1997. 20 p.
2. Borisova E. G. *Implicitnaja informacija v leksike* [Implicit information in vocabulary] // *Implicitnost' v jazyke i rechi*. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 1999, pp. 30–42
3. Bytie (4, 1-24)
4. Ermakova E. V. *Implicitnost' v hudozhestvennom tekste: Avtoref diss. ... kand. filol. nauk* [Implicitness in a literary text. Abstract of thesis]. Saratov, 2010. 46 p.
5. Zhamsaranova R. G. *Diskursivnye osobennosti nacional'nogo teksta* [Discursive features of the national text]. *Jazyk. Literatura. Kul'tura*, 2019, no. 4, pp. 22–27.
6. Kashichkin A. V. *Implicitnost' v kontekste perevoda: Dis. ... kand. filol. nauk* [Implicitness in the context of translation. Thesis]. Moscow, 2003. 153 p.
7. Kopylova A. A., Skripchenko S. N. «Antiteza v anglijskom yazyke» [“Antithesis in English”] *Materialy X Mezhdunarodnoj studencheskoj nauchnoj konferencii «Studencheskij nauchnyj forum»*. *Studencheskij nauchnyj forum*, 2018. Available from: <https://scienceforum.ru/2018/article/2018001014> (accessed 21 December 2022).

8. Kornilova L. A. *Strukturno-funkcional'naja klassifikacija antitezy v anglojazychnoj literature i fol'klore* [Structural and functional classification of antithesis in English literature and folklore]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*, 2008, vol. 150, no. 6, pp. 260–265.
9. Kuznecova A. Ju. *Lingvostranovedcheskij analiz pojeticheskikh proizvedenij S. A. Esenina: Dis. ... kand. pedagog. nauk* [Linguistic analysis of S. A. Yesenin's poetic works. Thesis]. Moscow, 2008. 206 p.
10. Lotman, Ju. M. *Struktura hudozhestvennogo teksta* [The structure of a literary text]. Moscow, Iskustvo Publ., 1970. 384 p.
11. Nikolaeva T. M. *Kratkij slovar' terminov teorii teksta* [Short dictionary of text theory terms]. Moscow, Progress Publ., 1978. 479 p.
12. Pirogova Ju. K. *Implicitnaja informacija kak sredstvo kommunikativnogo vozdejstviya i manipulirovanija* [Implicit information as means of communicative influence and manipulation]. *Problemy prikladnoj lingvistiki*. Moscow, 2001, pp. 209–227.
13. Maugham W. S. *The Summing Up*. New York, Doran & Co., 1945, p. 303.
14. Maugham W. S. *The Ant and the Grasshopper*. New York, The Sun Dial press, 1938, pp. 120–126.

THE IMPLICIT ASPECT OF SOMERSET MAUGHAM'S SHORT STORY "THE ANT AND THE GRASSHOPPER"

Baranova E. S.

The article is devoted to the description of implicit information as an element of implicit coherence of the text in the aspect of discourse analysis of the text of the short story "The Ant and the Grasshopper" by British writer Somerset Maugham. The methodological foundations of the discourse analysis of a fiction allow us to identify such an element of discourse as implicit information. The purpose of the article is to reveal the author's intention through discourse analysis, which contributes to determine the motives of expressiveness of the narrative as the author's mastery of the word. One of the particular tasks of the article is to describe the implicitness of the author's idea, the plot of the story. Through the description of the images of two Ramsey brothers: the hardworking "ant-George" and the carefree "grasshopper-Tom", the intention about the biblical postulate of "humility" before fate is confirmed. Implicit information, as an element of the implicit coherence of the text, is Maugham's opinion about the importance of art in teaching people patience, wisdom, generosity and humility. Preliminary results of the research and descriptions of the discourse element of a fiction as implicit information are consistent with archetypically relevant concepts, for example, the concept of "brotherly love" along with the idea of perceiving life as God's gift, a blessing, as a hymn of love to the joys of fleeting human existence. The relevance, novelty and perspective of the discourse analysis of a fiction is obvious for modern linguistics, especially for anthropological linguistics as a science closely related to the description of human mentality along with culture, language and cognition.

Keywords: discourse, discourse analysis, implicit information, implicit coherence, implicature, text, fiction.

ДИСКУРСИВНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: СТРУКТУРА, КОНСТАНТЫ И ДИНАМИКА¹

Боргоякова Т. Г., Покоякова К. А.

*Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии
ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова»,
Абакан, Российская Федерация
E-mail: tamarabee@mail.ru, karina_p.84@mail.ru*

В статье представлено развитие общероссийской идентичности на основе анализа институционального, лексикографического и психолингвистического видов дискурса. Показано, что бинарная логика государственной стратегии формирования общероссийской идентичности связана с укреплением гражданской идентичности народов России и этнокультурного многообразия государства. Она представлена с опорой на синонимический способ смысловых уточнений ключевой терминологии и ее закрепление в современном нормативном институциональном дискурсе – Стратегии государственной национальной политики РФ и Стратегии национальной безопасности РФ. Частотное словосочетание *межнациональные отношения*, регулярно приводимое с уточнением первого компонента – *межэтнические*, следует, как правило, за такими именами существительными как *гармонизация и укрепление*, выступающими в качестве целевых установок развития этих отношений с учетом гетерогенного национального состава страны. Лексикографические дефиниции слов *Россия* и *россияне* содержат динамику семантизации общероссийской идентичности в территориальном, социально-статусном и этнодемографическом измерении. Изменения в номинации общероссийской идентичности произошли за счет использования имеющихся семантических ресурсов русского полисеманта «россияне». Данное значение получило закрепление, дополненное составными вариантами *народы России* и *многонациональный народ России*, с вытеснением значения этнической принадлежности *русские* в категорию устаревшей лексики. Выявленная составная идентичность жителей Республик Южной Сибири включает общегосударственную, этническую и региональную компоненты с дифференциацией по территориальной и этнической принадлежности респондентов. Использование когнитивных и (или) эмоциональных стратегий ассоциирования также несет дополнительные смысловые нагрузки на динамику формирования общероссийской идентичности в конкретных регионах Российской Федерации.

Ключевые слова: общероссийская идентичность, этническая идентичность, дискурсивная семантизация, республики Южной Сибири, национальная политика РФ.

ВВЕДЕНИЕ

К важнейшим аспектам исследования социальной идентичности относятся вопросы структуры и соотношения таких ее видов как национальная/гражданская и этническая идентичности. Они особенно актуальны в полиэтнических государствах, где неудачи в культивировании общегражданской идентичности миноритарных этносов могут грозить постоянным сепаратизмом, отвлекающим ресурсы от более продуктивных целей [11, с. 94]. Как отмечает Л. М. Дробижева, именно в поликультурной среде повышается чувствительность к самооценке и к оценке себя другими, что отражается в институциональном и медийном дискурсах. Один из

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20–012–00426 «Динамика и перспективы языкового взаимодействия в республиках Южной Сибири».

важных работающих элементов в этнической идентичности – уважение достоинства своего народа, как «очень важное условие, чтобы чувствовать свое равенство в обществе» [7, с. 19]. Рассматривая варианты развития национальной и этнической идентичностей в полиэтнических государствах в будущем, ученые допускают возможность их мирного сосуществования, дополняющего и обогащающего друг друга. Но для реализации такого наиболее гармоничного сценария «потребуется продуманная национальная политика государств» [9, с. 161].

Актуальность формирования общегражданской российской идентичности связана с необходимостью устранения/уменьшения негативного восприятия межэтнических взаимодействий. В связи с этим ее следует определять как государственно-гражданскую, актуализируя когнитивную составляющую понятия, которая включает уважение к законам и правам человека и к нормам, определяемым институтами государства и общества [8, с. 27]. В то же время это не исключает эмоциональных констант, связанных с понятием родины или родной земли предков, важных условий поддержания межэтнического согласия и интеграции полиэтнического общества [4].

Цель данной статьи – выявить особенности структуры и соотношения этнической, региональной и общероссийской идентичности. Объектом исследования является репрезентация общероссийской и этно-региональной идентичности в институциональном, лексикографическом и психолингвистическом дискурсе. Предмет исследования – особенности семантизации слов *Россия* и *россияне* в официальных документах, словарных статьях и в ассоциативных полях респондентов, проживающих в республиках Южной Сибири – Алтай, Тыва и Хакасия. Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

– охарактеризовать особенности репрезентации общероссийской/этнической идентичности в институциональном дискурсе Стратегии государственной национальной политики РФ (2018) и Стратегии национальной безопасности РФ (2021);

– выявить лексикографическое развитие семантики идентичности в ключевых лексемах *Россия*, *россияне*;

– определить структуру и содержание ассоциативного восприятия гражданской и этнической идентичности респондентами республик Южной Сибири в разрезе их территориальной и этнической принадлежности.

Научная новизна работы заключается в семантизации понятия общероссийской идентичности с привлечением новейших институциональных, психолингвистических, а также лексикографических дискурсов в их коррелятивной репрезентации.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

В Российской Федерации вопросы формирования общегражданской идентичности относятся к стратегически важным аспектам государственной политики. Об этом свидетельствует тот факт, что за последнее десятилетие Указами Президента РФ утверждены две Стратегии: Стратегия государственной

национальной политики РФ и Стратегия национальной безопасности РФ (2021)¹. Их анализ позволяет выявить бинарную логику государственной стратегии в области национальной политики – укрепление общероссийской идентичности (гражданского самосознания) народов России и сохранение этнокультурного многообразия государства. В Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной в 2012 г. с изменениями в 2018 году (далее Стратегия), семантические особенности общей номинации жителей государства связаны с использованием множественного и единственного числа в словосочетаниях *народы России (РФ)* и *народ России*. Первый вариант употреблен в Стратегии 26 раз, второй – 10, но с определением *многонациональный*, как это закреплено на первой странице Конституции РФ (1993 г.). Во втором варианте приводится также уточнение в виде синонима *российская нация* в скобках, что усиливает семантизацию слова *нация* в значении *народ*. Поэтому неудивительно, что синонимический способ уточнения смысла используется и для частотного словосочетания *межнациональные (межэтнические) отношения* (27 употреблений). Как правило, оно следует за такими именами существительными как *гармонизация и укрепление*, которые выступают в качестве целевых установок развития этих отношений с учетом гетерогенного национального состава страны. В Стратегии национальной безопасности РФ также применяется параллельное использование терминов *народы* и *народ России*, но преобладает использование второго варианта в единственном числе в значении *российская нация*. Термин *общероссийская гражданская идентичность* применяется в первой Стратегии с семантической подсказкой, приведенной в скобках – *гражданское самосознание*. Он трактуется как *осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу..., а также приверженность базовым ценностям российского общества*. Во второй Стратегии понятие *общероссийская гражданская идентичность* используется уже без уточнений и определений. В качестве ключевой здесь используется фраза *(традиционные) российские духовно-нравственные ценности* с 19 случаями употребления.

Необходимость отмеченных смысловых уточнений ключевых терминов в первой Стратегии обусловлена, на наш взгляд, как относительно коротким сроком становления России в качестве самостоятельного государства с необходимостью перехода от советской идентичности к российской, так и с сохранностью исторических смыслов в структуре ее современной номинации. Так, в словарных статьях слова «**Росси́я**» отмечается, что это государство, в котором большинство населения составляют русские (81,5%), и что в нем также проживают свыше 100

¹ Указ Президента РФ от 6 декабря 2018 г. № 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666» // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201812070007> – (Дата обращения: 20.07.2022).

Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/> – (Дата обращения: 20.07.2022).

народов. До начала XVIII в. название использовалось наряду с наименованиями *Русь, русская земля, русское государство...*; с начала XVIII в. по 1917 г. – под Россией подразумевалась Российская империя, которая в результате присоединения территорий Севера, Поволжья, Урала, Сибири, Дальнего Востока и вхождения в ее состав ряда нерусских народов стала многонациональным государством. В то же время в России до 1917 года для всех неславянских народов использовался официальный термин *инородцы*, который подчеркивал их более низкий статус, неполное гражданское признание в социальной иерархии и закреплённость на исконных территориях. После Октябрьской революции 1917 г. до 1991 г. Россия – это неофициальное название Российской Советской Федеративной Социалистической Республики [1, 2, 3]. Таким образом, в лексикографической дефиниции России можно обнаружить развертывание/расширение/изменение семантики, как в территориальном, так и в социальном и этнодемографическом измерении.

В словарных дефинициях слова «**россиянин**» также происходит семантическое развитие номинации российской идентичности: от сугубо этнографического значения (термина, обозначающего национальность *русский*) до общего наименования населения России с заглавной лексемой «россияне» с производными словами *россиянин* и *россиянка*. Номинация общероссийской идентичности *россияне* произошла за счет использования имеющихся лексических ресурсов полисеманта «россияне» с вытеснением первоначального значения этнической принадлежности *русские* в категорию устаревшей лексики [См. 4; 5]. Как было показано выше в современном институциональном дискурсе именно данное значение получает закрепление с использованием составных вариантов: *народы России* и (*многонациональный*) *народ России*.

Результаты последних психолингвистических исследований представлений о Родине, России и Сибири, включая этнические стереотипы, выявили дифференциации в когнитивной структуре и уровне сопряженности этнической, региональной и российской идентичности в языковом сознании сибирских респондентов [4; 6; 10 и др.]. Дальнейшее изучение становления и развития российской политической нации предполагает активное привлечение новейших психолингвистических исследований на базе конкретных регионов РФ, отражающих константы и динамику корреляции этнической, региональной и гражданской идентичности россиян.

Психолингвистический материал данной работы представлен новыми ассоциативными полями (далее АП), сформированными по итогам свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в 2021–2022 годах с участием 1267 представителей трёх республик Южной Сибири (далее РЮС) в возрасте от 17 до 83 лет. Количество русских респондентов (далее РР) из Республики Алтай (далее РА) составляет 259 человек, РР из Республики Тыва (далее РТ) – 69, РР из Республики Хакасия (далее РХ) – 280. Общее число алтайских респондентов (далее АР) достигает 218 человек, тувинских респондентов (далее ТР) – 235, и, наконец, хакасских (далее ХР) – 206.

По результатам анализа шести АП на слово-стимул «Россия» нами выявлено, что ассоциативные модели реагирования связаны с двумя основными стратегиями:

когнитивной (*страна, государство*) и эмоциональной (*родина*). При этом во всех АП преобладает первая стратегия, составляющая в среднем примерно равные доли у РР (43%) и респондентов титульных этносов (45%). Вторая семантическая группа представлена следующими средними показателями: 23% у РР и 15% у респондентов титульных этносов (далее РТЭ). Приведенный более низкий показатель у РТЭ можно объяснить корреляцией стимула «Россия» с соответствующими республиками, которая составляет примерно одинаковую долю в 7%. В русских АП в РА и РТ такая ассоциативная линия характерна для 1% опрошенных, в то время как в РТ ее доля составляет 10% (*Кызыл* (4), *Тыва* (3), *Республика Тыва* (1) и др.).

Кроме того, актуальность значения этнорегиональной идентичности отражается в АП «Родина», где у представителей титульных народов РЮС превалирует эмоциональная стратегия ассоциирования со своей республикой и родной землей (средний показатель – 55%). Около 28% всех реакций в структуре данной семантической группы принадлежит таким ассоциатам как *мать, родная земля, дом, место рождения*. В русских АП «Родина» доминируют маркеры общероссийской идентичности (средний показатель – 25%), что указывает на константность показанных выше этимологических параллелей *россиянин=русский*. В то же время в русском АП «Россияне» ассоциация *русские* находится на периферии, занимая в среднем 2%.

Что касается ассоциативных маркеров региональной специфики РЮС, то средняя доля таких реакций в русских АП составляет 7% в РХ, 17% в РА и 30% по РТ.

Следует отметить, что в АП «Россияне», сформированных из реакций РР и РТЭ, доминирует когнитивная стратегия «жители России, Россия – это мы», занимая в среднем 37% с наиболее частотными ассоциатами: *жители России, народ, Россия, люди России, граждане России, мы и т.д.*

ВЫВОДЫ

Таким образом, в современном институциональном дискурсе представлена бинарная логика государственной стратегии в области национальной политики, включающая укрепление общероссийской идентичности (гражданского самосознания) народов России и сохранение этнокультурного многообразия государства. Наличие в нем смысловых уточнений ключевых терминов обусловлено сроками перехода от советской идентичности к российской и историческими смысловыми константами в структуре их современной номинации.

Лексикографическая дефиниция России содержит динамику и константы развертывания/расширения/изменения ее семантики – в территориальном, социально-статусном и этнодемографическом измерении. Изменения в номинации общероссийской идентичности – *россияне* – произошли за счет использования имеющихся лексических ресурсов русского полисеманта «россияне». Именно данное значение получило закрепление, дополненное составными вариантами *народы России* и *многонациональный народ России* с вытеснением значения этнической принадлежности *русские* в категорию устаревшей лексики.

В структуре и содержании языкового сознания респондентов республик Южной Сибири подтверждается устойчивость их составной идентичности при доминировании когнитивной стратегии ассоциирования, которая коррелирует с лексикографическими дефинициями и особенностями семантизации в институциональном дискурсе. Выявлено несомненное доминирование общероссийской ассоциативной линии в современном языковом сознании русских и преобладание этнорегиональной схемы ассоциирования у РТЭ, которое не отторгает принятия ими общегосударственной и региональной идентификации соответственно. Перспективы исследования связаны с семантизацией дополнительных ключевых понятий, раскрывающих глубинные значения составных элементов общероссийской идентичности, в том числе с привлечением дискурсивной базы других языков.

Список литературы

1. Большая советская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1969–1978.
2. Большой толковый словарь русского языка: 1-е изд-е. – СПб.: Норинт, 1998.
3. Большой энциклопедический словарь: 2-е изд., перераб. и доп. – М, 2004. – 1456 с.
4. Боргоякова Т. Г. Психолингвистические аспекты формирования этнической и российской идентичности // Вопросы психолингвистики. – 2017. – № 33. – С. 19–31.
5. Боргоякова Т. Г., Каксин А. Д., Чугунекова А. Н. Российская, региональная и этническая идентичность в дискурсе СМИ и в этнических стереотипах // Вестник ХГУ. – 2016. – № 18. – С. 73–79.
6. Васильев А. Д., Васильева С. П., Тимченко А. Г. Этнокультурное сознание и самосознание сибиряка, отраженное в языке: монография. – Красноярск, 2015. – 204 с.
7. Дробижева Л. М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В. С. Магун. – М.: Издательство Института социологии РАН, 2006. – С. 1–29.
8. Дробижева Л. М. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. Социология. Этнология. – 2017. – Т. 26. – № 1. – С. 7–31.
9. Кочетков В. В. Национальная и этническая идентичность в современном мире // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. – 2012. – № 2. – С. 144–162.
10. Савицкая С. В. Сопоставительное исследование языкового сознания русских и якутов (на примере образа родины) // Вопросы психолингвистики. – 2017. – № 1 (31). – С. 203–216.
11. Siroky D. S., Mahmudlu C. E Pluribus Unum? Ethnicity, Islam, and the Construction of Identity in Azerbaidjan // Problems of Post-Communism. – 2016. – № 63 (2). – P. 94–107

References

1. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia]. M.: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1969–1978.
2. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Big Explanatory dictionary of the Russian language]. 1 ed. SPb.: Norint Publ. 1998.
3. *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [Big Encyclopedic Dictionary]: 2-ye izd., pererab. i dop. Moscow, 2004. 1456 p.
4. Borgoyakova T. G. *Psikholingvisticheskiye aspekty formirovaniya etnicheskoy i rossiyskoy identichnosti* [Psycholinguistic aspects of the formation of ethnic and Russian identity]. *Voprosy psikholingvistiki*, 2017, no 33, pp. 19–31.
5. Borgoyakova T. G., Kaksin A. D., Chugunekova A. N. *Rossiyskaya, regional'naya i etnicheskaya identichnost' v diskurse SMI i v etnicheskikh stereotipakh* [Russian, Regional and Ethnic Identity in Media Discourse and Ethnic Stereotypes]. *Vestnik KHGU*, 2016, no 18, pp. 73–79.

6. Vasil'yev A. D., Vasil'yeva S. P., Timchenko A. G. *Etnokul'turnoye soznaniye i samosoznaniye sibiriyaka, otrazhennoye v yazyke: monografiya* [Ethno-cultural consciousness and self-consciousness of the Siberian, reflected in the language: monograph]. Krasnoyarsk, 2015, 204 p.
7. Drobizheva L. M. *Gosudarstvennaya i etnicheskaya identichnost': vybor i podvizhnost'* [State and ethnic identity: choice and mobility]. *Grazhdanskiye, etnicheskiye i religioznyye identichnosti v sovremennoy Rossii*. Moscow, Institut sotsiologii RAN Publ., 2006, pp. 1–29.
8. Drobizheva L. M. *Grazhdanskaya identichnost' kak usloviye oslableniya etnicheskogo negativizma* [Civil identity as a condition for the weakening of ethnic negativism]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*. 2017, vol. 26, no 1, pp. 7–31.
9. Kochetkov V. V. *Natsional'naya i etnicheskaya identichnost' v sovremennom mire* [National and ethnic identity in the modern world]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya*, 2012, no 2, pp. 144–162.
10. Savitskaya S. V. *Sopostavitel'noye issledovaniye yazykovogo soznaniya russkikh i yakutov (na primere obraza rodiny)* [Comparative study of the language consciousness of Russians and Yakuts (on the example of the image of the motherland)]. *Voprosy psikholingvistiki*, 2017, no 1 (31), pp. 203–216.
11. Siroky D. S., Mahmudlu C. E *Pluribus Unum? Ethnicity, Islam, and the Construction of Identity in Azerbaidjan*. *Problems of Post-Communism*, 2016, no 63 (2), pp. 94–107

DISCURSIVE REPRESENTATION OF ALL-RUSSIAN IDENTITY: STRUCTURE, CONSTANTS AND DYNAMICS¹

Borgoiakova T. G., Pokoiakova K. A.

The article contains a description of the development of the all-Russian identity based on the analysis of institutional, lexicographic and psycholinguistic types of discourse. It is shown that the binary logic of the state strategy for the formation of an all-Russian identity is associated with the strengthening of the civil identity of the peoples of Russia and the ethno-cultural diversity of the state. It is presented in the synonymic method of semantic clarifications of key terminology and its consolidation in the modern normative institutional discourse – the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation and the National Security Strategy of the Russian Federation. The frequent phrase *interethnic relations*, regularly cited with a clarification of the first component – *Interethnic*, follows, as a rule, such nouns as *harmonization* and *strengthening*, which act as targets for the development of these relations, taking into account the heterogeneous national composition of the country. The lexicographic definitions of the words *Russia* and *Russians* contain the dynamics of the semantization of the all-Russian identity in the territorial, social status and ethno-demographic dimensions. Changes in the nomination of the all-Russian identity occurred due to the use of the available semantic resources of the Russian polysemant “Russians”. This meaning was consolidated, supplemented by the composite variants *peoples of Russia* and *the multinational people of Russia*, with the displacement of the meaning of ethnic Russians into the category of obsolete vocabulary. The revealed composite identity of the inhabitants of the Republics of Southern Siberia includes national, ethnic and regional components with differentiation according to the territorial and ethnic affiliation of the respondents. The use of cognitive and (or) emotional association strategies also carries additional semantic loads on the dynamics of the formation of an all-Russian identity in specific regions of the Russian Federation.

Keywords: all-Russian identity, ethnic identity, discursive semantization, republics of Southern Siberia, national policy of the Russian Federation.

¹ The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (project № 20-012-00426 “Dynamics and prospects of languages interaction in the republics of Southern Siberia”).

УДК 821.161.1+81'42

СЕМИОТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПОЛИФОНИЧНОГО ТЕКСТА (РОМАН-ЭПОПЕЯ Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»)

Коваленко А. Г., Лумпова Л. Н.

*ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»
Москва, Российская Федерация
E-mail: ak-taurus@mail.ru; E-mail: lumpova.lida@yandex.ru*

Статья посвящена анализу семиотической организации полифоничного текста. В качестве модели подобного текста авторами статьи был выбран роман-эпопея Л. Толстого «Война и мир». Авторы исследования предполагают, что полифония присуща всей семантической структуре данного художественного текста. В статье феномен полифонии рассматривается как обнаружение антонимичных значений в пределах одного смыслового контекста. В нашем случае смысловым контекстом будет являться весь рассматриваемый текст. В исследовании анализируется то, как группируются и разграничиваются семантические структуры образов в семантической структуре романа-эпопеи. Кроме того, в ходе исследования реконструируются концептуально значимые для данного текста семантические оппозиции. На основании проделанного анализа выявляется полифоничность всей семантической структуры романа-эпопеи. По сути, анализ семиотической организации полифоничного текста предполагает реконструкцию семиотической модели подобного текста с целью выявления структурно-семантических особенностей рассматриваемого текста. В завершение работы авторы исследования приводят семиотическую модель романа-эпопеи: группы образов формируют антонимические смысловые оппозиции в семантической ткани текста.

Ключевые слова: полифония, семиотическая организация полифоничного текста, реконструкция семиотической модели полифоничного текста, семантическая структура художественного текста, семантическая структура образа, антонимические семантические оппозиции, роман Л. Н. Толстого «Война и мир»

ВВЕДЕНИЕ

В отечественной исследовательской литературе художественная система Л. Н. Толстого рассматривается как монологическая художественная система. Подобный подход к творчеству Толстого обусловлен опорой на исследование М. М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского», в котором ученый соотносит романы Достоевского с полифонией (равноправием) голосов героев и автора как идеологической и организующей концепцией произведений писателя: «Достоевский – творец полифонического романа. <...> Слово героя о себе самом и о мире так же полновесно, как обычное авторское слово... <...>» [1, с. 8]. М. Бахтин отождествляет творчество Толстого – с монологической авторской позицией по отношению к герою: «Мир Толстого монолитно монологичен <...>. В оболочке чужого (авторского) слова дано и последнее слово героя <...>» [1, с. 8, 94]. Вопрос полифоничности творчества Толстого Бахтиным не поднимается вовсе: «<...> Диалогическая позиция по отношению к героям чужда Толстому. <...> Последнее слово принадлежит автору, и оно <...> никогда не может встретиться со словом героя в одной диалогической плоскости» [1, с. 121]. Вместе с тем необходимо отметить, что понятия полифонии и диалогизма являются смежными (взаимопроецирующимися).

Вслед за М. Бахтиным и другие исследователи (В. Г. Краснов [4], Б. А. Успенский [8], Ю. Кристева [5]) стали рассматривать художественные произведения Толстого как исключительно монологичные.

В исследовании «Солженицын и Достоевский: искусство полифонического романа» В. Краснов приписывает художественным системам Тургенева, Гончарова и Толстого – монологизм, где герой является отражением социальной действительности, объектом авторского видения. По мнению исследователя, произведениям Достоевского присуща полифоничность, где явственно отражается самосознание героя и его взгляд на мир [4, с. 6–25].

По мнению Ю. Кристевой [5], в художественной системе Толстого заложен повествовательный дискурс, который отождествляется с дискурсом эпическим, принципом организации которого будет являться монологизм. В основе монологизма – подчинение языкового кода точке зрения повествователя. Исследователь также полагает, что диалогический дискурс имеет свое воплощение в романном творчестве Достоевского [5, с. 169–173, 186–192].

Монологический дискурс проявляет себя в соподчинённости всех элементов, в основе монологического дискурса – иерархичность структуры. Диалогический дискурс – это дискурс разрывов, аналогий, столкновений взаимоисключающих позиций в пределах одной и той же сущности или же в пределах одного и того же пространства [5].

Диалогический дискурс – это своего рода дискурс бесконечного самопознания, который не то, чтобы не хочет признавать свою самость и целостность, но, скорее, не хочет останавливать свой процесс самопознания. В свою очередь, монологичный дискурс, признающий только себя, только свою самость, утрачивает способность «диалогизировать» по той причине, что не признаёт другого такого же авторитетного дискурса, как и он сам.

Полифоничный роман унаследовал карнавальную структуру (согласно М. Бахтину) и вследствие этого строится на логике диалогизма (непрестанного столкновения крайностей), основой которой являются принципы неисключающей оппозиции (возможность столкновения взаимоисключающих друг друга позиций в пределах одной и той же сущности) и аналогии (в карнавальной жизни аналогия – пародия на какое-либо явление жизни вне карнавала). Принцип разрыва, являющийся основой карнавального действия, в полифоничном романе воплотится в принцип беспрестанно разворачивающегося диалога.

Заметим, что в обоих типах дискурса присутствует конфликт: в диалогическом дискурсе это конфликт внутренний, коренящийся в «расщеплении» сознания субъекта данного дискурса, который, находясь в системе, тем не менее, не признаёт её требований; в монологическом дискурсе это конфликт внешний – конфликт субъекта, отрицающего требования данной системы, и самой системы как совокупности субъектов, устанавливающих эти самые требования.

Согласно Б. А. Успенскому, полифония представляет собой равноправие (неподчинение одна другой) идеологических (ценностных) точек зрения в произведении [8, с. 19–22]. Речь идет также и о том, что полифонию можно отождествлять с диалогичностью идеологических точек зрения.

В широком смысле под полифонией понимается **поляризация значений (смыслов), обнаруживаемых в семантической структуре какого-либо одного объекта**. Подобная поляризация смыслов подразумевает под собой **соотнесение с определённым объектом противоположных друг другу смыслов**. Равноправие значений, соотносимых с данным объектом, становится неотъемлемым условием полифонии. Напротив, под монофонией в широком смысле следует подразумевать установление системы взаимодополняющих друг друга значений. В основе идеи монофонии лежит понятие целостности, взаимосвязанности и системности. Неотъемлемое условие монофонии в идеальном её понимании – это последовательное развёртывания мысли; это строго закреплённая «формула», где каждое последующее звено связано по смыслу с предыдущим.

Мы же можем сказать, что вопрос присутствия полифонии в художественном тексте Толстого является открытым: он требует уточнения и дополнительных доказательств. Особо отметим тот факт, что с точки зрения лингвистики текста феномен полифонии в творчестве Л. Н. Толстого уже был затронут, но этот исследовательский вектор не получил должного обоснования и анализа на примере художественных произведений писателя.

Так, в диссертационном исследовании С. Д. Фоминой «Концепт «любовь» в идеосфере Л. Н. Толстого (на материале публицистических произведений, писем, дневников)» [9] проводится семантический анализ языковой единицы «любовь» с опорой на контексты публицистических произведений писателя. Итогом такого исследования стало обнаружение системы значений, закрепляемых за данной языковой единицей в публицистических текстах Л. Н. Толстого. В диссертационном исследовании С. Д. Фоминой поставлен вопрос о «полифонии сознания» художника, о метаморфозах его языковой личности на основании проанализированных публицистических текстов, однако проблема полифонии в художественных произведениях не получила своего освещения в диссертации.

В статье Л. Н. Духаниной «К поэтике психологизма Л. Н. Толстого (герои с обсессивной структурой личности в «Войне и мире»)» [3] рассматривается проблема внутреннего конфликта героев романа-эпопеи и способы преодоления героями «раздвоения» сознания. Данное исследование касается вопросов психологии личности, поскольку автор соотносит определенных героев произведения с определенными типами личности. По части литературоведения и лингвистического анализа текста статья не представляет глубокого интереса, тем не менее, вопрос полифонии сознания героев получает свое обоснование и дальнейшее развитие.

В работе В. А. Десятниковой «Об эпизодах-интроспекциях в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» анализируется явление полифонии, реализуемое во внутренних монологах главных героев – Константина Левина и Анны Карениной. Автор исследования отмечает, что обоим героям присущ внутренний конфликт, который связан с переходом героев от старой системы ценностей к новой. По мнению В. А. Десятниковой, Л. Толстой прибегает к новому методу в описаниях внутренней борьбы Анны Карениной: писатель прибегает к форме «прямого» психологизма, при этом отказываясь от комментариев и оценки чувств и поступков героини [2, с. 25]. В исследовании достаточно подробно рассматривается феномен полифонии с точки

зрения литературоведения, но автор статьи не проводит лингвистического анализа этого явления.

В диссертационном исследовании К. Р. Шарафутдиновой «Художественная деталь как жанровый компонент экспозиции романа конца 1850-х – начала 1860-х гг. («Мадам Бовари» Г. Флобера и «Отверженные» В. Гюго)» затрагивается проблема «полифонии сознания» главной героини романа Л. Толстого «Анна Каренина», однако главные герои романа-эпопеи «Война и мир» не рассматриваются исследователем с этой точки зрения. В диссертации речь идёт о сопоставлении экспозиций русского и французского романа, о роли художественной детали в экспозиции романов Г. Флобера, В. Гюго, Л. Толстого. В исследовании К. Р. Шарафутдиновой статистическое изображение характера в романе Г. Флобера «Мадам Бовари» противопоставляется «диалектике» изображения характера у Толстого в «Анне Карениной». По мнению автора диссертационного исследования, Л. Толстому интересен внутренний мир главной героини романа, изменчивость ее характера, а Флоберу, напротив, важно показать неизменность внутреннего мира героини [11, с. 13]. Данная работа представляет собой литературоведческий анализ феномена полифонии, наиболее полно реализуемого в образе Анны Карениной. Заметим, что в исследовании явление полифонии не получает обоснования и развития в аспекте лингвистического анализа текста.

Мы же полагаем, что **вопрос полифонии в творчестве Толстого преимущественно связан с обнаружением взаимоисключающих друг друга значений в пределах одного объекта.** Под термином **объект** художественного текста мы будем понимать **как образ героя, так и концепт, обнаруживаемый в данном тексте, а также весь рассматриваемый текст.** Для нас **феномен полифонии приобретает значение противопоставленности смыслов в семантической структуре единого пространства художественной системы.** На основании данных положений задачей нашего исследования мы ставим реконструкцию семиотической модели романа-эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир» с целью комплексного анализа феномена полифонии, реализуемого в вышеупомянутом тексте.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Полифония художественной системы Л. Н. Толстого находит свое отражение в «раздвоении сознания» романного героя: внутренний монолог героя Толстого содержит тончайшие переходы от одного внутреннего состояния к другому. Писателю важно показать внутренний конфликт, борьбу, а по замечанию Н. Г. Чернышевского, «диалектику души» героя. «<...> Внимание графа Толстого более всего обращено на то, как одни чувства и мысли развиваются из других <...> как чувство, непосредственно возникающее из данного положения или впечатления <...> переходит в другие чувства <...>» [10, с. 335].

Однако у Чернышевского понятие «диалектика души» (единство тождества и противоречия) не трансформируется в понятие полифонии. Полифония Толстого имеет место преимущественно в структуре одного отдельно взятого образа, сознания.

Полифония – это проявление внутреннего диалога, который является отражением внутреннего конфликта, провоцирующего динамику развития образа.

По нашему мнению, «полифония сознания» романного героя скажется и на всей композиционной структуре художественного произведения. В дальнейшем в исследовании речь пойдет о реконструкции семиотической структуры романа-эпопеи «Война и мир». Основываясь на том положении, что полифония – неотъемлемое свойство художественных текстов писателя, мы попытаемся выстроить семиотическую модель романа-эпопеи. Для этого следует реконструировать те концептуально значимые для данного текста семантические оппозиции.

Для того чтобы выявить семантические оппозиции, которые окажутся фундаментальными для формирования образов героев, нужно проследить закрепление определённых смыслов за одной группой героев и закрепление противоположных смыслов за той группой героев, которая составляет оппозицию первой.

Одной из основных антонимических семантических оппозиций будет оппозиция 'неестественность – естественность'. На этой семантической оппозиции основаны семантические структуры образы, связанные с большим светом, со светской жизнью, а также семантические структуры образы, семантически им противопоставленные.

Значение неестественности вытекает из значения чего-то искусственно созданного, ненатурального, не соответствующего своей природе: *«Быть энтузиасткой сделалось ее [Анны Павловны Шерер] общественным положением, и иногда, когда ей даже того не хотелось, она, чтобы не обмануть ожиданий людей, знавших ее, делалась энтузиасткой»* [6, с. 7].

Закрепляясь в тексте, значение 'неестественность' попадает в зону пересечения значений механичности («...сказал князь [Василий], **по привычке, как заведенные часы...**». [6, с. 6], наигранности («Князь Василий говорил всегда лениво, как актер говорит роль старой пьесы» [6, с. 7]; *«улыбка, игравшая постоянно на лице Анны Павловны»* [6, с. 8–9] и равнодушия («сказал князь холодным и скучающим тоном» [6, с. 8–9] – разговор князя Василия с Анной Павловной Шерер о войне в Европе) и начинает входить в следующий семантический ряд. Неестественность уже связывается с грубостью и неприятием («...сказал он [князь Василий], **улыбаясь более неестественно и одушевленно, чем обыкновенно, и при этом <...> выказывая <...> что-то неожиданно-грубое и неприятное»** [6, с. 9–10]. И это последнее значение будет далее закрепляться в тексте романа: «...он [князь Ипполит] **был поразительно дурён собою. <...> а руки и ноги всегда принимали неестественное положение»** [6, с. 17–18]; *«Но улыбка не украсила лица Веры [Ростовой], <...> лицо ее стало неестественно и оттого неприятно»* [6, с. 54].

Наигранность, неестественность станут взаимодействовать со значением скучной, обязывающей ритуальности, которая связывается со значением приличия, того, что надлежит делать в обществе, то, что принято в данном обществе как образец поведения: *«Все гости совершали обряд приветствования никому неизвестной, никому неинтересной и ненужной тетушки. <...>. Все подходившие, из приличия не выказывая поспешности, с чувством облегчения исполненной тяжелой обязанности отходили от старушки <...>»* [6, с. 12].

Значения равнодушия ('лишённого интереса, безучастного отношения к кому-либо') и приличия ('вежливости, благопристойности в поведении, в словах, манерах') окажутся в зоне пересечения: «сказал он [князь Василий], **не изменяя голоса и тоном, в котором из-за приличия и участия просвечивало равнодушие** <...>» [6, с. 6]; «<...> *Ma tante* каждому говорила **в одних и тех же выражениях о его здоровье и о здоровье его величества** <...>». [6, с. 12].

Значение насмешки ('обидной шутки, издёвки') пересекутся с двумя значениями, друг другу противопоставленными, – значениями равнодушия ('проявления безучастного отношения') и горячности ('проявление нетерпения'): «...сказал он [князь Василий], **не изменяя голоса и тоном, в котором из-за приличия и участия просвечивало равнодушие и даже насмешка**» [6, с. 6]; «<...> Она [Анна Павловна Шерер] **вдруг остановилась с улыбкой насмешки над своею горячностью**» [6, с. 8].

Прямо противоположные значения оказываются в зоне взаимодействия: значения равнодушия и участия ('сочувствия'): «...сказал он [князь Василий] <...> **тоном, в котором из-за приличия и участия просвечивало равнодушие** <...>» [6, с. 6]. Данные прямо противоположные значения будут взаимодействовать в тексте только потому, что окажутся включёнными в значение приличия, в то, что принято, навязано ('из приличия' – 'из вежливости').

Те же самые пересечения значений (равнодушия и как бы участия, мнимого сочувствия) выявляется в структуре романа, если проанализировать несоответствие слов автора и прямой речи героини: одним и тем же тоном маленькая княгиня говорит о своём наряде и о том, что её муж идёт на смерть:

« – <...> *Vous m'avez écrit que c'était une petite soirée; voyez comme je suis attifée.* (...не сыграйте со мной злой шутки; вы мне писали, что у вас совсем маленький вечер. Видите, как я укутана).

<...>

– *Vous savez, mon mari m'abandonne*, – продолжала она [маленькая княгиня] **тем же тоном, обращаясь к генералу, - il va se faire tuer.** <...> (Вы знаете, мой муж покидает меня. Идет на смерть. Идёт на смерть. <...>), – сказала она князю Василию <...>» [6, с. 13].

Композиционно значение равнодушия актуализируется в тексте как сохранение манеры обращения героини при смене адресата: «– *André*, – сказала его жена [маленькая княгиня], **обращаясь к мужу тем же кокетливым тоном, каким она обращалась и к посторонним**...» [6, с. 20].

В романе-эпопее значение естественности ('необходимости, свойственной природе вещей, правдивости, простоте') будет обнаруживаться как значение 'чего-то несвойственного обыденному; несоответствия тому, к чему все привыкли'): «*При виде вошедшего Пьера в лице Анны Павловны изобразилось беспокойство и страх, подобный тому, который выражается при виде чего-нибудь слишком огромного и несвойственного месту*» [6, с. 14].

Значение чего-то несвойственного, неподходящего окажется в одной семантической зоне со значением страха ('состояния крайней тревоги, душевного волнения от грозящей или ожидаемой опасности'). Из-за взаимодействия с

нетипичным контекстом значение слова «страх» получит новое значение (‘испуг, испытываемый при виде чего-то, готового нарушить общепринятый заведённый порядок’): «<...> **этот страх мог относиться только к тому умному <...> и естественному взгляду, отличавшему его от всех в этой гостиной**» [6, с. 14]; «**Страх Анны Павловны был не напрасен, потому что Пьер, не дослушав речи тетушки о здоровье ее величества, отошел от нее. Анна Павловна испуганно остановила его словами...**» [6, с. 14]. Новое значение подтвердится в тексте в развёрнутом сравнении, в котором салон Анны Павловны сравнивается с прядильной мастерской, сама Анна Павловна – с хозяйкой этой мастерской, работницы – с гостями салона, а поведение Пьера становится тем выпадающим винтиком, угрожающим нарушить привычный ход веретена: «...<...> **Как хозяин прядильной мастерской, посадив работников по местам <...> так и Анна Павловна <...> подходила к замолкнувшему или слишком говорившему кружку и <...> опять заводила равномерную <...> разговорную машину. Но <...> виден был в ней особенный страх за Пьера**». [6, с. 14 – 15].

Образованное значение («страх» – ‘испуг, испытываемый при мысли о том, что-то может разрушить общепринятый порядок’) будет многократно закрепляться в сцене, предваряющей объяснение князя Андрея и Наташи Ростовой: «**Не только в душе Наташи, испуганной, <...> но во всем доме чувствовался страх перед чем-то важным, имеющим совершиться**» [7, с. 225]; «**Наташа бледнела от страха ожидания <...>**» [7, с. 225]; «**Ее [Наташу] как будто пугало это странное, неожиданное счастье...**» [7, с. 226].

Значение несоответствия тому, к чему все привыкли, пересечётся со значением «невежливого, непочтительного отношения, противоположного тому, что прилично в обществе»: «**Страх Анны Павловны был не напрасен, потому что Пьер, не дослушав речи тетушки о здоровье ее величества, отошел от нее**» [6, с. 14].

Значение естественности будет актуализироваться как значение «свойство, отличающее от всех»: «<...> **этот страх мог относиться только к тому умному <...> взгляду, отличавшему его от всех в этой гостиной**» [6, с. 14].

Значение естественности пересечётся со значением искренности («непритворства»): «...**Но Пьер сделал обратную неучтивость <...>**» [6, с. 14]; «...**теперь он [Пьер] остановил своим разговором собеседницу, которой нужно было от него уйти. <...>**» [6, с. 14].

Оппозицию притворства и непритворства можно выявить и в структуре романа: если маленькая княгиня, князь Василий будут разговаривать с Анной Павловной Шерер на французском языке (как того требовали рамки приличия), то Пьер, несмотря на то что он «только что приехал из-за границы», будет разговаривать с хозяйкой салона на русском языке:

1) «– **Eh bien, mon prince. Gènes et Lucques ne sont plus que des arapages, des поместья, de la famille Buonaparte.** <...>

<...>

– **Dieu, quelle virulente sortie** – отвечал <...> князь [Василий]...» [6, с. 5–6];

2) «– **Вы не знаете аббата Морио?** <...> – сказала она [Анна Павловна].

– Да, я слышал про его план вечного мира <...>

– Вы думаете?... – сказала Анна Павловна...» [6, с. 14].

Естественность окажется в зоне пересечения значений неловкости, неграциозности («*Пьер был неуклюж. Толстый <...> широкий <...> он <...> не умел войти в салон и еще менее из него выйти...*» [6, с. 29]; «*...спросил Пьер неловко, как всегда...*» [6, с. 29]), а значение неестественности будет связываться со значениями грациозности, изящества, уверенности («*Он [князь Василий] говорил на том изысканном французском языке...*» [6, с. 6]; «*И он [князь Василий] с теми свободными и <...> грациозными движениями <...>*» [6, с. 11]; «*И она [маленькая княгиня] развела руками, чтобы показать свое <...> серенькое изящное платье...*» [6, с. 13]; «*Глядя на уверенные и изящные выражения лиц, собранных здесь [в салоне Анны Павловны Шерер] <...>*» [6, с. 15].

Если значение безучастного отношения оказывается в зоне пересечения значения неестественности, то, согласно закону полифоничного текста – чёткой группировке образов по выявленной семантике и чёткому их разграничению по существующим в тексте семантическим оппозициям, значения участия, оживления будут в зоне пересечения значения естественности. В семантической структуре романа маленькая княгиня (героиня, в семантике образа которой заложена неестественность) будет обращаться «ко всем вместе» и отвечать, «не дожидаясь ответа», Пьер же, напротив, на вечере Анны Павловны проявляет участие в общении: кланяется маленькой княгине, «как близкой знакомой», и ожидает от вечера чего-то особенного: «*<...> у него [Пьера], как у ребенка в игрушечной лавке, разбежались глаза. <...> он все ждал чего-нибудь особенно умного.*» [6, с. 15]. В данном контексте за семантической структурой образа Пьера закрепляется значение 'то, что свойственно ребенку', которое семантически пересекается со значениями естественности и непритворства.

То, что естественно и непритворно, в семантике текста свяжется со значением неумения правильно себя вести в обществе, а то, что неестественно будет взаимодействовать со значениями житейской ловкости и ума: «*И, отделившись от молодого человека, не умеющего жить [Пьера] <...>...*» [6, с. 14]; «*Князь Василий не отвечал, хотя с свойственной светским людям быстротой соображения и памятью движением головы показал, что <...>*». [6, с. 10].

То, что неестественно, в семантической структуре романа будет во взаимодействии со значением 'всё, как у всех, как у других себе подобных': «*...вечер [Берга и Веры] <...> несомненно стал похож на все вечера. <...> Все было, как и у всех...*» [7, с. 222].

Таким образом, в смысловой структуре романа семантическая оппозиция 'естественность – неестественность' начинает взаимодействовать с рядом других семантических оппозиций, заложенных самой семантикой романа. Оппозиция естественности – неестественности вступят в следующие семантические оппозиции: равнодушия – участия, наигранности (притворства) – искренности (непритворства), соответствия заведённому порядку вещей – несоответствия заведённому порядку вещей.

Другой смысловой оппозицией, на которой будет строиться оппозиция образов героев, будет оппозиция 'статичность – нестатичность'. Семантическим структурам образов со значениями 'статичность', 'неподвижность' будут оппозиционно соответствовать семантические структуры образов со значениями 'живость', 'подвижность'. Так, например, образ Элен Безуховой противопоставляется образу Наташи Ростовой: «<...> она [княжна Элен] *поднялась с той же неизменяющейся улыбкой вполне красивой женщины* <...>» [6, с. 16]; «<...> Она [княжна Элен], *улыбаясь, ждала* <...>» [6, с. 16]; «<...> и в комнату *вбежала тринадцатилетняя девочка* [Наташа Ростова] <...> она [Наташа Ростова] <...> *с нерассчитанного бега, заскочила так далеко*» [6, с. 49]; «<...> *некрасивая, но живая девочка, с своими детскими открытыми плечиками, выскочившими из корсажа от быстрого бега* <...>» [6, с. 50]; «Она <...> *расхохоталась так громко и звонко* <...>» [6, с. 50]. В семантической антонимической оппозиции с семантической структурой Наташи Ростовской окажется семантическая структура образа княжны Веры: «*Вывернувшись от отца, она* [Наташа Ростова] *подбежала к матери и* <...> *засмеялась*» [6, с. 50]; «*Красивая Вера* <...> *улыбнулась и* <...> *подошла к зеркалу и оправила шарф и прическу: глядя на свое красивое лицо, она стала* <...> *еще холоднее и спокойнее*» [6, с. 59]. Семантические структуры образов княжны Элен и княжны Веры обнаружат семантические точки пересечения (схождения) и в семантической ткани текста приобретают семантически близкие значения ('то, что спокойно', 'то, что замедлено'): «<...> и *потом успокаивалась* [княжна Элен] *в сияющей улыбке*» [6, с. 17]; «Она [княжна Вера] *медлила с чернильницей в руке*» [6, с. 58]. Кроме того, некоторые смыслы, закрепляемые за семантическими структурами образов княжны Веры и княжны Элен, будут дублировать друг друга: «*Княжна Элен улыбалась* <...>» [6, с. 16], «<...> *сказала* <...> *красивая графиня Вера, улыбаясь*» [6, с. 54]; «<...> Она [княжна Элен] *поправляла несколько раз складки своего платья* <...> и *потом успокаивалась в сияющей улыбке*» [6, с. 17]; «*Красивая Вера* <...> *улыбнулась и* <...> *оправила шарф и прическу: <...> она стала <...> еще холоднее и спокойнее*» [6, с. 59].

Таким образом, в семантической структуре романа-эпопеи концепт «красота» окажется связанным со значениями статичности, неподвижности, спокойствия. Напротив, концепт «некрасивость» будет отмечен такими значениями, как 'нестатичность', 'подвижность', 'оживление'.

Другая группа образов с заявленной семантической оппозицией ('статичность – нестатичность', 'подвижность – неподвижность') – это образы князя Андрея и маленькой княгини: «*Все в его фигуре [князя Андрея], начиная от усталого, скусающего взгляда до тихого мерного шага, представляло самую резкую противоположность с его маленькой оживленной женой*» [6, с. 19].

Таким образом, в семантической структуре рассматриваемого текста семантические структуры образов образуют группы образов на основании общности смысла. Сформированная группа образов будет противопоставляться другой группе образов, семантические структуры которых антонимически противопоставлены первой группе образов. Так, например, в романной структуре анализируемого произведения мы можем обнаружить такие семантические оппозиции, как

‘неестественность – естественность’, ‘статичность – нестатичность’. Обнаружение антонимических семантических оппозиций, присущих данному тексту, говорит о том, что противопоставленность смыслов является свойством данного текста.

ВЫВОДЫ

Художественная система полифоничного романа предполагает актуализацию и равнозначное закрепление абсолютно любых смыслов в отношении одного и того же объекта (образа/героя). Полифоничному мышлению свойственен конфликт; конфликт полифоничного мышления – это конфликт «самого в себе». *Полифоничное мышление находится в бесконечном поиске истины*; поиск истины в философии полифонии – это бесконечная незавершённость, само устремление в бесконечность. Поиск истины в философии полифонии – это своего рода бунт против утверждаемой данным обществом истины, против существующего миропорядка, но это бунт, который не утверждает свою собственную истину, а ищет ответ на вопрос, почему господствует данный миропорядок и почему утверждается в своей неизблемости и «неприкосновенности» данная истина. Полифоничное мышление находит свое отражение в диалогическом дискурсе, монофоничное мышление – в монологическом дискурсе.

В полифоничном тексте, каким является «Война и мир» Л. Н. Толстого, определённой группе образом соответствует определённое, только ей свойственное значение, и это значение будет многократно закрепляться в тексте. Группа образов будет строиться в соответствии с её смысловым значением: внутри группы данных образов каждой семантической структуре образов будет присуще общее, объединяющее все образы значение. Этому общему смысловому значению (архисеме) будет соответствовать значение диаметрально противоположное, которое будет связано уже со другой группой образов, то есть смысловые значения, присущие различным группам образов, будут вступать между собой в антонимические семантические оппозиции, что, в свою очередь, станет доказательством полифоничности семиотической организации романа-эпопеи Л. Н. Толстого. На основании вышесказанного делается вывод о том, что полифония является неотъемлемым свойством рассматриваемого нами текста. Полифония как непосредственный атрибут данного текста будет обнаруживаться на всех его уровнях. В дальнейшем мы проследим развитие феномена полифонии в семантической структуре образа, а также в основных концептах романа-эпопеи.

Как уже было сказано выше, отличительной особенностью полифоничной художественной системы является раздвоение сознания героя («полифония» сознания), что скажется на всей семантической структуре текста в целом. Полифония текста станет организующим началом подобного произведения. Композиционные особенности полифоничного текста окажутся в прямой взаимосвязи с семантикой структурой слова полифоничного романа. Слово полифоничного романа, следуя художественной системе «многоголосия» (возможности сосуществования в едином художественном пространстве неисключающих друг друга точек зрения), станет заключать в своей семантике взаимоисключающие значения.

Равноправие значений, соотносимых с данным объектом (словом, концептом, образом, художественной системой), является неотъемлемым атрибутом полифоничной художественной системы. Полифония подразумевает многогранность, объёмность смысла, поэтому существование абсолютно любого смысла становится возможным в полифонии.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 3-е. – М.: Художественная литература, 1972. – 472 с.
2. Десятникова В. А. Об эпизодах-интроспекциях в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2016. – № 10 (64): в 3-х ч. Ч. 2. – С. 22–26.
3. Духанина Л. Н. К поэтике психологизма Л. Н. Толстого (герои с обсессивной структурой личности в «Войне и мире») // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Серия «Филология». – 2011. – Т. 1. - № 4. – С. 17–24.
4. Краснов В. Г. Солженицын и Достоевский: Искусство полифонического романа / Авторизованный перевод книги Vladislav Krasnov «Solzhenitsyn and Dostoevsky: A Study in the Polyphonic Novel». – Athens: University of Georgia Press, 1979. – С. 3–33.
5. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / Пер. с франц. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – С. 167–194.
6. Толстой Л. Н. Война и мир. Том первый // Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. II. – М.: Правда, 1984. – 400 с.
7. Толстой Л. Н. Война и мир. Том второй // Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. III. – М.: Правда, 1984. – 400 с.
8. Успенский Б. А. Поэтика композиции // Семиотика искусства. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – С. 9–212.
9. Фомина С. Д. Концепт «любовь» в идеосфере Л.Н. Толстого: автореф. к-та филолог. наук: 10.02.01. – Елец, 2009. – 18 с.
10. Чернышевский Н. Г. «Детство и отрочество». Сочинение графа Л.Н. Толстого. «Военные рассказы» графа Л.Н. Толстого // Собрание сочинений в пяти томах. Том 3. Литературная критика. – М.: Правда, 1974. – С. 335.
11. Шарафутдинова К. Р. Художественная деталь как жанровый компонент во французском романе конца 1850-х – начала 1860-х гг. («Мадам Бовари Г. Флобера и «Отверженные» В. Гюго): автореф. к-та филолог. наук: 10.01.03. – М., 2017. – 21 с.

References

1. Bahtin M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow, Hudozhestvennaya Literatura Publ., 1972. 472 p.
2. Desyatnikova V. A. *Ob epizodah-introspekciyah v romane L. N. Tolstogo «Anna Karenina»* [On the Episodes-Introspections in Leo Tolstoy's Novel «Anna Karenina»]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota Publ., 2016, no 10 (64). In 3 parts. Part 3, pp. 22–26.
3. Duhanina L. N. *K poetike psihologizma L.N. Tolstogo (geroi s obsessivnoj strukturoj lichnosti v «Vojne i mire»)* [To Poetics of Tolstoy's Psychologism (Characters with the Obsessive Personality Structure in «War and Peace»)]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. Seriya «Filologiya»*. 2011. V. 1. № 4, pp. 17–24.
4. Krasnov V. *Solzhenitsyn i Dostoevskii: Iskustvo polifonicheskogo romana, Avtorizovannyi perevod knigi Vladislav Krasnov* [Solzhenitsyn and Dostoevsky: A study in the Polyphonic Novel]. Athens, University of Georgia Press, 1979, pp. 3–33.)

5. Kristeva Yu. *Izbrannye trudy: Razrushenie poetiki*, [Selected Works: the Destruction of Poetics], Moscow, ROSSPEN Publ., 2004, pp. 167–194.
6. Tolstoy L. *Voina i mir. Tom pervyi. Sobranie sochinenii v dvenadtsati tomakh. T. II* [War and Peace. V. 1 in: Collected Works in Twelve Volumes. V. II]. Moscow, Pravda Publ., 1984. 400 p.
7. Tolstoy L. *Voina i mir. Tom pervyi. Sobranie sochinenii v dvenadtsati tomakh. T. III* [War and Peace. V. 2 in: Collected Works in Twelve Volumes. V. III]. Moscow, Pravda Publ., 1984. 400 p.
8. Uspensky B. A. *Poetika kompozitsii. Semiotika iskusstva* [Poetics of Composition in: Semiotics of Art]. Moscow: School «Languages of Russian culture» Publ., 1995, pp. 9–212.
9. Fomina S. D. *Kontsept «liubov'» v ideosfere L.N. Tolstogo: avtoref. k-ta filolog. nauk: 10.02.01.* [The concept of «love» in the Tolstoy's ideosphere. Abstract of thesis]. Yelets, 2009. 18 p.
10. Chernyshevsky N. G. *«Detstvo i otrochestvo». Sochinenie grafa L.N. Tolstogo. «Voennye rasskazy» grafa L.N. Tolstogo. Sobranie sochinenii v piati tomakh. Tom 3. Literaturnaia kritika* [Childhood and Adolescence. The Composition of Count L.N. Tolstoy. «War Stories» by Count L.N. Tolstoy in: Collected Works in Five Volumes. V. III. Literary Criticize]. Moscow, Pravda Publ., 1974, pp. 335.
11. Sharafutdinova K. R. *Hudozhestvennaya detal' kak zhanrovyy komponent vo francuzskom romane konca 1850-h – nachala 1860-h gg. («Madam Bovari G. Flobera i «Otverzhennye» V. Gyugo): avtoref. k-ta filolog. nauk: 10.01.03.* [Artistic detail as a genre component in a French novel of the late 1850s – early 1860s. («Madame Bovary» by G. Flaubert and «Les Miserables» by V. Hugo). Abstract of thesis]. Moscow, 2017. 21 p.

THE SEMIOTIC MODEL OF POLYPHONIC TEXT (THE EPIC NOVEL «WAR AND PEACE» BY L. N. TOLSTOY)

Kovalenko A. G., Lumpova L. N.

The article is devoted to the analysis of the semiotic organization of a polyphonic text. As a model for such a text, the authors of the article chose the epic novel by L. Tolstoy «War and Peace». The authors of this study suggest that polyphony is inherent in the entire semantic structure of the literary text. In the article, the phenomenon of polyphony is considered as the detection of antonymous meanings within the same semantic context. In our case, the semantic context will be the entire text under consideration. The study analyzes how the semantic structures of images are grouped and delimited in the semantic structure of the epic novel. In addition, in the course of the study, semantic oppositions that are conceptually significant for a given text are reconstructed. Based on the analysis performed, the polyphony of the entire semantic structure of the epic novel is revealed. In fact, the analysis of the semiotic organization of a polyphonic text involves the reconstruction of the semiotic model of such a text in order to identify the structural and semantic features of the text under consideration. A systematic analysis of a literary text makes it possible to prove the polyphony of Tolstoy's novel. Combining linguistic and literary approaches in the study, the authors of the article see it as their goal to comprehensively demonstrate the phenomenon of polyphony in the Tolstoy's epic novel. As a result, the authors propose a semiotic model of the epic novel: groups of images form antonymic semantic oppositions in the semantic fabric of the text. Based on this assumption, the idea is expressed that the semantic structure of the hero's image will be characterized by antonymy (polyphony/dialogical) of meanings.

Keywords: polyphony, semiotic model of a polyphonic text, reconstruction of semiotic model of a polyphonic text semantic structure of a literary text, semantic structure of an image, antonymic semantic oppositions, the epic novel by L. Tolstoy «War and Peace».

5. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

УДК 808.5, 81.4

ЯЗЫКОВОЙ ПОРТРЕТ ФЕЙКОВЫХ СООБЩЕНИЙ, ЧАСТО ПЕРЕСЫЛАЕМЫХ В МЕССЕНДЖЕРАХ

Мазикова Н. Ю.

*Институт «Высшая школа журналистики и массовой коммуникации»,
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
e-mail: newnat46@yandex.ru*

Рассматриваются языковые особенности фейковых сообщений в популярных мессенджерах (Viber, WhatsApp, Telegram) с пометой «часто пересылаемые». Анализ проводится с опорой на терминологический аппарат прагмалингвистики. Дается языковая характеристика фейка, выявляются его текстовые маркеры для распознавания ложного сообщения в большом потоке информации. Исследование описывает характерные черты фейковых сообщений в цифровом канале коммуникации (мессенджере): не имеющие авторства, они маскируются средствами языка, а именно инструментами риторики, то под душевную проповедь, то под агрессивную агитацию с целью мощного эмоционального воздействия на массового читателя. Вследствие манипуляций адресантов читатели испытывают негативные эмоции: повышенную тревожность, страх, чувство безвыходности, растерянность, панику. Диалогические средства воздействия на реципиента, обилие прямых призывов к действию приводят к тому, что адресаты действительно совершают эти действия и массово пересылают в мессенджерах, как самых доступных и быстрых каналах связи, фейковые сообщения самым близким, друзьям, что подтверждается наличием у таких текстов отмеченной нами пометы в верхнем правом углу «*Часто пересылаемые*».

Ключевые слова: фейк, мессенджеры, язык масс-медиа, коммуникация, цифровое общество, медиаграмотность, прагматика.

ВВЕДЕНИЕ

Современный мир с его ультрадинамическим развитием ставит перед лингвистической наукой новые задачи, нередко заставляя вступать в «коллаборации» с другими науками и областями знания. Человек XXI в., живущий в развитых или развивающихся странах, чаще всего лишен крупных проблем в круге потребностей первой значимости (питание, питье, безопасность и др.), следовательно, потребности второго порядка (коммуникация, творчество, самовыражение) осознаются им весьма важными. Само понятие «цифровое общество», которые уже достаточно долго и прочно существует в научном аппарате, говорит о том, что человек создал новый виртуальный мир (не реальный, природный), коммуникация в котором для него очень значима.

Инициировать общение с близкими сегодня как никогда просто: достаточно нажать пару кнопок в собственном смартфоне. Инициировать общение (симметричное или асимметричное) с органами власти, государственными структурами, ведомствами, СМИ, организациями и объединениями так же несложно: все теми же кнопками. Однако такая простота выхода в коммуникацию не всегда приносит только пользу и радость. Теперь общество, живущее в информационном

мире, столкнулось с серьезной проблемой: вовремя распознать «вредные», ложные сообщения, небезопасные для психического и физического здоровья человека, и защитить себя и близких от их воздействия. В данной статье подобные сообщения с недостоверной и непроверенной информацией условимся называть *фейковыми*, хотя дефиниций данного понятия в науке немало.

Фейковые сообщения получают распространение в масс-медиа и заслуживают внимание ученых именно в этой сфере [4, 11], однако мы предлагаем рассмотреть тот класс фейков, который не относится к журналистике как таковой: они не опубликованы на открытых площадках в интернете, не имеют авторства. Такие фейковые сообщения непосредственно касаются каждого человека, держащего в руках смартфон, т.е. имеющего выход в интернет, так как находятся в мессенджерах. Этот коммуникативный канал еще мало исследован лингвистами, наиболее близкой к нашей теме является работа А.Г. Караяни и др., где мессенджер рассматривается в качестве орудия гибридной войны. Авторы [6, с. 172–174] пишут о высоком информационно-психологическом потенциале материалов, распространяемых в группах дискуссий мессенджеров.

Поскольку данная площадка еще малоизучена, ранее мы с Д. И. Пашковой (студенткой отделения рекламы ФГБОУ ВО «РГУПС») предприняли первую попытку рассмотреть языковые механизмы фейков в мессенджерах. Результаты исследования были представлена нами на Международной конференции «Язык в координатах массмедиа» в июне 2022 г. (на базе «СПбГУ») [7]. Выступление и обсуждение темы показало, что исследование следует углубить, масштабировать и интегрировать в уже имеющийся исследовательский опыт ученых. Второй этап научной работы по данной тематике проходил без участия соавтора. Настоящая статья, хотя отчасти и базируется на материалах предыдущей статьи, представляет собой результат серии исследований, включает уникальный иллюстративный материал с маркированием нами важных элементов, содержит новые примеры фейков, а также дополнена подробными комментариями языка фейковых сообщений, приводимых в предыдущей статье, что делает исследование цельным.

Очевидна *актуальность* нашего исследования, которое имеет своей *целью* исследовать вредоносное явление в реальной жизни большинства людей и выявить те языковые маркеры, которые позволят распознать тревожные сообщения.

О способности фейков изменять мировоззрение людей, толкать их на необдуманные поступки, иногда приводящие к разрушительным последствиям, пишут многие специалисты. Так, согласно исследованию Pew Research Center, жители США считают дезинформацию более опасной для общества, чем расизм и терроризм [14].

Джонатан Сандерс профессор Школы журналистики Университета Стони Брук (Нью-Йорк) справедливо замечает: «Изменения в способах доставки информации, смена парадигмы, цифровая революция в сочетании с изменяющейся динамикой редакционных процессов в традиционном газетном мире – «кончиной» редактора и системы журналистских цензоров – указывают нам, что отныне каждый тинейджер, живущий в сети, должен учиться быть цензором самому себе» [9, с. 28–29].

Задачу противостоять фейкам, становящимся социально опасными, осознали и на государственном уровне: в 2019 г. был принят Федеральный закон № 31-ФЗ «О внесении изменений в статью 15.3 ФЗ “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”». Закон гласит, что подлежит удалению недостоверная общественно значимая информация, распространяемая под видом достоверных сообщений, создающая угрозу причинения вреда жизни и здоровью граждан [12].

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

Материалом для изучения послужили фейки социальной направленности, публикуемые в популярных в Российской Федерации мессенджерах (Viber, WhatsApp, Telegram) с пометой «часто пересылаемые» (рис. 1, рис. 2). В рамках исследования важно понять закономерности распространения и особенности самих текстов именно в этих каналах коммуникации. *Мессенджеры* (мобильные приложения на смартфоне или веб-сервисы для быстрого обмена сообщениями) – самая актуальная площадка для обмена фейками, поскольку ее отличает большая доступность для пользователя (это не официальные сайты организаций и СМИ, которые все реже посещаются пользователями), простота в использовании и регулярность обращения к ней в коммуникативных целях. Аудитория зачастую не способна отличить фейк от правдивой новости, и тогда, пересылая подобное сообщение, люди сами становятся публикаторами лже-информации. Указанная нами помета «часто пересылаемые» уже обращает на себя внимание исследователя, говорит о массовом охвате адресатов, которые часто не способны распознавать ложь в этих сообщениях и поддаются панике.

Для реализации намеченной цели мы используем методы прагматического (основного для нас), контекстуального и сравнительного анализа, а также лингвостилистической интерпретации текста.

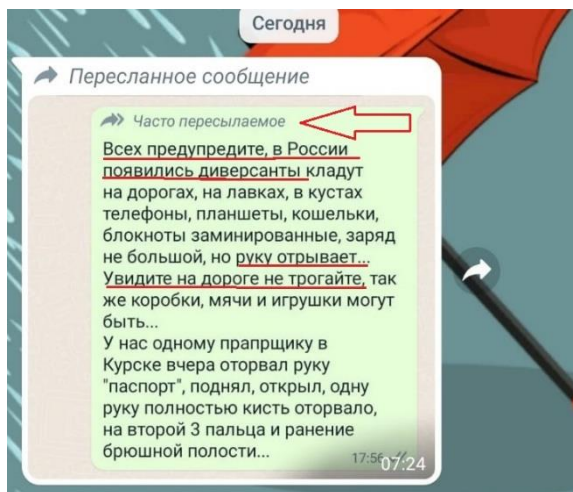

Рис. 1. Пример фейкового сообщения с особой пометой в мессенджере WhatsApp

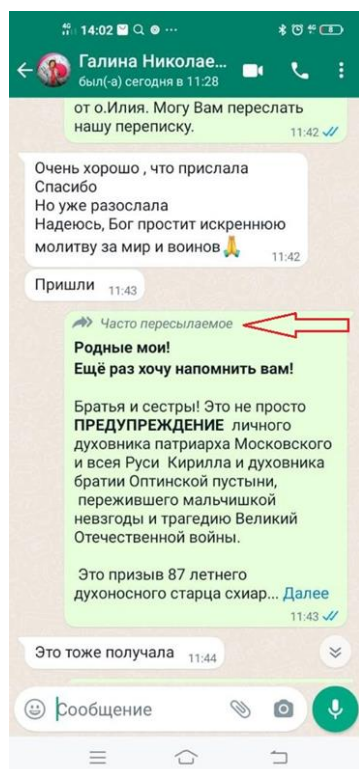

Рис. 2. Пример фейкового сообщения с особой пометой в мессенджере WhatsApp

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Прежде всего, рассмотрим имеющиеся в науке взгляды на природу и особенности фейковых сообщений. Интересной, на наш взгляд, работой является исследование Н. А. Пром. Ученый обращает внимание на то, что в российских законодательных актах не содержится терминов, обозначающих такого рода сообщения, а существующие методики лингвистической экспертизы не предлагают инструментов для разграничения недостоверных сообщений, имеющих различную интенциональную основу [8, с. 142]. Автор предлагает и обосновывает критерии разграничения недостоверных сообщений на фактоиды и фейки. «Первые представляют собой социально опасную правдоподобную информацию, претендующую на статус реального факта, вторые – сообщения, которые предполагают развлекательно-игровое осмысление и не создают угрозы причинения вреда жизни человека» [8, с. 142–152]. Если рассматривать выбранный нами материал в дефинициях Н. А. Пром, то его логично называть фактоидами.

Неоднократно в литературе исследователями отмечается важность понимания интенций отправителя. Например, Д. Сандерс предлагает ряд конкретных вопросов, «диагностирующих» сообщение: «Важно всегда проверять, кто или что является источником общения, сообщения, независимо ли оно. Есть ли у него повестка дня, находится ли оно под влиянием или контролем кого-то или чего-то? Преследует ли

он какую-либо другую цель, кроме как доказать «лучшую доступную версию истины в установленные сроки»? Прозрачно ли сообщение... Безошибочно? Берет ли источник на себя ответственность за ошибочный анализ? Признает, когда это неправильно?» [9]. По верному утверждению А. А. Ефанова, проверить факт наличия умысла медиаинформации часто не представляется возможным [цит. по 5, с. 264–270].

Фейк в интерпретации И. А. Стернина и А. М. Шестерниной – «сообщение со сниженной (отсутствующей) ценностью для общества, выдающее себя за ценное» [11, с. 5]. С. Н. Ильченко, исследующий фейки в журналистике, определяет фейковые новости как «журналистское сообщение, содержащее недостоверную и непроверенную информацию, несоответствующую реальным фактам и эмпирической действительности и опубликованную в СМИ» [4, с. 16]. Выделенный нами фрагмент в данном определении может служить характеристикой фейкового сообщения в мессенджерах.

Исследуемый нами материал показал, что фейковые сообщения в мессенджерах обладают рядом характерных особенностей:

- 1) не имеют авторства и ссылки на конкретный ресурс (в отличие фейков в СМИ);
- 2) имеют целью получить большой охват аудитории, мотивируют к частой пересылке;
- 3) эмоциональны, обращены «лично» к адресату;
- 4) содержат недостоверную информацию и часто – орфографические ошибки;
- 5) привязаны к актуальным событиям в обществе;
- 6) негативны по содержанию, сеют панику.

Заслуживает внимания мысль Н. А. Пром о прагматике фейкового текста: «Автор маскирует вымысел для того, чтобы обманчивость была эффективной при сохранении свойства незаметности, а интериоризация сомнительной информации (принятие в персональную и – далее – в коллективную картину мира) в сознании адресата происходила продуктивнее [8, с. 146]. По мнению Л. И. Гришаевой, для реализации своей цели отправитель создает «коллаж из микрочастиц объективной реальности», не вызывающий когнитивного диссонанса у реципиента [3, с. 18–19].

Также стоит отметить, что существование фейка тесно связано с понятием *медиаграмотности*, наличие которой в цифровом обществе может служить гарантом его безопасности, а отсутствие – причиной рождения фейков и последующих социальных проблем. Это место, где лингвистика переплетается с журналистикой, социологией и психологией. Здесь интересны работы В. М. Казиева, проводящего системный анализ категории «медиаграмотность», ее особенностей с точки зрения цифровых трансформаций общества [5, с. 264–267]; А. Г. Асмолова, А. Л. Семенова и А. Ю. Уварова, рассматривающих информационно-коммуникационную грамотность школьников [1].

В. М. Казиев, основываясь на работе [2], описывает семь ключевых групп компетенций медиаграмотного человека:

- 1) эффективно искать информацию, *владеть языком и дискурсом* современных масс-медиа;

- 2) производить *самофилтрацию вредоносного*, избыточного контента;
- 3) *верифицировать информацию*, критически оценивать информационные ресурсы, актуализировать альтернативные источники, ресурсы;
- 4) *адекватно воспринимать* и эффективно использовать информацию;
- 5) релевантно распространять и защищать личную (корпоративную, государственную) информацию, противодействовать вредоносному информационному воздействию;
- 6) взаимодействовать с медиа-СМИ, интернет-ресурсами, площадками;
- 7) владение социальными коммуникациями (реклама, PR и маркетинг) [5].

Четыре первых пункта в данном списке компетенций отвечают нашей задаче: *поиску, выявлению и описанию конкретных текстовых маркеров, языковых черт фейков, распространяемых в мессенджерах*. Обратимся к полученным нами данным.

Анализ «часто пересылаемых» сообщений в обозначенных ранее приложениях показал, что для широкой аудитории наиболее актуальными были темы распространения коронавирусной инфекции, вакцинации; для узкой аудитории православных верующих – темы чипирования, мирового правительства и др. В ходе исследования были выявлены следующие маркеры ложных сообщений:

1. **Шрифтовое выделение.** Написание заголовков и предложений в тексте (обычно в начале или в конце) прописными буквами, часто сопровождающееся обилием восклицательных знаков: *«ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ», «МАКСИМАЛЬНЫЙ РЕПОСТ!!», «РАСПРОСТРАНИТЬ СРОЧНО! во ВСЕХ СЕТЯХ!!!!» «НЕ ПРИНИМАЙТЕ», «ПАНДЕМИЧЕСКИЙ ПСИХОЗ»*.

2. **Личные обращения** к адресату, чаще всего в форме прямых обращений-названий по профессии или роду деятельности, а также эмоциональные прилагательные, становящиеся в контексте существительными («родные»). Данный прием заимствован из классической риторики, в той ее части, где оратору рекомендуется при обращении к аудитории обязательно ее назвать и приветствовать. Такие обращения, имитирующие разговорную речь, такие «площадные» приемы сокращают дистанцию между автором и читателем, заставляют верить адресанту, поскольку позволяют как бы коснуться каждого отдельно в массе и в то же время сохраняют ощущение единства со всеми: *«Родные мои!», «Братья и сестры!», «Коллеги! Эта памятка для ВАС»*. Поскольку цель большинства фейковых посланий – заставить читателя волноваться, даже паниковать по какому-то поводу, обращения необходимы для связывания равнодушных людей в единое целое, которое «должно будет бороться» с той социальной болью или несправедливостью, который автор находит в обществе и сознательно муссирует в своем послании, а порой и создает на ровной почве.

3. **Использование эмодзи**, специальных значков, идеограмм и смайликов, характерных для электронных сообщений и переписки на веб-страницах: *«СРОЧНО!!sossossossossossos!!» «ПРОЧТЕМ сердечно с вниманием и покаянием коротенькую молитву о спасении России и нас, грешных🙏»*. Примеры употребления специальных графических знаков, являющихся неотъемлемой частью общения в мессенджерах, представлены на рисунке ниже.

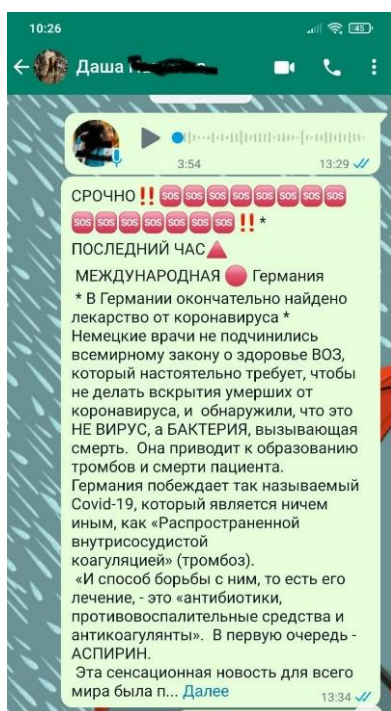

Рис. 3. Пример использования эмодзи в фейковых сообщениях в мессенджерах

4. Опечатки, пунктуационные, орфографические, речевые ошибки. Особенность проанализированных нами фейков в том, что они наводнены подобными нарушениями языка и письма, и это сильно отличает новостные фейки, публикуемые в различных медиа, и фейковые сообщения в мессенджерах. Важно помнить, что в официальных текстах никогда не будут допущены такие ошибки. На проходившей в июне 2022 года VI международной научной конференции «Язык в координатах массмедиа» (СПбГУ, г. Санкт-Петербург), где был представлен наш соавтор с Пашковой Д. И. доклад о часто пересылаемых фейках [7, с. 165–169], научное сообщество задалось вопросом: *сознательно ли создаются подобные ошибки и опечатки*. Данная дискуссия открывает проблемную область в изучении мотивов, интенций отправителей данных текстов. Если ошибки допущены случайно, то перед нами малограмотный автор, плохо владеющий русским литературным языком, а значит, не могущий быть представителем интеллигенции. Но, с другой стороны, возникает противоречие: как может такой отправитель владеть достаточно уверенно (судя по результатам его воздействия на читателей и массовому распространению им его информации) иными риторическими приемами, о которых говорится в настоящей статье? Таким образом, возникает вторая точка зрения:

вероятнее всего, автор послания сознательно допускает ошибки и опечатки, чтобы имитировать речь простого человека, «быть ближе» к массовому читателю. В таком случае ошибки – не что иное, как психологическая уловка адресанта.

5. **Лексика, касающаяся жизненно важных понятий:** здоровье, безопасность, жизнь, питание, жилище, дети, деньги. Данные концепты используются авторами фейков, чтобы вызвать у читателей чувство страха от опасений их потерять: *«И тогда не нужно уже будет многое нам: ни сотовые, ни квартиры, ни образование детям, ни машины, ни отдых комфортабельный за границей, ни растущие цены на продукты, ни даже так отделившаяся пенсия, ни многое другое... А только мир и жизнь»*; *«Covid-19 сгущает кровь, стимулирует у человека развитие тромбоза. Т.к. кровь густеет, замедляется ее течение в сердце и легких, человек не может дышать и быстро умирает. В Германии нарушили протокол-рекомендацию ВОЗ и сделали вскрытие трупа, который умер от Covid-19»*; *«заряд небольшой, но руку отрывает»*; *«В наших силах нести правду и надеяться спасти много жизней»*.

6. **Ссылка (ложная) на авторитетные источники:** *«Только представьте себе, о чем в «колокола бьет» не только старец Илья, но и Афонские старцы»*; *«Источник: ГЕРМАНИЯ, Министерство здравоохранения»*; *«ПОСЛАНИЕ ГЛАВВРАЧА Армавира, Василия Казьмина»*; *«Ковид будет по плану ВОЗ с нами до 2024 года»*. Подкрепление сообщения апелляцией к авторитетному источнику также является риторическим приемом убеждения.

7. **Негативная лексика.** Прогнозирование развития событий по катастрофическому, деструктивному сценарию: *«Вот-вот все рванет, и извне, но более опасен для России всегда был враг внутренний»*; *«ПАНДЕМИЧЕСКИЙ ПСИХОЗ был нужен, потому что теневое мировое правительство хочет вакцинировать и вживлять чип, чтобы убивать массы, чтобы контролировать численность населения и уменьшить население мира»*; *«не отмахивайтесь, потом будет поздно»*; *«Если хотите остаться в живых, занимайтесь профилактикой»*; *«Ковид будет по плану ВОЗ с нами до 2024 года»*. Такое нагнетание отрицательной информации с семантикой конца, смерти, катастрофы, боли, опасности разжигает в читателе ощущение несправедливости происходящего, создает панику.

8. **Использование эмоциональной лексики,** давление на человеческие чувства: *«...сердечно с вниманием и покаянием коротенькую молитву о спасении России и нас, грешных»*, *«МОЛИМСЯ ЗА РОССИЮ»*, *«...и духовника братии Оптинской пустыни, пережившего мальчишкой невзгоды и трагедию Великой Отечественной войны»*, *«Не будьте безразличны, не отмахивайтесь..»*, *«ПОДЕЛИТЕСЬ, ЧТОБ ВЕСЬ МИР ЗНАЛ, ЧТО МЫ УБИВАЛИ И УБИЛИ НАШИХ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ!!!»*. «Морализаторская» лексика основана в этом случае на основных ценностях человечества: семья, детство, уважение к старшим, защита слабых, забота, любовь, сострадание.

9. **Настойчивый призыв к действию** и распространению информации. Призыв, как прием классической агитационной речи, а также венчающий текст такого жанра, как проповедь, по нашим наблюдениям, в фейковых текстах из мессенджеров реализуется разными способами: в форме глаголов а) в повелительном наклонении: «**Передайте** это своей семье, всем соседям, знакомым, друзьям, коллегам, коллегам»; «**Не храните** эту информацию при себе, **делитесь** ею со всеми своими знакомыми и друзьями»; «**Всех предупредите**»; б) в инфинитиве: «**РАСПРОСТРАНИТЬ СРОЧНО!**»; в) в будущем времени множественного числа 1 лица (что создает общность, единство): «**Так настроим** свои будильники московские на 13.55 и северные на 15.55 на каждый день и **уединимся** на 5 минут и **ПРОЧТЕМ** сердечно с вниманием и покаянием коротенькую молитву о спасении России»; «**А в воскресный день исполним** четвертую заповедь Божию и **наполним** храмы молитвой благодарения Господа нашего Иисуса Христа и **едиными устами восхвалим** Имя Его святое». Призыв создается также с помощью безглагольных конструкций, содержащих семантику повеления: «**МАКСИМАЛЬНЫЙ РЕПОСТ**» (в значении «перешлите максимальному количеству знакомых»).

10. **Гиперболизация** в словах и фразах, имеющая цель вызвать волнение и обеспокоенность адресата: «**Вот-вот все рванет**», «**Это не просто ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ**», «**эта сенсационная новость**»; «**В России появились диверсанты: кладут на дорогах, на лавках, в кустах телефоны, планшеты, кошельки, блокноты заминированные, заряд небольшой, но руку отрывает**»; «**Немецкие врачи не подчинились всемирному закону о здоровье ВОЗ**»; «**В Германии окончательно найдено лекарство от коронавируса**»; «**Батюшка просил каждого молиться за Россию из-за сложного положения. С каждого присутствующего в храме брал обещание, что человек будет молиться сам и передаст эту молитву близким и знакомым**» (фактическая ошибка: тем, кто знаком с православной традицией, ясно, что в условиях общения прихожан и священника в храме невозможно со стороны последнего «с каждого взять обещание», т.к. священник может обратиться ко всем молящимся в рамках проповеди).

11. **Использование личных и притяжательных местоимений**, создающих диалогичность, интимность, доверительность общения автора и читателя: «**хочу напомнить вам**», «**все, что нам нужно сделать**», «**В нашей стране ВОЗ лгала нам, с этой пандемией**»; «**В наших силах нести правду и надеяться спасти много жизней**».

12. **Обилие восклицательных знаков**. Примечательный факт, выявленный в исследуемом материале, – повествовательные по своему содержанию предложения заканчиваются восклицательным знаком, что создает нарочитую эмоциональность только механически, однако сам факт присутствия в сообщении такого знака определенным образом воздействует на адресата, вызывая в нем излишнее волнение «на ровном месте». Например: «**Постарайтесь, по возможности, бывать на свежем**

воздухе, где больше кислорода!»; «РАСПРОСТРАНИТЬ СРОЧНО! во ВСЕХ СЕТЯХ!!!!».

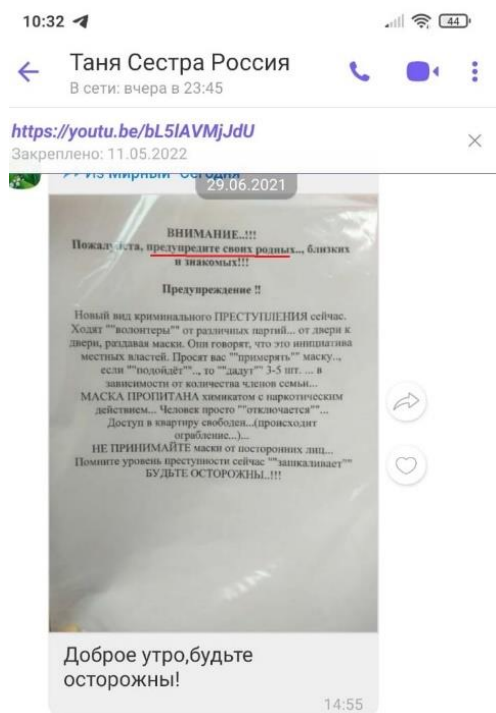

Рис. 4. Пример обилия восклицательных знаков в переписке в Viber

13. Использование в тексте цифр с целью усиления достоверности сообщения. Это могут быть данные опросов, якобы проведенных авторитетными организациями, химические значения определенных медицинских явлений или препаратов: «Министерство здравоохранения выпустило и отправило домой более **14 000** пациентов в течение одного дня». Характерная особенность употребления таких чисел заключается в том, что чаще всего они окружены контекстом из сложных терминов, априори малоизвестных тому массовому адресату, которому направлено фейковое обращение: «Помните, что значение **pH** вируса короны **варьируется от 5,5 до 8,5**. *Следовательно, все, что нам нужно сделать, чтобы избавиться от вируса, – это **потреблять щелочную пищу, больше, чем уровень вируса***» (сохранены знаки и пунктуация первоисточника). В данном примере продемонстрирована манипуляция автора: привести термины, цифры, использовать официально-деловой и научный стиль речи (примеры выделенных слов – канцеляризм, профессиональная лексика, сложные предложения), заведомо не до конца понятные аудитории читателей. Прагматический эффект таких посылов связан с тем, что массовая аудитория, в том числе российская, склонна уважительно относиться к научным и официальным данным. Для нее также свойственно не верифицировать полученную «точную» информацию, которая нередко оказывается ошибочной. Так, в одном из текстов, часто пересылаемых в приложении «Viber»,

указано значение рН желтого лимона 8,2, в то время как специалисты [13] говорят о другом значении – 2.2-2.4.

К этому же пункту стоит отнести примеры создания **нумерованных списков**, что также «заговаривает» читателя, создавая у него ощущение структурированности информации, приравненной к достоверности. Нумерация мыслей – это действительно признанный в современной риторике, в деловой коммуникации способ положительного воздействия на воспринимающего субъекта, имеющий целью, упорядочив информацию, упростить ее для восприятия реципиента. При ближайшем же рассмотрении таких списков, перечислений в фейковых сообщениях обращают на себя внимание ошибки. Например, в довольно странную формулировку нумерованного списка «препаратов, применяемых в изолированных больницах» авторы фейка включают не только препараты, но и рекомендации:

- «1. *Витамин С 1000*
2. *Витамин Е (Е)*
3. *Посидите на солнце 15-20 минут в 10-12 ч.*
4. *Ешьте одно яйцо в день.*
5. *Отдых/сон не менее 7-8 часов.*
6. *Пейте 1,5 литра воды в день.*
7. *Все блюда должны быть горячими (не холодными)».*

14. **Использование научной терминологии.** Эта особенность отмечалась в предыдущем пункте. Терминология в фейковых сообщениях, имеющая целью также создать иллюзию правдоподобности информации, чаще всего псевдонаучна: «*Covid-19 не является вирусом, как они заставили нас поверить. Это бактерия, которая, усиленная электромагнитным излучением 5G, вызывает воспаление и гипоксию*» (сохранена пунктуация первоисточника).

ВЫВОДЫ

Таким образом, часто пересылаемые фейковые сообщения в мессенджерах, не имеющие авторства, маскируются средствами языка, а именно инструментами риторики, то под душевную проповедь, то под агрессивную агитацию с целью мощного эмоционального воздействия на массового читателя. Вследствие манипуляций адресантов читатели испытывают негативные эмоции: повышенную тревожность, страх, чувство безвыходности, растерянность, панику. Диалогические средства воздействия на реципиента, обилие прямых призывов к действию (главным посылом всех сообщений является требование или просьба распространить информацию максимальному количеству людей) приводят к тому, что адресаты действительно совершают эти действия и массово пересылают в мессенджерах, как самых доступных и быстрых каналах связи, фейковые сообщения самым близким, друзьям, что подтверждается наличием у таких текстов отмеченной нами пометы в верхнем правом углу «*Часто пересылаемые*».

Обозначенная проблема является не только лингвистической (русский язык загрязняется, население воспитывается образцами безграмотного употребления языка), но и социальной, острой для современного общества [10], поскольку перевираются факты реальной жизни (нарушение фактической информации). В

обществе рождается паника, большая группа «медиабезграмотных» людей, зараженная большими идеями «конца», проводит все свободное время в чтении подобных фейков, откладывая более значимые дела и занятия, что приводит и к различным межличностным конфликтам, и к внутренним психологическим и физиологическим проблемам (ухудшение сна, повышение артериального давления, головные боли, тревожность, потеря интереса к жизни, страх совершать новое дело, безынициативность и др.).

В связи с указанной социальной актуальностью вопроса распространения фейков крайне важно научиться распознавать подобные лживые сообщения. Стать беспристрастным читателем особенно нужно сейчас, когда распространение фейков может привести не только к плачевным последствиям в мире, но и к уголовной ответственности.

Говоря о перспективах дальнейшего изучения особенностей фейковых сообщений в мессенджерах, стоит вернуться к пятой компетенции из предложенного В. М. Казиевым [5] списка, а именно: *релевантно распространять и защищать личную (корпоративную, государственную) информацию, противодействовать вредоносному информационному воздействию*. Целесообразно разработать простую схему распознавания фейкового сообщения в большом потоке ежедневной информации, чтобы помочь пользователю мессенджеров отличить истинное слово от ложного, и продумать ряд мероприятий (акции, социальная реклама, челленджи и др.), которые бы научили общество правильно реагировать на подобные тексты. Кроме того, нужно помнить, что дискурс в современном мире постоянно меняется, и в данный момент, как нам представляется, возможно лишь анализировать актуальные тенденции и прогнозировать возможные пути развития жанра.

Список литературы

1. *Асмолов А. Г., Семенов А. Л., Уваров А. Ю.* Российская школа и новые информационные технологии: взгляд в будущее десятилетие. – М.: НексПринт, 2010. – 84 с.
2. *Войнилов Ю. Л., Мальцева Д. В., Шубина Л. В.* Медиаграмотность в России: картография проблемных зон // Коммуникации. Медиа. Дизайн. – 2016. – Т. 1, №2. – С. 95–114.
3. *Гришаева Л. И.* «Сказка – ложь, да в ней намек...», или О принципах конструирования политической медиареальности // Политическая лингвистика. – 2017. – № 4. – С. 18–27.
4. *Ильченко С. Н.* Фейковая журналистика. Спецкурс: учебник. – М.: Кнорус, 2022. – 266 с.
5. *Казиев В. М.* Эволюция категории «медиаграмотность» в условиях цифровых трансформаций в обществе и образовании // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: сборник трудов международной научно-практической конференции. – Белгород, 2020. – С. 264–270.
6. *Караяни А. Г., Караяни Ю. М., Цыганков С. В.* Мессенджер как орудие гибридной войны // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2020. – № 4. – С. 172–174.
7. *Мазикова Н. Ю., Пашкова Д. И.* Языковые особенности фейковых сообщений, часто пересылаемых в мессенджерах // Медиалингвистика: материалы VI международной научной конференции. – СПб.: ООО «Медиапапир», 2022. – С. 165–169.
8. *Пром Н. А.* Фактоид vs фейк: идентификация и модели анализа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 142–152.
9. *Сандерс Д.* Доверяй, но проверяй: медиаграмотность в борьбе с фейк-ньюз // Социодиггер. – 2021. – Т. 2, № 6 (11). – С. 28–29.

10. Солдатова Г. У., Нестик Т. А., Рассказова Е. И., Зотова Е. Ю. Цифровая компетентность российских подростков и родителей: результаты всероссийского исследования. – М.: Фонд Развития Интернет, 2013. – С. 52.
11. Стернин И. А., Шестернина А. М. Маркеры фейка в медиатекстах. Рабочие материалы. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2020. – 34 с.
12. Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 31-ФЗ «О внесении изменений в статью 153 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» // Российская газета. – 2019. – Режим доступа: <https://rg.ru/2019/03/20/tehnologii-dok.html>. – (Дата обращения: 12.09.2022).
13. Eating alkaline foods will not kill the coronavirus // Ap News. – April 3, 2020. – Режим доступа: <https://apnews.com/article/archive-fact-checking-8703572316>. – (Дата обращения: 12.09.2022).
14. Mitchell A. Many Americans Say Made-Up News Is a Critical Problem That Needs To Be Fixed // Pew Research Center. – June 5, 2019. – Режим доступа: <https://www.pewresearch.org/journalism/2019/06/05/many-americans-say-made-up-news-is-a-critical-problem-that-needs-to-be-fixed/>. – (Дата обращения: 12.09.2022).

References

1. Asmolov A. G., Semenov A. L., Uvarov A. Yu. *Rossiyskaya shkola i novyye informatsionnyye tekhnologii: vzglyad v budushcheye desyatiletie* [Russian school and new information technologies: a look into the next decade]. Moscow, NexPrint Publ., 2010. 84 p.
2. Voinilov Yu. L., Maltseva D. V., Shubina L. V. *Mediagramotnost' v Rossii: kartografiya problemnykh zon* [Media Literacy in Russia: Cartography of Problem Areas]. *Kommunikatsii. Media. Dizayn*, 2016, Vol. 1, no. 2, pp. 95–114.
3. Grishaeva L. I. «Skazka – lozh, da v ney namek...», ili O printsipakh konstruirovaniya politicheskoy mediareal'nosti [«Tale of Sense, if Not of Truth...» or on the Principles of Political Media Reality Construction]. *Politicheskaja lingvistika*, 2017, no. 4, pp. 18–27.
4. Ilchenko S. N. *Feykovaya zhurnalistika. Spetskurs: uchebnik* [Fake journalism. Special course: textbook. Allowance]. Moscow, Knorus Publ., 2022. 266 p.
5. Kaziev V. M. *Evolutsiya kategorii «mediagramotnost'» v usloviyakh tsifrovyykh transformatsiy v obshchestve i obrazovanii* [Evolution of the category «media literacy» in the context of digital transformations in society and education]. *Diskurs sovremennykh mass-media v perspektive teorii, sotsial'noy praktiki i obrazovaniya: sbornik trudov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Belgorod, 2020, pp. 264–270.
6. Karayani A. G., Karayani Yu. M., Tsygankov S. V. *Messendzher kak orudiye gibridnoy voyny* [Messenger as an instrument of hybrid warfare]. *Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoy deyatel'nosti*, 2020, no. 4, pp. 172–174.
7. Mazikova N. Yu., Pashkova D. I. *Yazykovyye osobennosti feykovykh soobshcheniy, chasto peresyelayemykh v messendzherakh* [Linguistic features of fake messages often sent in instant messengers]. *Medialingvistika: materialy VI mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Saint-Petersburg: «Mediapapir» Publ., 2022, pp. 165–169.
8. Prom N. A. *Faktoid vs feyk: identifikatsiya i modeli analiza* [Factoid vs fake: identification and analysis models]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, Series 2, Linguistics*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 142–152.
9. Sanders D. *Doveray, no proveryay: mediagramotnost' v bor'be s feyk-n'yuz* [Trust, but verify: media literacy in the fight against fake news]. *Sotsiodigger*, 2021, vol. 2, no. 6 (11), pp. 28–29.
10. Soldatova G. U., Nestic T. A., Rasskazova E. I., Zotova E. Yu. *Tsifrovaya kompetentnost' rossiyskikh podrostkov i roditeley: rezul'taty vserossiyskogo issledovaniya* [Digital competence

- of Russian adolescents and parents: results of an all-Russian study]. Moscow, Fond Razvitiya Internet Publ., 2013, p. 52.
11. Sternin I. A., Shesternina A. M. *Markery feyka v mediatekstakh. Rabochiye materialy* [Fake markers in media texts. Working materials]. Voronezh: RITM Publ., 2020, 34 p.
 12. *Federalnyy zakon ot 18 marta 2019 g. № 31-F3 «O vnesenii izmeneniy v statyu 153 Federalnogo zakona "Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii"»* [Federal Law No. 31-F3 Dated March 18, 2019 "On Amendments to Article 153 of the Federal Law" on Information, Information Technologies and Information Protection]. *Rossiyskaya Gazeta*, 2019. Available from: <https://rg.ru/2019/03/20/tehnologii-dok.html> (accessed 12 September 2022).
 13. *Eating alkaline foods will not kill the coronavirus*. Ap News, April 3, 2020. Available from: <https://apnews.com/article/archive-fact-checking-8703572316> (accessed 12 September 2022).
 14. Mitchell A. *Many Americans Say Made-Up News Is a Critical Problem That Needs To Be Fixed* // Pew Research Center, June 5, 2019. Available from: <https://www.pewresearch.org/journalism/2019/06/05/many-americans-say-made-up-news-is-a-critical-problem-that-needs-to-be-fixed/> (accessed 12 September 2022).

A LANGUAGE PROFILE OF FAKE MESSAGES FREQUENTLY SENT IN MESSENGERS

N. Yu. Mazikova

The linguistic features of fake messages in popular instant messengers (Viber, WhatsApp, Telegram) marked «frequently forwarded» are considered. The analysis is based on the terminological apparatus of pragmalinguistics. A linguistic characteristic of a fake is given, its text markers are identified to recognize a false message in a large flow of information. The study describes the characteristic features of fake messages in a digital communication channel (messenger): without authorship, they are disguised by the means of language, namely the tools of rhetoric, either under a spiritual sermon, or under aggressive agitation in order to have a powerful emotional impact on the mass reader. As a result of the addressers' manipulations, readers experience negative emotions: increased anxiety, fear, a sense of hopelessness, confusion, panic. Dialogue means of influencing the recipient, an abundance of direct calls to action lead to the fact that the addressees actually perform these actions and massively send fake messages to their loved ones and friends in instant messengers, as the most accessible and fastest communication channels, which is confirmed by the presence of such texts marked by us labels in the upper right corner «Frequently forwarded». The indicated problem is not only linguistic, but also social, acute for modern society.

Keywords: fake, instant messengers, mass media language, communication, digital society, media literacy, pragmatism

УДК 81'42

ДИНАМИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ШАБЛОНОВ И ЖАНРОВЫХ СТАНДАРТОВ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ МЕДИАТЕКСТЕ

Пастухов А. Г.

ФГБОУ ВО «Орловский государственный институт культуры»

Орёл, Российская Федерация

E-mail: alexander.pastukhov@yandex.ru

С момента становления лингвистики текста как самостоятельного направления в языкознании значительно расширяется спектр текстовой (жанровой) проблематики. В массиве медиатекстов отмечаются комплексные изменения, причем не исключительно диахронического плана, а касающиеся динамических процессов немецкой медийной речи. В статье представлены наработки автора, отражающие теоретические аспекты лингвистики текста, а также методологические подходы к анализу медийного текста. Эмпирические результаты, полученные с опорой на положения современного немецкого медийного жанроведения позволили сделать важные выводы относительно динамики жанров и типов текста в медийной среде. На примере медиажанра «колонка» поставлен вопрос об идентификации шаблонных характеристик медиатекста и его жанровых стандартов в контексте изменения текстовых типологий, как гипотетических, так и реальных.

Ключевые слова: текст, медиатекст, медиажанр, лингвистика текста, динамизация, текстовый шаблон, конвергенция медиа.

ВВЕДЕНИЕ

Жанры текстов являются исторически сложившимися единицами коммуникативной практики любого коммуникативного сообщества. Соответственно, типичный набор форм определяется факторами, обеспечивающими изменяющиеся коммуникативные потребности общества, технологические инновации, меняющиеся медийные контексты и т.д. Параллельно с этим, ожидаемо изменяются и текстовые шаблоны (паттерны) [20; 25].

Данная статья продолжает цикл исследований [4; 5; 8], посвященных изучению факторов, обеспечивающих переход от устоявшихся жанровых форм к новым. В центре внимания оказываются обновлённые характеристики текста, происхождение и потенции динамических изменений жанров, происходящих на фоне стремительных медийных, коммуникативных, институциональных процессов, что ведёт к последовательному изменению нормы и стандартов. Можно предположить, что суть этих изменений заключается не только в природе типологического, но и в их смешанном и комбинированном характере, а также сетевом взаимодействии, незавершенности, открытости и т.п. [23; 13; 22].

Вклад ученых в развитие теории медиатекста и его динамического изменения с акцентом на возникновении новых медиажанров и их форматов связано с определением конститутивных признаков; здесь особенно важен учет «исторических разновидностей и придание описанию исторической динамики, в т.ч. за счёт средств конструирования образа автора и адресата» [10, с. 73]. Анализ динамики образа автора и адресата в подобном дискурсивном моделировании в существенной мере детерминирует две теории – речевых жанров и социального конструктивизма,

позволяющих комплексно рассматривать жанр как средство конструирования социального взаимодействия.

С другой стороны, процессы дигитализации, сетевого взаимодействия, виртуализации и конвергенции медиа также оказывают влияние на актуальные изменения не только медийной среды, но и медийного общества в целом [30; 15; 35]. В этом видится причина возникновения новых или обновленных текстотипов для традиционной и дигитальной медиакommunikации, оформление её в виде личностно-ориентированных доминант, «формирование которых отвечает общим институциональным интересам» [3, с. 40].

С точки зрения медийного жанроведения у исследователя возникает вопрос, какие микро- и макроструктурные изменения происходят на уровне текстовых типологий. Использование в этом случае новых технологических ресурсов и для сетевых медиаплатформ требует от пользователей гибкости в работе с традиционными и новыми жанрами текстов. Заметим, что при этом меняется само представление о жанре как о «разновидности» и как «паттерне» с учетом дискурсивных стратегий и сетевого взаимодействия [6; 34].

Таким образом, в качестве наиболее ярких динамических отличий современного немецкоязычного медиатекста следует назвать «измененное соотношение эксплицитного и имплицитного, повышение доли разнородных и разноуровневых эмотивных и экспрессивных языковых средств, изменение соотношения устной и письменной традиций в разных форматах общения носителей языка и культуры, медиатизацию и др.» [1, с. 11–12]. Именно поэтому изучение динамических процессов в медиа развития осложняется тем, что эти изменения происходят не в границах медиажанров, а в контексте конвергентного медиаразвития. Больше того, все дискурсивное пространство медиа представляет собой всеобъемлющий «инструмент, позволяющий увидеть разные силовые линии медиасферы, структурировать медиaprостранство, сделать выводы о его наиболее важных «пульсирующих» точках, центре и периферии, объяснить их свойства политическими, культурными и иными фактами социальной действительности» [12, с. 159].

Есть основания считать, что «традиционный» подход к анализу жанров в отдельных случаях должен быть дополнен перспективой, учитывающей разнообразные промежуточные и перекрестные связи. Изменяющаяся практика коммуникации показывает, что движение общественного, бытового, личного уклада жизни способствует дифференциации вариантов взаимодействия и содействует структурным изменениям [24]. В то же время стремительное развитие и расширение сетевого взаимодействия открывает новые возможности для использования альтернативных публичных пространств и создания новых форм партиципации. Всё это в полной мере относится к пониманию природы изменения жанров, шаблонов и стандартов, иными словами, новые коммуникативные формы открывают новые возможности для обновленных решений. При этом «старые» шаблоны не теряют своего значения и также используются для решения новых проблем.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Продвижение «новых медиа» приводит к существенному увеличению и смешению текстовых форм медийной репрезентации. Новые формы объективно способствуют целям речевых инноваций и в традиционных областях медиакommunikation. Их анализ важен не только потому, что мы хотим знать, как «действуют» новые жанры, но и для того, чтобы понять, какие изменения (результаты) следует ожидать в уже сложившихся, ведь главным источником жанровых изменений, всё так же остаётся динамика предметных (референциальных) областей, а не лишь тексто-лингвистическое теоретизирование.

Наиболее «болевыми» точками по этой проблеме можно сформулировать следующим образом:

- какие теории лежат в основе эволюции и изменения текста и какие последствия они могут иметь для практического анализа медиатекстов?
- при каких дискурсивных условиях возникают «разновидности» медиажанров и «шаблонов» (сравн.: медиадиспозитив [4])?
- как следует учитывать взаимосвязи между традиционными и инновационными моделями общественного коммуникативного поведения (условия, механизмы, последствия и т.п.)?
- как изменяются речевые стратегии и в какой мере они влияют на текстовые (жанровые) функции?
- какую роль играют динамические процессы в отношении конкретного жанра и какие методики можно использовать для их фиксации?
- как возможности мультимодального и гипертекстового оформления медиатекста влияют на изменение стандарта жанра?
- в какой мере процессы изменений индицируются на формальном, содержательном и функциональном уровне и какое влияние они оказывают друг на друга?

Данный круг теоретических проблем, а также учёт технологических инноваций свидетельствует о том, что творческий и ответственный пользователь языка всё больше включается в максимально адекватное постижение коммуникативных «открытий» социальных пространств, не в последнюю очередь, через привлечение новых коммуникативных структур и типов текста. А. Балог писал, что жанры текстов (*Textsorten*) являются «продуктами прошлой деятельности других людей. Но они являются также инструментами текущей деятельности языкового сообщества и в этой функции они наиболее подвержены изменениям» [14, с. 232]. Сформированные ситуацией и оформленные в виде шаблона, они несут в себе черты: смешения (*Vermischtheit*), сетевого взаимодействия (*Vernetztheit*), фрагментации (*Fragmentierung*), незавершённости (*Nichtabgeschlossenheit*), открытости (*Offenheit*), авторского разнообразия (*Autorenvielfalt*), дифференциации (*Zersplitterung*) и т. п. Каждый из этих факторов знаменует что-то конкретное в изменении текстотипов и текстовых шаблонов, пытается внести свой особенный оттенок в характеристику процесса текстового (речевого) употребления.

ДИСКУССИЯ

Действительно, при внимательном наблюдении за изменениями жанров текста и текстовых шаблонов мы отмечаем многочисленные изменения, модификации и переходы. Эволюция текста в сегодняшней коммуникативно-ориентированной и медийно-опосредованной среде (в отличие от грамматических изменений, которые происходят чрезвычайно медленно и поэтому менее заметны) означает изменение жанров и представляет собой довольно динамичный процесс, реализующийся, без преувеличения, на наших глазах.

Приведенный выше тезис А. Балоба как бы предвосхищает изменение текстотипа, который выступает абстрактным результатом деятельности языковых сообществ и изменений внутри них. Происходит не просто изменение в жанре или его (пере)именование в условиях переизбытка медийных предложений, а попытка привязки жанра к коммуникативной ситуации, что однозначно свидетельствует в пользу переноса центра тяжести в поле обновленной теории текста и её интеграцию в сферу компетенции новых субъектов медийного пространства (медиаакторов).

Множественные образцы медиажанров, вследствие своей вариативности, в условиях изменения коммуникативных практик и тактик непреложно подтверждают тот факт, что язык, как гетерогенная система, приходит к нам из предыдущих поколений, и, соответственно, его гомогенность может быть доказана, например, за счёт:

- реконструкции исторических и трансляции современных языковых уровней;
- устойчивости исторически сложившихся «языковых фрагментов»;
- идентификации кодифицируемых языковых норм;
- фиксации предметной (исследовательской) компетенции, в т.ч. как

результата аксиоматической гомогенности.

Гомогенность медиаречи оказывается под вопросом; она, хотя и возникает, но лишь отчасти и во многом произвольно продуцирует дифференцированность и отражает различия в языке. Она (речь) скорее выступает набором вариантов, возникающих при соотношении кодифицирующей нормы с «языковой вариативностью», что, в принципе, соответствует ожиданиям на них в соответствующем сообществе (группе, комьюнити и т.п.).

МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ.

К ОБОСНОВАНИЮ ПОНЯТИЯ «РЕЧЕВАЯ ДИНАМИКА»

Важным в этой ситуации, таким образом, оказывается сумма факторов, гипотетически ограниченная понятием «**речевая динамика**». Дело в том, что в нём теоретическая интеграция речевых форматов медиатекстов и их изменения являются как раз одним из проявлений «речевой динамики». Ведущее свой отсчёт от классического определения *динамики*, как процесса движения или изменения, в трудах, например, Ж.-Л. Лагранжа динамика объясняется как наука об ускоряющих или замедляющих силах, а также о разнообразных движениях, которые они должны производить (перевод мой. – А. П.).

Теоретическая привлекательность данного определения позволяет отчасти перенести его суть на речевую динамику: оно отчасти ломает видимое принуждение

и из методических предубеждений позволяет вывести понятийно и теоретически сокращённую конструкцию описания предмета или явления [29, с. 20]. Таким образом, *речевая динамика* – это изменительный процесс комплекса вопросов активного употребления речи и возникающих в этой связи модифицирующих рефлексий. Хорошо известно также, что сложные в методологическом плане объекты нельзя исследовать одномоментно или освоить без ущерба, т.е. без потери их сложности. По методологическим соображениям будет неоправданно оперировать какой-либо сокращённой или неадекватной теорией. (Учёным хорошо известно о недостатках редуцированных языковых теорий в отношении их объяснительной адекватности) [18, с. 1].

Если спроецировать данный подход на текущие изменения жанров, то сразу же наш интерес переместится в плоскость процессов, отражающих коммуникативную деятельность языкового сообщества. Но не только в ретроспективе или диахронии можно различить, в каком направлении и в каких областях происходят изменения. Если для синхронного рассмотрения возможна некая доля приближения, то для оценки разнообразного и репрезентативного изменения в медиатексте необходимо привлечение соответствующего речевого корпуса. Изменения в структуре текста происходят не так быстро и очевидно, но если мы хотим идентифицировать возникновение нового, или мутацию, мимикрию старого (традиционного) текста, то исследовательской предпосылкой и одновременно интенцией, на наш взгляд, должна стать обновленная система в отношении текстовых шаблонов и их признания как основного фактора, влияющего на строительный каркас жанра. В устройство конструкта '*жанр*' входят, как известно, пропозициональные, функциональные и формальные соответствия. В поиске изменений, помимо эволюционного развития текстов и появления новых жанров, есть те, которые уже «мертвы», или, вследствие тех или иных причин, умирают. Как же зафиксировать и оценить эти процессы во всей их должной системности? Как проверить, оправдано ли понятие жанра, привносимое «новыми медиа», или оно не является отражением модификаций уже существующих текстов. Ответы на эти вопросы пока ещё не получены в полной мере, т.к. в современных условиях новизна и изменения в жанре (текстотипе) ограничены и динамика является следствием только лишь его носителя [17, с. 19–20].

В этой связи необходимо также проверить, не происходит ли совпадение новых жанров с их изменениями внутри. Возможно в этом есть также некоторая степень «приспособления» к разного рода новым обстоятельствам, отчего несложно потерять исходный статус того или иного «жанра». При изучении изменений в тексте необходимо учитывать, что их речевая динамика может быть вызвана различными обстоятельствами, в т.ч. особенностями коммуникации, подачей материала, медиакультурой, распространением образовательных, идеологических, производственных интенций. Эти факторы и их взаимосвязи определяют вопрос, на который ещё предстоит ответить: каким образом следует систематизировать наши представления в этом вопросе и насколько динамические проявления в отношении жанра будут носить содержательный, функциональный, формальный, но при этом устоявшийся характер.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. АНАЛИЗ ЖАНРА (КОЛОНКА)

Имеет ли речевая динамика свои проекции в медийной практике и как она соотносится с правилами редакционной политики? Такое положение требует своих пояснений еще и потому, что взгляд на теорию и ее проекции в медиалингвистике показывают, что определения ряда жанров, особенно аналитической журналистики, не соответствуют в полной мере коммуникативной реальности. С учётом разных и весьма противоречивых жанровых реализаций, возникают некоторые сомнения в справедливости данного методологического подхода. Больше того, при определении его самостоятельности следует иметь в виду, что при всем многообразии и дифференциации, а также с позиций уже сложившегося научного направления – медийного жанроведения – необходимо произвести разностороннюю инспекцию эмпирического материала, главным образом, чтобы проиллюстрировать, как на основе текстовых шаблонов конструируются и реконструируются типизированные медийные тексты. Именно по этой причине, как пишут М. Лугинбюль и Д. Перрен, при анализе текстовых шаблонов не следует исходить только лишь из предлагаемого образца текста или его творческой вариации [27].

Покажем, как различные динамические аспекты речи реализуются в жанре «*колонки*» (Kolumne). Её трактовка в немецком медийном жанроведении демонстрирует дифференцированное отношение к ней не только со стороны редакций, но и со стороны исследователей системы жанров печатной журналистики. В одной из дефиниций утверждается, что колонка представляет собой «независимый, самостоятельный жанр» [21, с. 208]. До сих пор «колонка» считалась жанром, выражающим мнение, хотя подчеркнута дифференцированные и эмпирически рефлектируемые описания в ней отсутствуют.

Искомая вариативность жанра и лежащих в их основе текстовых шаблонов постоянно находится в центре теоретического осмысления и практического анализа исследователей. По факту, колонки представляют собой варианты репрезентации речевого фрагмента и отражают весьма широкое тематическое разнообразие. Они стали характерным жанровым явлением в медиасреде; почти любая ежедневная газета или журнал в стандартизованном и повторяющемся исполнении публикует печатные или онлайн-колонки. Отметим, что большое число родственных жанров (и не только в смысле аналитики или выражения мнения), по форме, а также в духе редакционной политики являются колонками в широком смысле слова, но не имеют ярко выраженной атрибутики рубрики и своего названия.

В многочисленных публикациях по журналистике и медиалингвистике сформировались **три** позиции, которые, на наш взгляд, неплохо фиксируют статус колонки как жанра и постулируют её свойства, как:

1. «Регулярного, повторяющегося комментария [известного] редактора, приглашенного журналиста или нескольких членов редакционного коллектива» [33, с. 72].
2. Редакционной статьи, закрепляющей за собой отдельный жанр, граничащий с комментарием [26, с. 147].
3. Выражения «мнения какого-либо конкретного, но чаще известного автора» [28, с. 272].

В «Глоссарии журналистских профессиональных выражений» [*Glossar journalistischer Fachausdrücke*] [31, с. 315], определяется значение мнениеформирующих (meinungsbetont) жанров. В отношении колонки допускают варианты: «гостевой комментарий» (Gastkommentar), «справочная информация» (Hintergrund-Information) и др. [31, с. 321].

В системе современных печатных медиа тексты колонок могут обнаруживать такие качества, как *новостийность*, *репортажность*, *аналитичность*. Конкретный текст обладает рядом таких родственных качеств, что позволяет узнавать в нем сразу несколько родственных жанров. И, расширяя пространство такого «узнавания», важно также сказать о существовании *немедийных* жанровых качеств [11, с. 274], демонстрирующих аналитизм, критический взгляд на проблему. Сравн.: жанр «*критика*», в котором журналисты не только энергично критикуют действительность, но и дают такую возможность другим. Если раньше «критическим» считалось сообщение, которое журналист публиковал после того, как он убеждался, что оно соответствует действительности, то ныне автор позволяет себе сообщать о неблагоприятном положении вещей или событий, просто так выставляя кого-либо в неблагоприятном свете [7, с. 250].

То же самое касается и форматных характеристик «колонок». В них безусловно присутствуют: (а) акцент на мнении (модальность сообщения); (б) серийность (способ представления); (в) популяризация факта, события (авторская интенция). Кроме того, отметим индивидуально-авторский характер жанра [28, с. 272], его тематическую открытость и стилистическая вариативность, допускающую в ряде случаев элементы сатиры [31, с. 145], а также возможность расхождений взглядов автора и редакции.

С критической точки зрения все перечисленные позиции в отнесении «колонок» к самостоятельному жанру и рассмотрение его как особой модальности («подчеркивание мнения», обозначение «позиции» и т.п.) сближает данный медиажанр с комментарием. При этом полностью они не совпадают. Особенности. Их различия заключаются в понимании того факта, что:

а) колонки образуют серии текстов, характеризующиеся жанровым разнообразием, а

б) модальности журналистского общения скорее делают акцент на фактах, мнениях и опыте, что имеет решающее значение. Не случайно, что акцент на мнении является доминирующей модальностью в этом медиажанре.

С точки зрения текстовой типологии *Kolumne* не образует жанр (*Textsorte*) в чистом виде, а скорее является классом текстов (*Textsortenklassen*). На чем базируется данное предположение? Если провести аналогию с такими классами текста, как: ‚*Brief*‘, ‚*Anzeige*‘ или ‚*Plakat*‘. (Об уровнях абстракции в текстовых классификациях см. [20, с. 514], то станет очевидно, что ‘колонки’ идентифицируют себя в немецких газетах преимущественно как конвенциональный журналистский жанр (*journalistische Textsorte*), или как амальгама жанров, которая может включать в себя: портрет (*Porträt*), интервью (*Interview*), стори (*Story*), комментарий (*Kommentar*), репортаж (*Reportage*), совет (*Ratgeber*), глоссу (*Glosse*) и т.д.

В принципе, медиатексты любого типа могут быть идентифицированы как «колонка». Необходимо лишь посмотреть, насколько он является типичным и самостоятельным и какие имеет особенности в плане аналитизма, выражения мнения и/или злободневной публицистики. Известно, что большинство текстов, квалифицируемых как «колонка», следуют установленному шаблону журналистских типов текста: Но «Kolumne», по мнению М. Хофмана, имеет родственный характер с типом текста «Betrachtung». И это не случайно, т.к. квалифицируется она двояко: (1) как типологический класс текстов, и (2) как независимый медийный жанр. Последний предстает в новом свете в связи с редакционной политикой издательств, актуальным переосмыслением текстотипа и самого термина «Betrachtung», в сути которого заложены черты текстов, которые появляются как экзemplярные свойства чего-то продолжающегося, сериального. На серийный характер иногда указывает и тот факт, что отдельным рассматриваемым текстам присваивается название серии, в которое может быть включено имя обозревателя [21, с. 210–211].

С точки зрения модификаций медиаречи, не зарегистрировано никаких существенных различий между печатными колонками и онлайн-колонками. Основные принципы Интернет-коммуникации, или даже проектирования журналистского материала в Интернете» в духе гипертекстуальности и гипермедиальности здесь не применимы. Единственное отличие заключается в типографике и форматировании абзацев, а также в использовании вариантов двусторонней связи. Онлайн-столбцы позволяют размещать читательские комментарии к соответствующему тексту в интерактивном режиме. Примечательно, что в печатных колонках «Die TAZ» существует практика, предполагающая т.н. перспективный обзор на пять дней, с указаниями имён обозревателей и названиями серий, состоящими из тематически релевантного ключевого слова, а не конкретной колонки. Сравн. названий колонок в газете «Die TAZ»: „Gerüchte“, „Älter werden“, „Habseligkeiten“, „Wortklauberei“, „Fernsehen“ и др.

Колонки несут в себе определённую тематическую связанность (напр., «виноделие», «впечатления от домашних животных» и т.п.) или маркировку текстовых функций (напр., «Satire», «Klatsch»), подтверждающих их главную коммуникативную ценность – простоту и доступность. Авторы публикаций «стремятся обойтись без сложных конструкций, прибегают к простым предложениям и нередко украшают свою речь эпитетами» [2, с. 75].

Как мы уже отметили, жанровая детерминированность в «колонке» менее очевидна. Причиной этому является гибридизация медиажанров и их функциональное разнообразие. Связующим звеном содержательного наполнения колонки может служить информация о:

- культуре (*Kulturkolumne*): превью литературных чтений в Берлине;
- правах человека (*Menschenrechtskolumne*): предоставление фактов о положении правозащитников, преследуемых в своих странах;
- новогодней речи политика (*Neujahrsansprache*) с элементами вымысла или политической сатиры [21, с. 212].
- фотоколонке (*Fotokolumne*): представление инсайдерского фотосюжета о какой-либо знаменитости;

- «винной колонке» (*Weinkolumne*): подача исторических фактов о вине или виноделии, в т.ч. связанной с обзором книги-новинки (*Buchkritik*);
- светской хронике (*Klatschkolumne*);
- домашних животных: повествование о питомце в форме смешной истории (*Anekdote*) и т.п.

Актуальная реконструкция шаблона текста колонки, а также того, какие тематические задачи она решает, какие содержит в себе варианты на этапе репрезентации темы, показаны в табл. 1. В ней представлено перечисление наиболее распространенных тем, отсортированных по проблемным областям и ранжированных по частоте их проявления. Типы формулирования задачи представлены от простого к сложному; при этом приоритет отдается наиболее распространенным проблемным сферам.

Табл. 1. Проблематика колонок

№ п/п	Проблематика	Примеры
1.	Partnerschafts- / Partnersuchprobleme	„die Schwierigkeit, dem Partner etwas Neues zuzutrauen“
2.	Freizeitprobleme	„die negativen Erfahrungen mit Umkleidekabinen“
3.	Kommunikationsprobleme	„das Lamentieren über Erschwernisse im Winter“
4.	Lebensaltersprobleme	drohende Altersarmut
5.	Regionalprobleme	Ärger über phantasielosen Weihnachtsschmuck in Berlin
6.	Skandale als moralische Probleme	Steuerhinterziehung im Großen und Kleinen
7.	Ernährungsprobleme	das ärmliche Sortiment in Biokisten
8.	Wohnprobleme	die Ausweglosigkeit, dem Lärm im Wohnumfeld zu entkommen“
9.	Verkehrsprobleme	Stillstand statt Fahrspaß auf deutschen Straßen“

[по: Hoffmann 2014: 221]

Будучи «привязанная» к стилевым образцам (*Stilmuster*), индивидуальность текста обнаруживается во взаимопереплетении структур, которые необходимо идентифицировать. Уточним, что мы понимаем под понятием «стилевой образец». Будучи разнообразными по своей природе, стилевые образцы находятся на разных уровнях языковой системы. В текстовой (речевой) перспективе можно ожидать их взаимодействия, реализуемого в границах конкретного текста. Это в полной мере относится и к колонкам. Внутритекстовая перспектива показывает, что

идентификация стиливых образцов (при всей их относительности) влияет на возникающие при этом способы выражения. То, что стиливой образец является относительным понятием, может служить также некоторым объяснением, или даже расширением существующих взглядов на эту проблему [6, с. 83].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теоретические вопросы и методологические проблемы, которые обычно встречаются в контексте диахронической текстовой (жанровой) лингвистики, очень разнообразны [16]. Целью любой динамической антологии является обсуждение этих фундаментальных вопросов, документация или дискуссия на основе репрезентативного речевого материала, что имеет принципиальное значение в определении изменительных потенциалов в изучении текста в самых разных его ипостасях и разновидностях.

В качестве прототипического свойства отметим предположение, что тексты колонок – это публицистические и одновременно информационно-развлекательные тексты. В них чётко прослеживаются связи с другими медиажанрами, «похожие места», касающиеся тематического развёртывания, а также при определении проблематики, анализе, поиске решений и т.п. Их композиция и лексическое наполнение – это своеобразный макро-стилистический феномен, набор специальных авторских действий. Методологически они вытекают из четырехмерной модели стиля, соответствующей типам авторских решений и определяющей характер репрезентативных, выразительных, аттрактивных и кодирующих функциональных действий.

Список литературы

1. *Гришаева Л.И.* Актуальные тенденции организации текста и плотность внутритекстовых, межтекстовых и интертекстуальных связей // *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: сб. науч. тр. / отв. ред. А. Г. Пастухов. Вып. 18. – Орёл: ООО "Горизонт", 2021. – С. 11–34. – EDN JTRALE.*
2. *Иванова С.В., Исхакова О.С.* Динамика жанра "статья" в "глянцево" журнале (на материале анализа глянцевого журнала Harper's Bazaar) // *Вестник Челябинского государственного университета. – 2016. – № 9 (391). – С. 71–77. – EDN XDDKQJ.*
3. *Кочеткова М. О., Тубалова И. В.* Динамика развития блога как жанра дискурса блогосферы: социолингвистический аспект // *Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2014. – № 1(27). – С. 39–52. – EDN RZCINF.*
4. *Пастухов А. Г.* "Отражение" дискурса: насколько оправдано введение в научный оборот понятия "медийный диспозитив"? // *Современный дискурс-анализ. – 2019. – № 3(24). – С. 4–23. – EDN QIUOQU*
5. *Пастухов А. Г.* Медиажанры и композиционно-речевые формы журналистики: связи и отношения // *Вестник Кемеровского государственного университета. – 2020. – Т. 22. – № 4. – С. 1107–1115. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-1107-1115> – UPKKPS*
6. *Пастухов А. Г.* Медиатекст: стилистическое разнообразие или диффузность свойств? // *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. – вып. 14 / отв. ред. А. Г. Пастухов. – Орёл: ОГИК, ООО «Горизонт», 2016. – С. 75–98. – YJNKSZ*
7. *Пастухов А.Г.* Ресурсы информационного доминирования: анализ 'формата' новостных сообщений // *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 7. – Орёл: ОГИИК, 2009. – С. 248–263. – YQRYPB*

8. *Пастухов А. Г.* Систематика и динамика жанра: от матрицы к формату // Антропологический поворот: теории и практики: сборник трудов междунар. науч. конф. в 2 ч. Ч.2 / (отв. ред.) А.В. Овсянников, А. Г. Пастухов, Т. В. Струкова. – Орёл: Орловский гос. ин-т культуры, 2021. – С. 56–75. – MADSQO
9. *Пастухов А.Г.* Форма – жанр – формат: к проблеме типологического изучения актуальных медийных предложений // Языки и культуры: функционально-коммуникативный и лингвопрагматический аспекты: Сб. статей междунар. науч.-практ. конференции, посв. памяти С. Г. Стерлигова, Нижний Новгород, 26–27 апр. 2019 г. / Отв. ред. Н. А. Воскресенская. – Н. Новгород: Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 2019. – С. 122–129. – JWNXZO
10. *Плавина А. А.* Жанровые характеристики травелога в англоязычном дискурсе: динамический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12. – № 3. – С. 72–78. – DOI 10.30853/filnauki.2019.3.15. – EDN YUOHED.
11. *Шмелева Т. В.* "Уплотнение жанров" как тенденция медиасферы // Жанры речи. – 2018. – № 4(20). – С. 270–276. – DOI 10.18500/2311-0740-2018-4-20-270-276. – EDN YQGVVZ.
12. *Шмелева Т. В.* Дискурс и исследовательский инструментарий медиалингвистики // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 18(137). – С. 157–163. – EDN RMTZXD.
13. *Adamzik, Kirsten:* Textsortennetze. In: Habscheid, Stephan (Hrsg.): Textsorten, Handlungsmuster, Oberflächen. Linguistische Typologien der Kommunikation. Berlin: de Gruyter, 2011. S. 367–385.
14. *Balog, Andreas:* Neue Entwicklungen in der soziologischen Theorie. Auf dem Weg zu einem gemeinsamen Verständnis der Grundprobleme. Stuttgart: Lucius & Lucius, 2001. – 386 S. (UTB 2202).
15. *Bucher, Hans-Jürgen / Gloning, Thomas:* Medienformate: Ausdifferenzierung und Konvergenz. Zum Zusammenhang von Medienwandel und Formatwandel. In: Bucher, Hans-Jürgen / Gloning, Thomas / Lehnen, Katrin (Hrsg.): Neue Medien – neue Formate. Ausdifferenzierung und Konvergenz in der Medienkommunikation. Frankfurt a.M.: Campus, 2010. S. 9–38.
16. *Eckkrammer, Eva Martha:* Kontrastive Medientextologie und die historische Dimension. Eine theoretisch-methodische Auslotung. In: Luginbühl, Martin / Hauser, Stefan (Hrsg.): Medien-TextKultur. Linguistische Beiträge zur kontrastiven Medienanalyse. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2010. S. 43–66. (Beiträge zur Fremdsprachenvermittlung, Sonderheft 16)
17. *Fix, Ulla:* Aktuelle Tendenzen des Textsortenwandels – Thesen. In: Hauser, Stefan/Kleinberger, Ulla/Roth, Kersten Sven (Hrsg.): Musterwandel – Sortenwandel. Aktuelle Tendenzen der diachronen Text(sorten)linguistik. Bern Peter Lang Verlag 2014, S. 115–148.
18. *Haas, Walter:* Sprachwandel und Sprachgeographie: Untersuchung zur Struktur der Dialektverschiedenheit am Beispiel der schweizerdeutschen Vokalsysteme. Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik (Beihefte) 1978. Bd. 30. 345 S.
19. *Hauser, Stefan; Kleinberger, Ulla; Roth, Kersten Sven:* Textmuster und Textsorten im Wandel – Einführende Anmerkungen zu aktuellen Fragen der diachronen Textlinguistik. In: Hauser, Stefan; Kleinberger, Ulla; Roth, Kersten Sven. Musterwandel – Sortenwandel. Aktuelle Tendenzen der diachronen Text(sorten)linguistik. Bern: Peter Lang Verlag, 2014. S. 7–14.
20. *Heinemann, Wolfgang:* Textsorte – Textmuster – Texttyp. In: Brinker, Klaus / Antos, Gerd / Heinemann, Wolfgang / Sager, Sven F. (Hrsg.): Text- und Gesprächslinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. 1. Halbband. Berlin: de Gruyter, 2000. S. 507–523. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft 16/1)
21. *Hoffmann, Michael:* "Darüber müssen wir mal reden!" Kolumnen in medienlinguistischer Differenzierung. In: Hauser, Stefan/Kleinberger, Ulla/Roth, Kersten Sven (Hrsg.): Musterwandel

- Sortenwandel. Aktuelle Tendenzen der diachronen Text(sorten)linguistik. Bern: Peter Lang Verlag 2014. S. 207–244.
22. *Holly, Werner*: Medien, Kommunikationsformen, Textsortenfamilien. In: Habscheid, Stephan (Hrsg.): Textsorten, Handlungsmuster, Oberflächen. Linguistische Typologien der Kommunikation. Berlin: de Gruyter (de Gruyter Lexikon), 2011. S. 144–163. (Textmuster und Textsorten im Wandel 13)
 23. *Janich, Nina*: Intertextualität und Text(sorten)vernetzung. In: Janich, Nina (Hrsg.): Textlinguistik. 15 Einführungen. Tübingen: Narr, 2008. S. 177–196.
 24. *Krotz, Friedrich / Hepp, Andreas* (Hrsg.): Mediatisierte Welten. Beschreibungsansätze und Forschungsfelder. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2012.
 25. *Linke, Angelika*: Textsorten als Elemente kultureller Praktiken. Zur Funktion und zur Geschichte des Poesiealbumetrags als Kernelement einer kulturellen Praktik. In: Klotz, Peter / Portmann-Tselikas, Paul R. / Weidacher, Georg (Hrsg.): Kontexte und Texte. Soziokulturelle Konstellationen literalen Handelns. Tübingen: Narr, 2010. S. 127–146.
 26. *Lorenz, Dagmar*: Journalismus. Stuttgart, Weimar: Metzler, 2002. (Sammlung Metzler 337).
 27. *Luginbühl, Martin / Perrin, Daniel*: Einleitung: Muster und Variation. In: Luginbühl, Martin / Perrin, Daniel (Hrsg.): Muster und Variation. Medienlinguistische Perspektiven auf Textproduktion und Text. Bern: Lang, 2011. S. 7–17. (Sprache in Kommunikation und Medien 2)
 28. *Mast, Claudia* (Hrsg.): ABC des Journalismus. Ein Leitfaden für die Redaktionsarbeit. 8. Aufl. Konstanz: UVK, 1998 (Reihe Praktischer Journalismus 1).
 29. *Schmidt, Jürgen Erich & Joachim Herrgen*. Sprachdynamik. Eine Einführung in die moderne Regionalsprachenforschung. Berlin: Erich Schmidt, 2011. 464 S. (Grundlagen der Germanistik 49)
 30. *Schmitz, Ulrich*: Schriftbildschirme. Tertiäre Schriftlichkeit im World Wide Web. In: Androutopoulos, Jannis K. / Runkehl, Jens / Schlobinski, Peter et al. (Hrsg.): Neuere Entwicklungen in der linguistischen Internetforschung Hildesheim: Olms, 2006. S. 184–208.
 31. *Schneider, Wolf / Raue, Paul-Josef*: Handbuch des Journalismus. Reinbek: Rowohlt, 1999.
 32. *Stöckl, Hartmut*: Die Sprache im Bild – Das Bild in der Sprache. Zur Verknüpfung von Sprache und Bild im massenmedialen Text. Konzepte, Theorien, Analysemethoden. Berlin: de Gruyter, 2004.
 33. *Straßner, Erich*: Journalistische Texte. Tübingen: Niemeyer, 2000. (Grundlagen der Medienkommunikation 10).
 34. *Tannen, Deborah / Trester, Anna Marie* (Hrsg.): Discourse 2.0. Language and New Media. Washington: Georgetown University Press, 2011.
 35. *Thurlow, Crispin*: Digital Discourse. Language in the New Media. Oxford: Oxford University Press, 2011.

References

1. Grishaeva L.I. *Aktual'nye tendencii organizacii teksta i plotnost' vnutritektstovyyh, mezhtekstovyyh i intertekstual'nyh svyazey* [Current Trends in Text Organization and the Density of intratextual, intertextual and intertextual Connections] *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i medijnom diskurse* [Genres and Text types in scientific and media discourse]: sb. nauch. tr. / otv. red. A.G. Pastukhov. Vyp. 18. – Orjol: OOO "Gorizont", 2021. S. 11–34. – EDN JTRALE.
2. Ivanova S.V., Ishakova O.S. *Dinamika zhanra "stat'ja" v "gljancevom" zhurnale* (na materiale analiza gljancevogo zhurnala Harper's Bazaar) [Dynamics of the Genre "Article" in a "Glossy" Magazine (based on the Glossies in Harper's Bazaar)] *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. – 2016. – № 9 (391). S. 71–77. – EDN XDDKQJ.

3. Kochetkova M.O., Tubalova I.V. *Dinamika razvitiya bloga kak zhanra diskursa blogosfery: sociolingvisticheskiy aspekt* [Dynamics of Blog Development as a Genre of Blogosphere Discourse: a sociolinguistic aspect] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philology]. – 2014. – № 1(27). S. 39–52. – EDN RZCIHF.
4. Pastukhov A.G. "Otrazhenie" diskursa: naskol'ko opravdano vvedenie v nauchnyy oborot ponjatija "medijnyj dispozitiv"? ["Reflection" of Discourse: how justified is the Introduction of the Concept of "Media Dispositive" into scientific Circulation?] *Sovremennyy diskurs-analiz* [Contemporary Discourse Analysis]. – 2019. – № 3 (24). – S. 4–23. – EDN QIUOQU
5. Pastukhov A.G. *Mediazhanry i kompozicionno-rechevye formy zhurnalistiki: cvjazi i otmoshenija* [Media Genres and Compositional-speech Forms of Journalism: Connections and Relationships] *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kemerovo State University]. – 2020. – T. 22. – №4. – S. 1107–1115. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-1107-1115> – UPKKPS
6. Pastukhov A.G. *Mediatekst: stilisticheskoe raznoobrazie ili diffuznost' svojstv?* [Media text: Stylistic Diversity or Diffuse Properties?] *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i medijnom diskurse* [Genres and Text Types in Scientific and Media Discourse]: mezhvuz. sb. nauch. tr. – vyp. 14 / otv. red. A.G. Pastukhov. – Orjol: OGIK, OOO «Gorizont», 2016. S. 75–98. – YJNKSZ
7. Pastukhov A.G. *Resursy informacionnogo dominirovanija: analiz 'formata' novostnyh soobshhenij* [Resources of Information Dominance: Analyzing the 'Format' of News Reports] *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i medijnom diskurse* [Genres and Text Types in Scientific and Media Discourse]: mezhvuz. sb. nauch. tr. – Vyp. 7. – Orjol: OGIK, 2009. – S. 248-263. – YQRYPB
8. Pastukhov A.G. *Sistematika i dinamika zhanra: ot matricy k formatu* [Systematics and Dynamics of Genre: from Matrix to Format] *Antropologicheskij povorot: teorii i praktiki* [Anthropological Turn: Theories and Practices]: sbornik trudov mezhdunar. nauch. konf. v 2 ch. Ch.2 / (otv. red.) A.V. Ovsjannikov, A.G. Pastukhov, T.V. Strukova. – Orjol: Orlovskij gos. in-t kul'tury, 2021. S. 56–75. – MADSQO
9. Pastukhov A.G. *Forma – zhanr – format: k probleme tipologicheskogo izuchenija aktual'nyh medijnyh predlozhenij* [Form – Genre – Format: on the Problem of Typological Study of Current Media Proposals] *Jazyki i kul'tury: funkcional'no-kommunikativnyj i lingvopragmaticheskij aspekty* [Languages and Cultures: functional-communicative and linguo-pragmatic Aspects]: Sb. statej mezhdunar. nauch.-prakt. konferencii, posv. pamjati S.G. Sterligova, Nizhnij Novgorod, 26–27 apr. 2019 g. / Otv. red. N.A. Voskresenskaja. – N. Novgorod: Nizhegorodskij gos. un-t im. N.I. Lobachevskogo, 2019. – S. 122–129. – JWNXZO
10. Plavina A.A. *Zhanrovyje harakteristiki traveloga v anglojazychnom diskurse: dinamicheskij aspekt* [Genre Characteristics of Travelogue in English Discourse: Dynamic Aspect] *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Studies. Theory and Practice]. – 2019. – T. 12. – № 3. – S. 72–78. – DOI 10.30853/filnauki.2019.3.15. – EDN YYOHEH.
11. Shmeleva T.V. "Uplotnenie zhanrov" kak tendencija mediasfery ["Condensation of Genres" as a Trend in the Media Sphere] *Zhanry rechi* [Speech Genres]. – 2018. – № 4(20). – S. 270–276. – DOI 10.18500/2311-0740-2018-4-20-270-276. – EDN YQGVVZ.
12. Shmeleva T.V. *Diskurs i issledovatel'skij instrumentarij medialingvistiki* [Discourse and Research Tools in Media Linguistics] *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki* [Scientific Bulletin of the Belgorod State University. Series: Humanities]. – 2012. – № 18(137). – S. 157–163. – EDN RMTZXD.
13. Adamzik, Kirsten: *Textsortenetze*. In: Habscheid, Stephan (Hrsg.): *Textsorten, Handlungsmuster, Oberflächen. Linguistische Typologien der Kommunikation*. Berlin: de Gruyter, 2011. S. 367–385.

14. Balog, Andreas: *Neue Entwicklungen in der soziologischen Theorie. Auf dem Weg zu einem gemeinsamen Verständnis der Grundprobleme*. Stuttgart: Lucius & Lucius, 2001. 386 S. (UTB 2202).
15. Bucher, Hans-Jürgen / Gloning, Thomas): *Medienformate: Ausdifferenzierung und Konvergenz. Zum Zusammenhang von Medienwandel und Formatwandel*. In: Bucher, Hans-Jürgen / Gloning, Thomas / Lehnen, Katrin (Hrsg.): *Neue Medien – neue Formate. Ausdifferenzierung und Konvergenz in der Medienkommunikation*. Frankfurt a.M.: Campus, 2010. S. 9–38.
16. Eckkrammer, Eva Martha: *Kontrastive Medientextologie und die historische Dimension. Eine theoretisch-methodische Auslotung*. In: Luginbühl, Martin / Hauser, Stefan (Hrsg.): *Medien-TextKultur. Linguistische Beiträge zur kontrastiven Medienanalyse*. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2010. S. 43–66. (Beiträge zur Fremdsprachenvermittlung, Sonderheft 16)
17. Fix, Ulla: *Aktuelle Tendenzen des Textsortenwandels – Thesen*. In: Hauser, Stefan/Kleinberger, Ulla/Roth, Kersten Sven (Hrsg.): *Musterwandel – Sortenwandel. Aktuelle Tendenzen der diachronen Text(sorten)linguistik*. Bern Peter Lang Verlag 2014, S. 115–148.
18. Haas, Walter: *Sprachwandel und Sprachgeographie: Untersuchung zur Struktur der Dialektverschiedenheit am Beispiel der schweizerdeutschen Vokalsysteme*. *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik* (Beihefte) 1978. Bd. 30. 345 S.
19. Hauser, Stefan; Kleinberger, Ulla; Roth, Kersten Sven: *Textmuster und Textsorten im Wandel – Einführende Anmerkungen zu aktuellen Fragen der diachronen Textlinguistik*. In: Hauser, Stefan; Kleinberger, Ulla; Roth, Kersten Sven. *Musterwandel – Sortenwandel. Aktuelle Tendenzen der diachronen Text(sorten)linguistik*. Bern: Peter Lang Verlag, 2014. S. 7–14.
20. Heinemann, Wolfgang: *Textsorte – Textmuster – Texttyp*. In: Brinker, Klaus / Antos, Gerd / Heinemann, Wolfgang / Sager, Sven F. (Hrsg.): *Text- und Gesprächslinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung*. 1. Halbband. Berlin: de Gruyter, 2000, S. 507–523. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft 16/1)
21. Hoffmann, Michael: *"Darüber müssen wir mal reden!" Kolumnen in medienlinguistischer Differenzierung*. In: Hauser, Stefan/Kleinberger, Ulla/Roth, Kersten Sven (Hrsg.): *Musterwandel – Sortenwandel. Aktuelle Tendenzen der diachronen Text(sorten)linguistik*. Bern Peter Lang Verlag 2014, S. 207–244.
22. Holly, Werner: *Medien, Kommunikationsformen, Textsortenfamilien*. In: Habscheid, Stephan (Hrsg.): *Textsorten, Handlungsmuster, Oberflächen. Linguistische Typologien der Kommunikation*. Berlin: de Gruyter (de Gruyter Lexikon), 2011. S. 144–163. (Textmuster und Textsorten im Wandel 13)
23. Janich, Nina: *Intertextualität und Text(sorten)vernetzung*. In: Janich, Nina (Hrsg.): *Textlinguistik. 15 Einführungen*. Tübingen: Narr, 2008. S. 177–196.
24. Krotz, Friedrich / Hepp, Andreas (Hrsg.): *Mediatisierte Welten. Beschreibungsansätze und Forschungsfelder*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2012.
25. Linke, Angelika: *Textsorten als Elemente kultureller Praktiken. Zur Funktion und zur Geschichte des Poesiealbumeintrags als Kernelement einer kulturellen Praktik*. In: Klotz, Peter / Portmann-Tselikas, Paul R. / Weidacher, Georg (Hrsg.): *Kontexte und Texte. Soziokulturelle Konstellationen literalen Handelns*. Tübingen: Narr, 2010. S. 127–146.
26. Lorenz, Dagmar: *Journalismus*. Stuttgart, Weimar: Metzler, 2002. (Sammlung Metzler 337).
27. Luginbühl, Martin / Perrin, Daniel: *Einleitung: Muster und Variation*. In: Luginbühl, Martin / Perrin, Daniel (Hrsg.): *Muster und Variation. Medienlinguistische Perspektiven auf Textproduktion und Text*. Bern: Lang, 2011. S. 7–17. (Sprache in Kommunikation und Medien 2)
28. Mast, Claudia (Hrsg.): *ABC des Journalismus. Ein Leitfaden für die Redaktionsarbeit*. 8. Aufl. Konstanz: UVK, 1998. (Reihe Praktischer Journalismus 1).

29. Schmidt, Jürgen Erich & Joachim Herrgen. *Sprachdynamik. Eine Einführung in die moderne Regionalsprachenforschung*. Berlin: Erich Schmidt, 2011. 464 S. (Grundlagen der Germanistik 49)
30. Schmitz, Ulrich: *Schriftbildschirme. Tertiäre Schriftlichkeit im World Wide Web*. In: Androutsopoulos, Jannis K. / Runkehl, Jens / Schlobinski, Peter et al. (Hrsg.): *Neuere Entwicklungen in der linguistischen Internetforschung*. Hildesheim: Olms, 2006. S. 184–208.
31. Schneider, Wolf / Raue, Paul-Josef: *Handbuch des Journalismus*. Reinbek: Rowohlt, 1999.
32. Stöckl, Hartmut: *Die Sprache im Bild – Das Bild in der Sprache. Zur Verknüpfung von Sprache und Bild im massenmedialen Text. Konzepte, Theorien, Analysemethoden*. Berlin: de Gruyter, 2004.
33. Straßner, Erich: *Journalistische Texte*. Tübingen: Niemeyer, 2000. (Grundlagen der Medienkommunikation 10).
34. Tannen, Deborah / Trester, Anna Marie (Hrsg.): *Discourse 2.0. Language and new Media*. Washington: Georgetown University Press, 2011.
35. Thurlow, Crispin: *Digital Discourse. Language in the New Media*. Oxford: Oxford University Press, 2011.

DYNAMICS OF TEXT TEMPLATES AND GENRE TYPES IN GERMAN MEDIA TEXT

Pastukhov A. G.

Since the formation of text linguistics as an independent field in linguistics the problems of textual (genre) linguistics are significantly expanding. In a large massive of texts changing processes can be traced, and not only by a diachronic plan, but by changes related to the latest dynamics in German media. The article presents the author's stand point that intensively contributes to the theoretical understanding of current issues in media text linguistics and media text theory, as well as methodological approaches to the dynamic aspects of text, reflecting more important empirical implementations. The article concludes that the genre dynamics and media text hybridization are constantly raised in modern media. The question about the identification of template characteristics and genre standards influenced much the text typology changes, both hypothetical and real.

Keywords: text, media text, media genre, text linguistics, dynamization, text pattern, media convergence.

УДК 070

INFORMATION PROMOTION OF SPUTNIK V VACCINE IN THE RUSSIAN-SPEAKING BLOGOSPHERE: STRATEGIES FOR COUNTERING INFORMATION ATTACKS

Subbotina O. A., Yablonovskaya N. V., Shilina A. G.

*Institute for Media Communications, Media Technologies and Design,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
E-mail: subbotiny08@mail.ru; yablon@rambler.ru; angela_shilina@bk.ru*

Strategies for countering information attacks that discredit the Russian vaccine Gam-COVID-Vac (Sputnik V) against coronavirus, as well as strategies for promoting Gam-COVID-Vac (Sputnik V) vaccine in social networks are described and systematized in the article. The authors' attention of the study focuses on the interaction of the mass media system, the state and society, as well as on the ways of information influence on the society's position to the COVID-19 pandemic and the need for vaccination. The argumentation of the serious consequences of refusing vaccination in difficult epidemiological conditions is an appeal to study prerequisites and consequences of biological terrorism. Blog texts in Russian are the research material. The information content analysis in Russian in the blogosphere about Sputnik V vaccine within the TOWS matrix reveals strategic alternatives affecting public opinion on vaccination; defines vaccine focused, vaccine promoting and vaccine propagandizing strategies; predicts the patterns of subsequent implementation of Gam-COVID-Vac vaccine (Sputnik V) and other Russian vaccines (EpiVacCorona, CoviVac, Sputnik Light). The methodological approach to material analysis used in the article (SWOT analysis and TOWS techniques) can be used in situations of similar information attacks.

Key words: blogosphere, information attack, bioterrorism, vaccination, Gam-COVID-Vac, Sputnik V.

INTRODUCTION

158 339 232 people were infected with a new coronavirus infection in the world, 3 293 232 died [5], Russia recorded 4 888 727 confirmed cases of COVID-19, 113 647 deaths [9] in accordance with data on May 10th, 2021. Vaccination has become the main tool in the system to counter the COVID-19 pandemic.

In the modern information and communication space, media and social networks make public mind about the importance or, conversely, insignificance of vaccination against a new coronavirus infection (COVID-19) [8]. Accordingly, Islam M. S. et al. (2020) define social media impact on public health in terms of COVID-19-related infodemic. As a result of the information saturation during the COVID-19 pandemic – the abundance of rumors, stigmatization and conspiracy theories – the infodemic of the media space has become a concomitant phenomenon. According to the study, monitoring in social networks was recognized as the best method of studying false information and rumors in real time and a way to debunk misinformation and reduce stigma. However, identifying fakes and conspiracy theories in real time is not an easy task. Therefore, the authors of the mentioned study traced and revealed rumors, stigmatization and conspiracy theories related to COVID-19 circulating on online platforms and online newspapers, as well as their impact on public health. Content analysis of news articles helped to identify 2,311 reports of rumors, stigmatization and conspiracy theories in 25 languages from 87 countries by April 2020, that is, a year earlier than the date recorded in this study. The claims were related to disease, transmission and mortality (24%), control measures (21%), treatment (19%), the cause of

the disease, including origin (15%), violence (1%) and others (20%). Of the 2,276 reports for which text ratings were available, 1,856 claims were false (82%) [19].

In this regard, it is appropriate to refer to specialized scientific literature covering the various stages of development and implementation of the first Russian vaccine Gam-COVID-Vac (Sputnik V) against coronavirus infection. Thus, T. K. Burki [12] provides factual information that: 1) On August 11th, 2020, Russia became the first country in the world to approve a vaccine against severe acute respiratory syndrome (SARS-CoV-2); 2) there are widespread concerns that approval is premature, since the vaccine has not started the third phase of trials at the time of approval: the strong immune response caused in all participants of the first and second phase of the trials was not a sufficient reason for the approval of the vaccine for regulatory agencies such as the US Food and Drug Administration and the European Agency Medicines; 3) Kirill Dmitriev, CEO of the Russian Direct Investment Fund (RDIF), which finances the development of Sputnik V vaccine, drew attention to the fact that some international politicians and the media preferred to focus on the political game and attempts to undermine the credibility of the Russian vaccine instead of studying the scientific platform of vaccines based on adenovirus vectors developed by Russia. C. van Tulleken [26] refers to a previous article by T. K. Burki [12], published in the specialized medical journal *The Lancet*, and argues the method of sources peer review used by this and other authors of *The Lancet* publications, is not sufficient to assess the risk / benefit ratio of new drugs associated with the discreteness of data, as well as with a small number of test participants in groups. G. Lawton [20] presents research on the “controversial start” of the Russian Sputnik V vaccine in August, 2020 and the questionable preliminary results of 92% efficacy published by Gamaleya National Research Center for Epidemiology and Microbiology. However, according to the authors of the article, the data on the ongoing clinical trials of the third phase and the effectiveness of the vaccine by 91.6% [22], also published in *The Lancet*, should be considered more convincing. The study also provides comparative information on the technologies used in the development of Sputnik V vaccine and vaccines developed by the international pharmaceutical and holding companies AstraZeneca (UK), Johnson & Johnson (USA), Sinopharm and Sinovac (China). Besides, attention should be paid to the provocative (for a scientific publication) nature of the statement by G. Lawton: “Non-Western vaccines are serious players in the global effort against Covid-19, but we need more transparent data” [20]. Referring to a quote of Nikolai Petrov, an expert at international affairs think tank Chatham House in London: “[President] Vladimir Putin is using vaccines as a tool to promote Russian interests and as soft power in international relations” and the widespread opinion that “China has also been accused of using vaccines to advance its geopolitical interests” the author of the article nevertheless concludes that “the Russian and Chinese vaccines appear at least as safe and effective as other vaccines and for billions of people around the world, they will be a lifeline” [20]. It is also necessary to pay attention at foreign specialized sources that contain exclusively factual data on laboratory tests of Sputnik V vaccine along with other vaccines against coronavirus infection. This is, for example, information that “Sputnik V vaccine is likely to remain highly effective in preventing severe cases of COVID-19 ...” [18]. Later in 2022 the issue of vaccination covers key recommendations stated by the “The Lancet Commission on lessons for the future from the

COVID-19 pandemic”: “Epidemic control was seriously hindered by substantial public opposition to routine public health and social measures, such as the wearing of properly fitting face masks and getting vaccinated. This opposition reflects a lack of social trust, low confidence in government advice, inconsistency of government advice, low health literacy, lack of sufficient behavioral-change interventions, and extensive misinformation and disinformation campaigns on social media”; “Economic recovery depends on sustaining high rates of vaccination coverage and low rates of new, clinically significant COVID-19 infections, and on fiscal and monetary policies to mitigate the socioeconomic effects of the pandemic and prevent a financial crisis”; “Countries should maintain a vaccination-plus strategy that combines mass vaccination...” [24].

A review of professionally oriented scientific publications showed that the discussions of scientists-communicators include not only the results of laboratory tests of vaccines against coronavirus infection and data comparison, but also a clear trace of the current mass media agenda. The obvious politicization of the vaccination process as the most effective way to counter the COVID-19 pandemic applies equally to representatives of professional and non-professional communication communities. Such a “construction” of a vaccine-sized scientific and mass media agenda is accompanied by certain influencing, suggestive and manipulative methods of the target audience affecting, which in fact are manifestations of information warfare [11]. In this regard, the research is aimed at a detailed study of the mechanisms of information impact on the mass audience, since it is the mass audience that is the ultimate goal of the vaccination campaign against coronavirus.

The aim and objectives of the study. This article deals with description of strategies for countering information attacks that discredit the Russian vaccine Gam-COVID-Vac (Sputnik V) against coronavirus, as well as strategies for its information promotion.

The research material is represented with blog texts in Russian media space.

PRESENTATION OF THE BASIC MATERIAL

The dramatic experience of the COVID-19 pandemic has argued for calls to public health officials and epidemiologists in terms of bioterrorism threats as the situation with mass casualties as a result of the rapid spread of an infectious disease predicts a model of bioterrorist danger and reaction to it. In the end of the 20th century the threat of bioterrorism has been clearly denoted. D.A. Henderson (1998, 1999) has been revealed that points of view claimed only as theoretical possibility have no validity. Author’s anxiety has been caused by outbreaks of smallpox and anthrax in different parts of the world. Vaccination as well as medicines stocking and health workers training is seen as obvious and effective strategy against bioterrorism attacks [16]. Exactly a conscious approach to conceptual facilities for bioterrorism prevalence is concerned in the studies [17]. So that vaccination as means for enhancing public health for better overcoming infectious diseases that can be caused by biological weapons.

During the time political and public health officials have been alarmed by the state’s capacity to identify the bioterrorist threat timely and unmistakably [21]. In the conditions of complex foresight and, consequently, prevention of bioterrorism, there is a need for the availability of medical research platforms for the rapid identification of biological threat

agents and their further study. This is an important factor for minimizing the spread of these agents and protecting public health.

The need to transform the global strategy of vaccine prevention is justified by Russian scientists V. V. Zverev and B. F. Semenov (2002) due to the increasing threat of the use of biological weapons by terrorist organizations based on pathogenic viruses and bacteria. As a result of research, a hypothesis is put forward that the cessation of vaccination after the elimination of the disease is not always justified. In this regard, there is a clear need to start vaccination of those people who may first of all face the consequences of the biological weapons use: medical personnel, employees of the Ministry of Internal Affairs, special services (Ministry of Emergency Situations, special services of the Ministry of Health, firefighters, customs officers), transport and public utilities, border troops. As an example, the authors consider the real threat of bioterrorism with the possible use of the smallpox virus, which has put Russia, the United States and the world community before the need to revise national and international programs in order to accelerate the development, creation and improvement of means of treatment, prevention and diagnosis of this disease [1].

With the development of research on bioterrorism and its consequences for the health of society, the definition of the term itself is also being transformed. Thus, Spencer defines bioterrorism as “the use of micro-organisms as weapons of catastrophic effect which can be described as: the category or method of use of a weapon system that results in a significant negative impact on a nation’s physical, psychological or economic well-being, thereby causing a major modification of routine activity” [25]. This approach to the definition emphasizes a number of important points. Discussed notion highlights several key points: the range of threats that are regarded as manifestations of bioterrorism are not only physical in nature, but may also include psychological and economic factors. M. D. Christian (2013) turning to empirical research, substantiates the claim that biological weapons have been used for centuries, which means bioterrorism remains a threat to the future [13]. The author emphasizes the importance of adequate preparedness of the state and society to manage the situation with mass casualties. As the experience of media studies shows, the role of various media of mass communication can be crucial for raising people's awareness.

Further studies on bioterrorism threatening to national security reveal among the features of biological weapons as weapons of mass people’s destruction secrecy and duration of action; the possibility of simultaneous use of various biological agents, including those with altered biological properties; the potential for the spread of emerging diseases over vast territories; the duration and complexity of identifying microorganisms [4]. Moreover, the anxiety of experts is caused by extremely potential reality of biological means use for terrorist acts in modern conditions. In this regard, health education of the population about the peculiarities of the development of epidemic processes and possible measures to protect the body from infectious diseases, including through information in the mass media space, is an effective way to prevent bioterrorism.

The current situation makes efforts to form national plans to counter biological terrorism necessary, since the possibility of a biological terrorist threat becomes really dangerous. In this regard, potential threats order the need for more active training of the population of our country in the basics of combating particularly dangerous infections [3]. It should be noted the process of ‘training’ to such complicated epidemiological situation as COVID-19 pandemic has shown huge mass media impact.

While the COVID-19 pandemic information space that responds to social and economic, social and political challenges, the most significant of which is the production and introduction of the Russian vaccine Gam-COVID-Vac (Sputnik V) against coronavirus, needs effective tools to assess its promotion. SWOT analysis and its complementary TOWS methodology (“TOWS matrix”) [27] are used to study the effectiveness of internal and external factors of objects functioning in various spheres of society [2; 6; 7; 10; 14;15; 23] and generate effective strategies for enhancing advantages and neutralizing disadvantages of the internal environment of studied objects, minimizing risks and implementing opportunities of their external environment (Table 1).

Table 1. Matrix of strategic alternatives TOWS [27]

	Internal advantages / strengths (S – Strengths)	Internal disadvantages / weaknesses (W– Weaknesses)
External opportunities (O – Opportunities)	SO: strategy <i>Maxi-Maxi</i> <i>using advantages / strengths to maximize opportunities</i>	WO: strategy <i>Mini-Maxi</i> <i>minimizing disadvantages / weaknesses to enhance capabilities</i>
External threats (T – Threats)	ST: strategy <i>Maxi-Mini</i> <i>using strengths to minimize threats</i>	WT: strategy <i>Mini-Mini</i> <i>minimizing disadvantages / weaknesses and overcoming threats</i>

Information about the Russian vaccine Sputnik V belongs to the category of objects that can be effectively studied using the SWOT and TOWS analysis methods: it “does not imply any specific set of indicators that would be applied to any object under study. SWOT factors (*TOWS – Noted by authors*) are formulated by experts in the form of value judgments in natural language [6]: for example, “*A close-knit team*” (in Russian: «*Сплоченный коллектив*»); “*Weak material and technical base of medical institutions*” (in Russian: «*Слабая материально-техническая база медицинских учреждений*»). According to the research, the significance of this approach lies in the reason that factors of the internal and external environment are taken into account, which are not subject to uncontested assessment.

Advantages / strengths (S) of the internal environment: in fact, the information material can be considered facts, personal experience (interviews), personal opinions and

arguments. So that internal disadvantages / weaknesses (W) are quotes from doctors, forecasts of negative consequences, examples of the ineffectiveness of vaccination, statements of distrust in Russian medicine, statistics (Table 2).

Table 2. Internal factors of information content about Sputnik V vaccine

Internal advantages / strengths (S – Strengths)	Internal disadvantages / weaknesses (W– Weaknesses)
S1. Positive facts and statistics: “out of 20,000 volunteers who risked testing the vaccine on themselves, only 273 people (1.5% of the total number of “testers”) fell ill with coronavirus”.	W1. Quotes from doctors who took part in the development of the vaccine about “frequent and very frequent” side effects.
S2. An interview in which the journalist said about his good health after vaccination: “I felt nothing”.	W2. The statement about the unknown consequences of the vaccine “in twenty years or in eight”.
S3. The fact that the Russian vaccine Sputnik V received support in Europe: “Hungary became the first country to issue a permit for the use of the Russian vaccine Sputnik V”.	W3. Question and statement: “Where does a good vaccine come from? Russian medicine is one of the worst in the world. Russia is a country incapable of creating and offering anything to the world”.
S4. The opinion that the safety of vaccination with Sputnik V, CoviVac, Pfizer and other vaccines have not been proven, but the disease is more dangerous than the possible risk; the benefits of herd immunity are noted.	W4. Forecast of mandatory vaccination with an incompletely studied vaccine and, as a result, the presence of victims.
S5. Reasons about the worth of getting vaccinated against coronavirus; illiterate people refuse vaccination.	W5. Arguments that the vaccine has not yet “proven its effectiveness and safety” and has not “passed the third stage of clinical trials”.
S6. Objective information about vaccination from the perspective of personal experience.	W6. Statement about the ineffectiveness of the vaccine, based on the fact: “Two months ago, the journalist was vaccinated with Sputnik V. Today he announced that he had contracted the coronavirus. This is all you need to know about this vaccine and its declared “95% effectiveness”.
	W7. Statistics from a survey that “more than 70% of Russians do not want to be vaccinated against coronavirus”.

The factors influencing the formation of the external information field around the Russian vaccine against coronavirus include: examples, facts, statistics, jokes, irony, personal opinions and statements of bloggers, which are perceived as external opportunities or external threats (Table 3).

Table 3. External factors of information content about Sputnik V vaccine

External opportunities (O – Opportunities)	External threats (T – Threats)
O1. Convincing examples of the failure of anti-vaccination campaigns and the anti-vaccination movement.	T1. Facts and statistics indicating people's distrust of information (“propaganda”) about Sputnik V vaccine coming from official (federal) sources.
O2. Statistics: “Judging by the polls, only 2-3% of the population are afraid of vaccination”; facts and statistics on the importance of herd immunity in the fight against various infectious diseases.	T2. The assumption that an official poll among the population will show about 70% of those who believe that it is not necessary to get vaccinated, since this is “another public relations project of the authorities”; generally there is a strong anti-vaccination movement in the country.
O3. Jokes and irony in a post about vaccination on the Telegram channel, where the blogger answered popular questions about vaccination, for example: ‘Will the vaccination be voluntary or compulsory?’: “Compulsory, of course. Are you in Mordor or where? Those who disagree will be flogged in the stables and injected at once with a fivefold dose of Sputnik V; and about the availability of the vaccine in Russia: “You are discouragingly right. Therefore, everyone will be given the same single dose of vaccine, with the same syringe”.	T3. Personal opinion with an indication of the facts: “I wouldn't even want to talk about the Russian vaccine. The Russian vaccine is ridiculous. Israel refused, Turkey refused ...”. A controversial argument: “... And in Russia itself it is not visible how people are vaccinated. There are serious problems with this vaccine”.
O4. Persuasive statement “Getting vaccinated is the way out”.	T3. The forecast that unpopular government reforms in connection with the economic crisis will hit the mood and support of the people.
O5. Personal opinion: “I suspect that the American and German vaccines will be good, but I will not rush to vaccinate”.	T4. Examples from open sources about the need for a two-year period to study a vaccine and side effects, as well as an

INFORMATION PROMOTION OF SPUTNIK V VACCINE...

	<p>example about the use of an unexplored vaccine by a large foreign company and the consequences - the birth of children with deformities.</p>
<p>O6. Negative attitude to the over-the-counter sale of coronavirus medicines in pharmacies.</p>	<p>T5. Reasoning about the competitive nature of vaccination in Russia: “The start of mass vaccination is scheduled immediately after the US-German vaccine was registered in the UK. Is it really so important for us to be the fastest?”</p> <p>The race with the Russian vaccine reminds me of a competition, but the problem is that no one competes with us”. As a result – refusal to vaccinate at this stage.</p>
<p>O7. Fact concerning biopolitics: the state takes responsibility for the health of citizens.</p>	<p>T6. Expression of the opinion that “Non-marginal anti-vaccination agents harm the start of Sputnik - it harms, it is killed by promotion with propaganda, a tool for abstract consent. But here you need truth and faith in it ...”.</p>
<p>O8. A comparative analysis of the situation with the development of vaccines in different countries leads the blogger to the opinion that “all vaccine developers worked under great pressure, everyone had to squeeze the standard testing and registration procedures to a vital minimum. Otherwise, vaccine production is a routine task. And most importantly: there is no reason to think that Russian biochemists coped with it worse than American, British or Chinese ... ”.</p>	
<p>O9. Intention to vaccinate: “Of course, I will get vaccinated and take the video about it ...”.</p>	

FINDINGS

The study of internal and external factors influencing the development of information about Sputnik V vaccine makes it possible to determine strategic alternatives in working with thematic content within the TOWS matrix:

1. **SO: Maxi-Maxi** strategies (using advantages / strengths to maximize opportunities).
 - 1.1. Strengthening the broadcast of positive facts and statistics on vaccine / vaccines (**S1, O2**).
 - 1.2. Focusing on personal positive vaccination experiences (**S2, S6, O4**).
 - 1.3. Making the facts of Russian vaccine Sputnik V recognition abroad more expressive (**S3, O7, O8**).
 - 1.4. Regular information about the risks and consequences of coronavirus infection (**S4, O1, O2, O9**).
 - 1.5. Systematic coverage of the need for various types of vaccination (including against the COVID-19 virus) (**S5, O1, O2, O9**).
2. **WO: Mini-Maxi** strategies (minimization of disadvantages / weaknesses to enhance opportunities).
 - 2.1. Periodic broadcasting of data on the failure of anti-vaccination campaigns and the futility of the anti-vaccination movement (**W7, O2**).
 - 2.2. Turning to humorous content to better promote the importance of vaccination (**W7, O3**).
 - 2.3. Strengthening the information component about standard vaccine production procedures and the relevant conditions in which developers from different countries worked to build confidence in the Russian Sputnik V vaccine (**W1, W3, W5, W6, O7, O8**).
 - 2.4. Effectiveness of statistical data on the consequences of over-the-counter sales of medicines for coronavirus in pharmacies (**W2, W4, O6**).
3. **ST: Maxi-Mini** strategies (using strengths to minimize threats).
 - 3.1. Regular reference to the personal positive experience of bloggers constructing information content about Sputnik V vaccine, as well as EpiVacCorona and CoviVac vaccines in order to minimize / neutralize the mistrust that has developed towards messages from government sources (**S2, S6, T1, T2, T6**).
 - 3.2. Popularization of objective statistical data on the results of vaccination against coronavirus in different countries with various vaccines for the possibility of subsequent comparison of the results (**S1, S4, T4, T5**).
 - 3.3. Promoting evidence of support for the Russian Sputnik V vaccine (hereinafter also other vaccines) in other countries to attract attention and strengthen support for the vaccination campaign in Russia (**S3, T3**).
4. **WT: Mini-Mini** strategies (minimizing disadvantages / weaknesses and overcoming threats).
 - 4.1. Regular coverage of ongoing research on Sputnik V, EpiVacCorona and CoviVac vaccines: results, risks and side effects (**W2, W3, W4, W5, W6, T3, T4**).

CONCLUSION

Analysis of Russian information content in the blogosphere about the Russian coronavirus vaccine Sputnik V within the TOWS matrix allowed:

- to identify strategic alternatives influencing public opinion on vaccine prevention;
- to define the strategies *Maxi-Maxi* as vaccine focused, *Mini-Maxi* and *Maxi-Mini* as vaccine promoting and *Mini-Mini* as vaccine propagandizing;
- to predict the regularities of the subsequent introduction of the Gam-COVID-Vac vaccine (Sputnik V) and the distribution of other Russian vaccines (EpiVacCorona, CoviVac, Sputnik Light).

The methodological approach to material analysis (SWOT analysis and TOWS methods) used in the article is an effective blocker of information campaigns, falsifying vaccination results, and a scientific and practical mechanism for countering modern bioterrorism.

Список литературы

1. *Зверев В. В., Семенов Б. Ф.* Вакцинопрофилактика и биотерроризм // *Вакцинация*. – 2002. – № 3. – С. 21.
2. *Карпикова И. С., Седых О. Г.* Применение SWOT-анализа в изучении социальных проблем (на примере исследования социального иждивенчества и паразитизма) // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. – 2018. – № 11. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-swot-analiza-v-izuchenii-sotsialnyh-problem-na-primere-issledovaniya-sotsialnogo-izhdivenchestva-i-parazitizma>. – (Дата обращения: 24.03.2021).
3. *Кобец П. Н.* О важности разработки комплексных мер, наиболее эффективно противодействующих угрозам биотерроризма // *Философия права*. – 2021. – № 1 (96). – С. 75–80.
4. *Коломыйченко В. А., Богданова А. А.* Биотерроризм как угроза национальной безопасности // *Бюллетень медицинских интернет-конференций*. – Общество с ограниченной ответственностью «Наука и инновации», 2017. – Т. 7. – № 6. – С. 1096–1096.
5. *Коронавирус в мире: данные по странам и регионам*. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-51706538>. – (Дата обращения: 11.05.2021).
6. *Майсак О. С.* SWOT-анализ как средство совершенствования медицинской организационной среды / О. С. Майсак, Н. В. Майсак, Г. Р. Сагитова // *Современные проблемы науки и образования*. – 2011. – № 6. – Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=5080>. – (Дата обращения: 08.05.2020).
7. *Майсак О. С.* SWOT-анализ: объект, факторы, стратегии. Проблема поиска связей между факторами // *Прикаспийский журнал: управление и высокие технологии*, 2013. – № 1 (21). – С. 151–157.
8. *Орлова Н. В.* Влияние средств массовой информации и социальных сетей на формирование общественного мнения о вакцинации / Н. В. Орлова, Ю. Н. Федулаев, М. Н. Филатова, С. Ю. Орлова // *Педиатрия. Приложение к журналу Consilium Medicum*, 2020. – № 4. – С. 17–24.
9. *СТОПКОРОНАВИРУС.РФ*. – Режим доступа: <https://стопкоронавирус.рф>. – (Дата обращения: 11.05.2021).
10. *Субботина О. А.* Пресс-службы органов государственной власти в Республике Крым: стратегия эффективной коммуникации // *Ученые записки Крымского федерального*

- университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал, 2019. – Том 5 (71). – № 4. – С. 197–213.
11. Фельдман П. Я. Теоретико-прикладные аспекты применения манипулятивных политических технологий в условиях информационной войны (на примере пандемии COVID-19) // П. Я. Фельдман, С. А. Фарниев, С. И. Миронов // Вопросы политологии, 2021. – Т. 11. – №. 3. – С. 686–694.
 12. Burki T. K. The Russian vaccine for COVID-19 // *The Lancet Respiratory Medicine*. – 2020. – V. 8. – №. 11. – P. e85–e86.
 13. Christian M. D. Biowarfare and bioterrorism // *Critical care clinics*. – 2013. – Т. 29. – №. 3. – С. 717–756.
 14. Dandage R. V., Mantha S. S., Rane S. B. Strategy development using TOWS matrix for international project risk management based on prioritization of risk categories // *International Journal of Managing Projects in Business*. – 2019. – Vol. 12. – No. 4. – Pp. 1003–1029.
 15. Dargahi H., Darrudi A., Zalvand R. Family medicine program in Iran: SWOT analysis and tows matrix model // *Iranian Journal of Public Health*. – 2019. – V. 48. – №. 6. – P. 1140.
 16. Henderson D. A. Bioterrorism as a public health threat // *Emerging infectious disease*. – 1998. – V. 4. – №. 3. – P. 488.
 17. Henderson D. A. The looming threat of bioterrorism // *Science*. – 1999. – V. 283. – №. 5406. – P. 1279–1282.
 18. Ikegame S. et al. Qualitatively distinct modes of Sputnik V vaccine-neutralization escape by SARS-CoV-2 Spike variants // *MedRxiv*. – 2021. – P. 2021.03. 31.21254660.
 19. Islam M. S. et al. COVID-19-related infodemic and its impact on public health: A global social media analysis // *The American journal of tropical medicine and hygiene*. – 2020. – V. 103. – №. 4. – P. 1621.
 20. Lawton G. Sputnik V vaccine goes global // *New Scientist*. – 2021 – № 250 (3331). – P. 10–11.
 21. Lim D. V. et al. Current and developing technologies for monitoring agents of bioterrorism and biowarfare // *Clinical microbiology reviews*. – 2005. – V. 18. – №. 4. – P. 583–607.
 22. Logunov D. Y. et al. Safety and efficacy of an rAd26 and rAd5 vector-based heterologous prime-boost COVID-19 vaccine: an interim analysis of a randomised controlled phase 3 trial in Russia // *The Lancet*. – 2021. – V. 397. – №. 10275. – P. 671–681.
 23. Ravanavar G. M., Charantimath P. M. Strategic formulation using tows matrix—A Case Study // *International Journal of Research and Development*. – 2012. – Vol. 1. – №. 1. – P. 87–90.
 24. Sachs J. D. et al. The Lancet Commission on lessons for the future from the COVID-19 pandemic // *The Lancet*. – 2022. – Vol. 400. – №. 10359. – P. 1224–1280.
 25. Spencer R. C. Potential bio-terror agents // *J Hosp Infect*. – 2007. – 65 (Suppl 2). – P. 19–22.
 26. Van Tulleken C. Covid-19: Sputnik vaccine rockets, thanks to Lancet boost // *BMJ*. – 2021. – Vol. 373. – P. 1108.
 27. Wehrich H. The TOWS matrix – A tool for situational analysis // *Long range planning*. – 1982. – V. 15. – №. 2. – P. 54–66.

References

1. Zverev V. V., Semenov B. F. *Vakcinoprofilaktika i bioterrorism* [Vaccination and bioterrorism]. *Byulleten' «Vakcinaciya*, 2002, no 3, p. 21.
2. Karpikova I. S., Sedykh O. G. *Primenenie SWOT-analiza v izuchenii social'nyh problem (na primere issledovaniya social'nogo izhdivenchestva i parazitizma)* [Application of SWOT analysis in the study of social problems (on the example of social dependency and parasitism study)]. *Humanities, Social and Economic sciences*, 2018, no 11. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-swot-analiza-v-izuchenii-sotsialnyh-problem-na-primere-issledovaniya-sotsialnogo-izhdivenchestva-i-parazitizma> (accessed: 24.03.2021).

3. Kobec P. N. *O vazhnosti razrabotki kompleksnyh mer naibolee effektivno protivodejstvuyushchih ugrozam bioterrorizma* [On the importance of developing comprehensive measures that most effectively counteract the threats of bioterrorism]. *Filosofiya prava*, 2021, 1 (96), p. 75–80.
4. Kolomyjchenko V. A., Bogdanova A. A. *Bioterrorizm kak ugroza nacional'noj bezopasnosti* [Bioterrorism as a threat to national security]. *Byulleten' medicinskih internet-konferencij. Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Nauka i innovacii»*, 2017, no 7 (6), pp. 1096–1096.
5. *Koronavirus v mire: dannye po stranam i regionam* [Coronavirus in the World: Countries and Regions Data]. Available at: <https://www.bbc.com/russian/news-51706538> (accessed: 11.05.2021).
6. Majsak O. S. *SWOT-analiz kak sredstvo sovershenstvovaniya medicinskoj organizacionnoj sredy* [SWOT analysis as means of medical organizational environment improvement]. *Modern Problems of Science and Education*, 2011, no 6. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=5080> (accessed: 08.05.2020).
7. Majsak O. S. *SWOT-analiz: ob"ekt, faktory, strategii. Problema poiska svyazey mezhdru faktorami* [SWOT analysis: object, factors, strategies. The problem of finding connections between factors]. *Caspian Journal: Management and High Technologies*, 2013, no. 6 (21), pp. 151–157.
8. Orlova N. V. *Vliyanie sredstv massovoj informacii i social'nyh setej na formirovanie obshchestvennogo mneniya o vakcinacii* [Mass media and social networks influence on the formation of public opinion about vaccination]. *Pediatrics. Appendix to the Consilium Medicum Journal*, 2020, no 4, pp. 17–24.
9. STOPKORONAVIRUS.RF. Available at: <https://stopkoronavirus.pf> (accessed: 11.05.2021).
10. Subbotina O. A. *Press-sluzhby organov gosudarstvennoj vlasti v Respublike Krym: strategiya effektivnoj kommunikacii* [Press Services of governmental authorities in the republic of Crimea: Effective Media Communication Strategy]. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences. Scientific journal*, 2019, V. 5 (71), no 4, pp. 197–213.
11. Feldman P. Ya. *Teoretiko-prikladnye aspekty primeneniya manipulyativnyh politicheskikh tekhnologij v usloviyah informacionnoj vojny (na primere pandemii COVID-19)* [Theoretical and applied aspects of the manipulative political technologies use in the context of information warfare (on the example of the COVID-19 pandemic)]. *The issues of Political Science*, 2021, no. 3, pp. 686–694.
12. Burki T. K. *The Russian vaccine for COVID-19. The Lancet Respiratory Medicine*, 2020, vol. 8, no. 11, pp. e85-e86.
13. Christian M. D. *Biowarfare and bioterrorism. Critical care clinics*, 2013, V. 29, no 3, pp. 717–756.
14. Dandage R. V., Mantha S. S., Rane S. B. *Strategy development using TOWS matrix for international project risk management based on prioritization of risk categories. International Journal of Managing Projects in Business*, 2019, vol. 12, no. 4, pp. 1003–1029.
15. Dargahi H., Darrudi A., Zalvand R. *Family medicine program in Iran: SWOT analysis and tows matrix model. Iranian Journal of Public Health*, 2019, v. 48, no. 6, p. 1140.
16. Henderson D. A. *Bioterrorism as a public health threat. Emerging infectious disease*, 1998, v. 4, no. 3, p. 488.
17. Henderson D. A. *The looming threat of bioterrorism. Science*, 1999, v. 283, no. 5406, pp. 1279–1282.
18. Ikegame S. et al. *Qualitatively distinct modes of Sputnik V vaccine-neutralization escape by SARS-CoV-2 Spike variants. MedRxiv*, 2021, p. 2021.03. 31.21254660.
19. Islam M. S. et al. *COVID-19–related infodemic and its impact on public health: A global social media analysis. The American journal of tropical medicine and hygiene*, 2020, v. 103, no. 4, p. 1621.

20. Lawton G. *Sputnik V vaccine goes global. New Scientist*, 2021, no. 250 (3331), pp. 10–11.
21. Lim D. V. et al. *Current and developing technologies for monitoring agents of bioterrorism and biowarfare. Clinical microbiology reviews*, 2005, v. 18, no. 4, pp. 583–607.
22. Logunov D. Y. et al. *Safety and efficacy of an rAd26 and rAd5 vector-based heterologous prime-boost COVID-19 vaccine: an interim analysis of a randomised controlled phase 3 trial in Russia. The Lancet*, 2021, v. 397, no. 10275, pp. 671–681.
23. Ravanavar G. M., Charantimath P. M. *Strategic formulation using TOWS matrix—A Case Study. International Journal of Research and Development*, 2012, v. 1, no. 1, pp. 87–90.
24. Sachs J. D. et al. *The Lancet Commission on lessons for the future from the COVID-19 pandemic. The Lancet*, 2022, v. 400, no. 10359, pp. 1224–1280.
25. Spencer R. C. *Potential bio-terror agents. J Hosp Infect*, 2007, 65 (Suppl 2), pp. 19–22.
26. Van Tulleken C. *Covid-19: Sputnik vaccine rockets, thanks to Lancet boost. BMJ*, 2021, v. 373, p. 1108.
27. Weihrich H. *The TOWS matrix – A tool for situational analysis. Long range planning*, 1982, v. 15, no. 2, pp. 54–66.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОДВИЖЕНИЕ ВАКЦИНЫ «СПУТНИК V» В РУССКОЯЗЫЧНОЙ БЛОГОСФЕРЕ: СТРАТЕГИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИНФОРМАЦИОННЫМ АТАКАМ

Субботина О. А., Яблоновская Н. В., Шилина А. Г.

В статье описаны и систематизированы стратегии противодействия информационным атакам, дискредитирующим российскую вакцину Gam-COVID-Vac («Спутник V») против коронавируса. Внимание авторов работы фокусируется на взаимодействии массмедиа-системы, государства и общества, а также на способах информационного воздействия на позицию социума в отношении пандемии COVID-19 и необходимости вакцинации. Аргументацией серьезных последствий отказа от вакцинации в сложных эпидемиологических условиях является обращение к изучению предпосылок и последствий биологического терроризма. Исследовательским материалом являются тексты блогов на русском языке. Анализ информационного контента на русском языке в блогосфере о вакцине «Спутник V» в рамках матрицы TOWS выявляет стратегические альтернативы, влияющие на общественное мнение о вакцинации; определяет стратегии, ориентированные на вакцину, продвижение вакцины и пропаганду вакцин; прогнозирует модели последующего внедрения вакцины Gam-COVID-Vac («Спутник V») и других российских вакцин («ЭпиВакКорона», «КовиВак», «Спутник Лайт»). Методологический подход к анализу материала, использованный в статье (SWOT-анализ и методы TOWS), может быть использован в ситуациях аналогичных информационных атак.

Ключевые слова: блогосфера, информационная атака, биотерроризм, вакцинация, Gam-COVID-Vac, Sputnik V («Спутник V»).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баранова Евгения Сергеевна – аспирант ЗабГУ, преподаватель отделения общеобразовательных дисциплин Забайкальского института железнодорожного транспорта – ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет путей сообщения», г. Чита, Россия

Баранская Елена Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и украинской филологии ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», г. Симферополь, Россия

Беспалова Елена Константиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Боргоякова Тамара Герасимовна – доктор филологических наук, профессор, директор Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии, профессор кафедры зарубежной лингвистики и теории языка Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан, Россия

Булгакова Анна Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь

Вэн Цзятун – аспирантка кафедры русского языка и методики его преподавания института русского языка и словесности ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет», г. Волгоград, Россия, гражданка КНР

Джемилева Айше Аблямитовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарской филологии Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Коваленко Александр Георгиевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», г. Москва, Россия

Лихачёв Эдуард Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Лумпова Лидия Николаевна – аспирантка кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», г. Москва, Россия

Мазикова Наталья Юрьевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры рекламы Института «Высшая школа журналистики и массовой коммуникации» Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

Ненарокова Мария Равильевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы (ИМЛИ) им. А.М. Горького РАН, г. Москва, Россия

Орехов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Пастухов Александр Гаврилович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской и иностранной филологии Орловского государственного института культуры, г. Орёл, Россия

Петренко Даниил Александрович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкой филологии Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Покоякова Карина Александровна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова, г. Абакан, Россия

Субботина Ольга Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь, Россия

Супрун Василий Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания института русского языка и словесности ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет», г. Волгоград, Россия

Томичева Ирина Валентиновна – старший преподаватель кафедры романской классической филологии Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Храбскова Данута Михайловна – доцент, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой романской классической филологии Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Чернышова Марина Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры немецкой филологии Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Шилина Анжела Григорьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и издательского дела Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Шмигельская Лина Романовна – студент 4 курса бакалавриата Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Эмирова Адиле Мемедовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры крымскотатарского и турецкого языкознания ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», г. Симферополь, Россия

Яблоновская Наталья Всеволодовна – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

СОДЕРЖАНИЕ

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Баранская Е. М.

ВЕКТОР ТВОРЧЕСКИХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ А. Н. ТОЛСТОГО
ПЕРИОДА РЕ-ЭМИГРАЦИИ.....3

Беспалова Е. К., Шмигельская Л. Р.

ИМЕННОЙ СВЕРХТЕКСТ В ТВОРЧЕСТВЕ В. В. НАБОКОВА.
СТАТЬЯ 2: ДОСТОЕВСКИЙ – «АНТИТЕКСТ».....16

Джемилева А. А.

КОНЦЕПЦИЯ ЭТНОМЕНТАЛЬНОСТИ В ПРОЗЕ ТАИРА ХАЛИЛОВА.....27

Ненарокова М. Р.

«ПУТЬ ПАЛОМНИКА» В АДАПТАЦИИ ДЛЯ ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ:
ВЕРСИЯ ХЕЛЕН Л. ТЕЙЛОР36

Орехов В. В.

БАРОН ДЕ БАЗАНКУР: ЛИТЕРАТОР, ИСТОРИК, ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ.
ЧАСТЬ I. ЮНОСТЬ И ПЕРВЫЙ РОМАН.....48

Храбскова Д. М., Томичева И. В.

МИФЫ И ИДЕИ ТРАНСГУМАНИЗМА В НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ
ФРАНЦИИ ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНА.....70

2. СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА,
ПСИХОЛИНГВИСТИКА
КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

Петренко Д. А., Лихачёв Э. В., Чернышова М. В.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ВИРТУАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ ВКОНТАКТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА).....78

Супрун В. И., Вэн Цзятун

СЛОВО *ЧАЙ* И ЕГО ДЕРИВАТЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....86

3. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Булгакова А. А.
ИГРА КАК СПОСОБ РАСШИРЕНИЯ ВСЕЛЕННОЙ КНИГИ
(НА ПРИМЕРЕ РОМАНА М. ПЕТРОСЯН «ДОМ, В КОТОРОМ...»)...100

Эмирова А. М.
РОДНОЙ ЯЗЫК КАК БАЗОВАЯ КАТЕГОРИЯ
«КОНЦЕПЦИИ ПРЕПОДАВАНИЯ РОДНЫХ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ РФ»...114

4. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

Баранова Е. С.
ИМПЛИЦИТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ
КАК ЭЛЕМЕНТ ИМПЛИЦИТНОЙ СВЯЗНОСТИ ТЕКСТА В РАССКАЗЕ
СОМЕРСЕТА МОЭМА “THE ANT AND THE GRASSHOPPER”...122

Боргоякова Т. Г., Покоякова К. А.
ДИСКУРСИВНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ:
СТРУКТУРА, КОНСТАНТЫ И ДИНАМИКА...133

Коваленко А. Г., Лумпова Л. Н.
СЕМИОТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПОЛИФОНИЧНОГО ТЕКСТА
(РОМАН-ЭПОПЕЯ Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»)...140

5. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Мазикова Н. Ю.
ЯЗЫКОВОЙ ПОРТРЕТ ФЕЙКОВЫХ СООБЩЕНИЙ,
ЧАСТО ПЕРЕСЫЛАЕМЫХ В МЕССЕНДЖЕРАХ...152

Пастухов А. Г.
ДИНАМИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ШАБЛОНОВ
И ЖАНРОВЫХ СТАНДАРТОВ
В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ МЕДИАТЕКСТЕ...166

Subbotina O. A., Yablonovskaya N. V., Shilina A. G.
INFORMATION PROMOTION OF SPUTNIK V VACCINE
IN THE RUSSIAN-SPEAKING BLOGOSPHERE:
STRATEGIES FOR COUNTERING INFORMATION ATTACKS...181

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ...194